

79

С-17

В. Н. САМОШЕНКО

**ИСТОРИЯ
АРХИВНОГО
ДЕЛА**

В
дореволюционной

России

В. В. САМОШЕНКО

ИСТОРИЯ
АРХИВНОГО
ДЕЛА
В
дореволюционной
России

Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Историко-архивоведение»

Москва Высшая школа · 1989

36Ю61

наши не
ост

шест

нет стр 1749-52

Рецензенты:

кафедра архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин
Уральского государственного университета им. А.М. Горького (зав. кафедрой
канд. ист. наук А.В. Черноухов); заместитель директора ВНИИДАД
д-р ист. наук В.Н. Автократов

361061

Красноярская краевая
научная библиотека
им. В. И. Ленина

ПРОВЕРКА
2012

Самошенко В.Н.

С17 История архивного дела в дореволюционной России.
Учеб. пособие для вузов по специальности «Историко-архивоведение». — М.: Высш. шк., 1989. — 215 с.

ISBN 5-06-000429-5

В пособии излагается история отечественного архивного дела, начиная с Древнерусского государства и кончая системой архивов накануне Великого Октября. Показано возрастание роли архивных учреждений в политической, экономической и культурной жизни России. Уделено внимание историческим архивам, их научно-издательской деятельности, использованию хранящихся в них материалов, а также частновладельческим архивам и коллекционной работе библиотек и музеев.

С 4408000000-483
001 (01) - 89 239-89

ББК 79.3
962.9

ISBN 5-06-000429-5

© В.Н. Самошенко, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют пристальное внимание развитию и совершенствованию архивного дела в нашей стране. В своей деятельности они руководствуются указанием В. И. Ленина о том, что нельзя отбрасывать ценнейшие достижения прошлого, а, напротив, необходимо усвоить и переработать «все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли культуры»¹.

В документах КПСС и Советского государства неоднократно указывалось на важную роль письменных памятников прошлого для развития общественных наук и, прежде всего, исторической науки. Особое значение для советских архивистов имеют основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 года, в которых четко сформулировано требование «Улучшать работу архивных учреждений»². Такое указание свидетельствует о большой роли Государственной архивной службы СССР в жизни советского общества и одновременно требует совершенствования деятельности наших архивов. Работники архивных учреждений должны обеспечить сохранность Государственного архивного фонда СССР, лучше организовать использование, создавать условия для наиболее эффективной работы ученых и публикаторов, популяризировать архивные материалы, разрабатывать теоретические и методические вопросы советского архивоведения.

Детальное исследование истории дореволюционного архивного дела может сыграть в этом определенную положительную роль. Оно окажет помощь архивистам в разрешении таких существенных проблем, как оптимизация Государственного архивного фонда СССР, совершенствование сети наших архивных учреждений и качественное улучшение научно-справочного аппарата. Опыт прошлого является фундаментом для успешного развития архивного дела, он поможет избежать ошибок, выбрать правильные направления в планировании архивного строительства и практической деятельности советских архивистов. Знание истории архивного дела даст возможность историкам и работникам архивных учреждений лучше ориентироваться в огромном документальном массиве, которым является Государственный архивный фонд

Начиная с 40-х годов стали издаваться архивные справочники по документам ЦГАДА, ЦГВИА СССР, ЦГАЛИ СССР и других центральных и местных архивов (путеводители, описи, обзоры), в которых раскрывается состав и содержание фондов и часто имеются исторические справки о деятельности фондообразователей. Увидели свет такие ценные публикации, как «Российское законодательство X—XX веков» (М., 1984—1987. Т. 1—5), «Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века» (М., 1986) и др.

Основными источниками послужили архивные документы, отложившиеся в ЦГАДА, ЦГВИА СССР, ЦГАОР СССР, ЦГАЛИ СССР, ЦГИА СССР, ЦГИА Москвы и других хранилищах. Наиболее информативными являлись материалы канцелярий дореволюционных архивов, особенно отчеты, журналы заседаний, штаты, приказы и предписания вышестоящих инстанций, материалы о поступлении документов, приведении их в порядок, дела о допуске ученых, рапорты и докладные записки архивистов, формулярные списки и др.

Большую помощь в выявлении архивных источников оказали сотрудники отдела автоматизированной архивной технологии ВНИИДАД, которые заложили в память ЭВМ информацию о важнейшей части Государственного архивного фонда СССР. В ряде случаев аннотации на фонды, введенные в компьютер, содержат сведения, значительно дополняющие путеводители по архивам и облегчающие поиски необходимых источников. С помощью ЭВМ были обнаружены ценные материалы.

Изучение истории архивного дела дореволюционной России значительно отставало от развития отечественной исторической науки. Лишь со второй половины XIX в. эти вопросы стали привлекать к себе внимание исследователей, подготовивших ряд статей по истории и деятельности отдельных архивов. Они подготовили почву для создания более общих работ. В. С. Иконников в монографии «Опыт русской историографии» (Киев, 1891—1906. Ч. 1—4) привел интересные сведения о составе и содержании ряда архивов, библиотек и музеев, комплектовании и использовании их материалов.

Первым историком отечественного архивного дела стал видный архивист Д. Я. Самоквасов, разработавший двухтомный труд «Архивное дело в России» (М., 1902. Т. 1—2). В нем кратко освещена история архивного дела XVI—XIX вв., причем акцент сделан на архивном законодательстве.

Дореволюционные авторы собрали и обобщили большой фактический материал, благодаря чему их работы не потеряли своей ценности. В то же время в этих исследованиях заметны неполнота освещения проблемы и ряд ошибочных положений, что вызвано недостаточной изученностью темы в тот период и узостью источниковой базы. На этих работах сказалась ограниченность буржуазно-дворянского мировоззрения авторов, которые рассматривали

историю архивного дела в отрыве от социально-экономических условий развития общества.

Сведения об отдельных архивах и их материалах содержатся также в ряде юбилейных изданий, посвященных деятельности различных учреждений и ведомств (История правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. СПб., 1911; Исторический обзор деятельности Комитета министров. 1802—1902. СПб., 1902; Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902. Исторический очерк. СПб., 1902; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—1902. СПб., 1902; и др.), причем в приложениях даются порой архивные документы.

Сильно возрос интерес к дореволюционной истории архивного дела после победы Великого Октября. В 1920 г. в Петрограде вышла книга И. Л. Маяковского «Исторический очерк архивного дела в России». Автор еще не успел освободиться от груза старых традиций; как позднее отмечал сам И. Л. Маяковский, для этой книги характерно «некритическое усвоение и передача основных положений и практики буржуазных архивистов»⁵. Она написана на основе литературы и опубликованных источников. В книге встречаются фактические ошибки, что является свидетельством того уровня знаний по данной проблеме, какой был характерен для первых послереволюционных лет.

Аналогично история архивного дела освещалась в лекционных курсах, разработанных Ю. В. Готье, М. К. Любавским и С. К. Боговлянским.

Со второй половины 30-х годов расширился круг ученых, изучающих историю дореволюционного архивного дела, более целенаправленными стали поиски исследователей. В журналах «Архивное дело», «Вопросы архивоведения», «Советские архивы», на страницах «Археографического ежегодника», «Трудов МГИАИ», «Трудов ВНИИДАД» и других изданий публиковались статьи В. Н. Автократова, М. И. Автократовой, Н. В. Бржостовской, В. И. Гальцова, Ф. Е. Кузнецова, И. С. Назина, С. О. Шмидта, Л. И. Шохина и других авторов. Вклад в разработку этой проблемы внесли также учебные пособия, подготовленные доцентами МГИАИ В. И. Вяликовым, Г. А. Дреминой, Ю. Ф. Кононовым, З. В. Крайской, Т. В. Кузнецовой. В них раскрывается история отдельных архивов и частновладельческих фондов, собирательская деятельность библиотек и музеев и др. Учебные пособия Е. В. Старостина, посвященные архивному строительству других государств, позволяют осветить развитие отечественного архивного дела во взаимосвязи с зарубежным. Кроме того, автор приводит интересные факты и наблюдения по истории русского архивного дела.

Истории ЦГАДА посвящена интересная работа М. И. Автократовой и В. И. Буганова «Сокровищница документов прошлого» (М., 1986). В ней содержится ряд очерков об истории и деятельности дореволюционных архивов, вошедших впоследствии в ЦГАДА.

Из работ обобщающего характера отметим книгу А. В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР» (М., 1940), в которой лаконично освещалось архивное строительство с IX в. до конца 30-х годов.

Обстоятельнее эта проблема отражена в монографии И. Л. Маяковского «Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства)» (М., 1941). Автор собрал и обобщил большой материал (в основном опубликованный). На его книге воспитывалось не одно поколение историков-архивистов. Обе работы отражают уровень знаний тех лет. Архивные источники использовались авторами слабо. Вышедшая в 1960 г. вторым изданием монография И. Л. Маяковского практически не содержала моментов новизны.

В исследовании проблемы прослеживается определенная тенденция. Глубокие монографические исследования посвящены более древнему периоду. В книге И. Л. Маяковского освещению событий X—XVII вв. отведена примерно половина объема. В трудах Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (М., Л., 1948. Т. 1; 1951. Т. 2) и С. О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (М., 1984) история архивного дела в XIV—XVI вв. получила глубокое и многоплановое освещение. Что касается отечественной истории архивного строительства XVIII—начала XX в., то ей посвящены учебные пособия и статьи, отображающие в основном отдельные аспекты или вопросы архивного дела этого периода. Между тем этот период насыщен очень важными событиями и представляет особый интерес для советских архивистов в плане изучения и использования накопленного нашими предшественниками опыта с целью совершенствования архивного строительства и более интенсивного использования письменных источников в настоящее время. Поэтому в данном учебном пособии основное внимание уделяется архивному делу в XVIII—начале XIX в.

Важное значение имеет вопрос о периодизации истории дореволюционного архивного дела. И. Л. Маяковский и А. В. Чернов рассматривали основные периоды развития архивного дела в рамках периодизации советской исторической науки, считая, что они соответствуют друг другу. В то же время развитие архивного дела можно разделить на три самостоятельных этапа. Первый этап включает в себя период с IX в. до конца XV столетия (время существования Древнерусского государства и период феодальной раздробленности). Характерная черта для хранения письменных источников заключалась в том, что документы находились вместе с материальными ценностями.

С конца XV в. документы стали хранить отдельно. Тогда же начали создаваться приказы. Это еще раз подтверждает тесную связь истории архивного дела и истории государственных учреждений. Письменные источники, потерявшие практическое значе-

ние, как правило, находились вместе с текущим делопроизводством. Так продолжалось до начала XVIII в. Это был второй этап в развитии архивного дела. Хронологически он соответствует периоду складывания и развития Русского централизованного государства. Третий этап (начало XVIII в.—1917 г.) характеризуется тем, что архивы превратились в самостоятельную структурную часть учреждений. Такие изменения вызваны реорганизацией государственного аппарата, которая проводилась правительством Петра I, в том числе созданием коллегий. Юридически отделение архивов от канцелярий было зафиксировано в Генеральном регламенте 1720 г. К тому же именно в эти годы возникает первый исторический архив (Московский архив КИД стал историческим в 1724 г.), что также является качественным отличием от предшествующего периода.

Создание исторических архивов (т.е. самостоятельных учреждений, хранивших документацию, которая в основном потеряла практическое, справочное значение и представляла интерес для историков) — важная веха в истории архивного дела. Исторические архивы стали базой для исторической науки, которая возникла в России в то же время. Между тем даже в вопросе о наименовании таких архивов имеются спорные моменты. В нашей литературе их называли историческими ведомственными архивами⁶. Однако подобное наименование и употребление эпитета «ведомственные» вряд ли правомерно. Ведь ведомства появились в России в начале XIX в.⁷, а исторические архивы стали возникать почти на столетие раньше. Только в XVIII в. функционировало шесть таких архивов. А применительно к XVIII в. термин «исторический ведомственный архив» неправилен, поскольку и ведомств еще не существовало. К тому же ряд исторических архивов (например, Разрядно-Сенатский архив, Петербургский государственный архив старых дел, Московский государственный архив старых дел) получил вневедомственное подчинение, находясь на протяжении всего периода своего существования, в том числе и в XIX в., в ведении Сената. На основании вышеизложенного мы решили отказаться от термина «ведомственные», называя такие архивы «историческими».

Автор выражает глубокую признательность профессорам Московского государственного историко-архивного института Н. П. Ерошкину и А. Д. Степанскому, доцентам В. И. Вяликову, Г. А. Дреминой и Е. В. Старостину, заведующему отделом ВНИИДАД кандидату исторических наук Р. Н. Ефименко, заведующему сектором ВНИИДАД кандидату исторических наук О. Ф. Козлову, а также кандидатам исторических наук И. В. Левочкину, К. А. Мазину, Л. И. Шохину, сотрудникам ЦГАДА кандидату филологических наук С. Р. Долговой и В. Г. Бухерту за ценные советы и замечания, которые были учтены при подготовке рукописи.

Из работ обобщающего характера отметим книгу А. В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР» (М., 1940), в которой лаконично освещалось архивное строительство с IX в. до конца 30-х годов.

Обстоятельнее эта проблема отражена в монографии И. Л. Маяковского «Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства)» (М., 1941). Автор собрал и обобщил большой материал (в основном опубликованный). На его книге воспитывалось не одно поколение историков-архивистов. Обе работы отражают уровень знаний тех лет. Архивные источники использовались авторами слабо. Вышедшая в 1960 г. вторым изданием монография И. Л. Маяковского практически не содержала моментов новизны.

В исследовании проблемы прослеживается определенная тенденция. Глубокие монографические исследования посвящены более древнему периоду. В книге И. Л. Маяковского освещению событий X—XVII вв. отведена примерно половина объема. В трудах Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (М., Л., 1948. Т. 1; 1951. Т. 2) и С. О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (М., 1984) история архивного дела в XIV—XVI вв. получила глубокое и многоплановое освещение. Что касается отечественной истории архивного строительства XVIII—начала XX в., то ей посвящены учебные пособия и статьи, отображающие в основном отдельные аспекты или вопросы архивного дела этого периода. Между тем этот период насыщен очень важными событиями и представляет особый интерес для советских архивистов в плане изучения и использования накопленного нашими предшественниками опыта с целью совершенствования архивного строительства и более интенсивного использования письменных источников в настоящее время. Поэтому в данном учебном пособии основное внимание уделяется архивному делу в XVIII—начале XIX в.

Важное значение имеет вопрос о периодизации истории дореволюционного архивного дела. И. Л. Маяковский и А. В. Чернов рассматривали основные периоды развития архивного дела в рамках периодизации советской исторической науки, считая, что они соответствуют друг другу. В то же время развитие архивного дела можно разделить на три самостоятельных этапа. Первый этап включает в себя период с IX в. до конца XV столетия (время существования Древнерусского государства и период феодальной раздробленности). Характерная черта для хранения письменных источников заключалась в том, что документы находились вместе с материальными ценностями.

С конца XV в. документы стали хранить отдельно. Тогда же начали создаваться приказы. Это еще раз подтверждает тесную связь истории архивного дела и истории государственных учреждений. Письменные источники, потерявшие практическое значе-

ние, как правило, находились вместе с текущим делопроизводством. Так продолжалось до начала XVIII в. Это был второй этап в развитии архивного дела. Хронологически он соответствует периоду складывания и развития Русского централизованного государства. Третий этап (начало XVIII в.—1917 г.) характеризуется тем, что архивы превратились в самостоятельную структурную часть учреждений. Такие изменения вызваны реорганизацией государственного аппарата, которая проводилась правительством Петра I, в том числе созданием коллегий. Юридически отделение архивов от канцелярий было зафиксировано в Генеральном регламенте 1720 г. К тому же именно в эти годы возникает первый исторический архив (Московский архив КИД стал историческим в 1724 г.), что также является качественным отличием от предшествующего периода.

Создание исторических архивов (т.е. самостоятельных учреждений, хранивших документацию, которая в основном потеряла практическое, справочное значение и представляла интерес для историков) — важная веха в истории архивного дела. Исторические архивы стали базой для исторической науки, которая возникла в России в то же время. Между тем даже в вопросе о наименовании таких архивов имеются спорные моменты. В нашей литературе их называли историческими ведомственными архивами⁶. Однако подобное наименование и употребление эпитета «ведомственные» вряд ли правомерно. Ведь ведомства появились в России в начале XIX в.⁷, а исторические архивы стали возникать почти на столетие раньше. Только в XVIII в. функционировало шесть таких архивов. А применительно к XVIII в. термин «исторический ведомственный архив» неправилен, поскольку и ведомств еще не существовало. К тому же ряд исторических архивов (например, Разрядно-Сенатский архив, Петербургский государственный архив старых дел, Московский государственный архив старых дел) получил вневедомственное подчинение, находясь на протяжении всего периода своего существования, в том числе и в XIX в., в ведении Сената. На основании вышеизложенного мы решили отказаться от термина «ведомственные», называя такие архивы «историческими».

Автор выражает глубокую признательность профессорам Московского государственного историко-архивного института Н. П. Ерошкину и А. Д. Степанскому, доцентам В. И. Вяликову, Г. А. Дреминой и Е. В. Старостину, заведующему отделом ВНИИДАД кандидату исторических наук Р. Н. Ефименко, заведующему сектором ВНИИДАД кандидату исторических наук О. Ф. Козлову, а также кандидатам исторических наук И. В. Левочкину, К. А. Мазину, Л. И. Шохину, сотрудникам ЦГАДА кандидату филологических наук С. Р. Долговой и В. Г. Бухерту за ценные советы и замечания, которые были учтены при подготовке рукописи.

Глава I

АРХИВЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ И В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (IX—конец XV в.)

Первый этап в истории дореволюционного архивного дела характеризуется тем, что документы хранились вместе с рукописными книгами и материальными ценностями. Такое явление характерно для истории архивного дела всех государств. Это объясняется прежде всего важным значением письменных материалов, сравнительно незначительным их количеством, а также тем, что основной письменный материал — пергамен — был дорог.

Письменность и архивы в Древнерусском государстве. Появление письменности сыграло огромную роль в развитии человеческого общества. Основоположники марксизма-ленинизма указывали, что письменность появляется в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения классов и развивается с образованием государства. Человечество переходит от варварства «...в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества»¹.

У наших предков — восточных славян — письменность возникла задолго до принятия христианства. Стремление некоторых авторов связать возникновение письменности исключительно с принятием христианства не выдерживает критики.

Договоры князей Олега (911), Игоря (944) и Святослава (971) с Византией свидетельствуют о существовавшей традиции письменно скреплять дипломатические акты, о практике снабжения послов и купцов, отправлявшихся за рубеж, уведомительными грамотами, о применении письма в частноправовых отношениях (при составлении «рядов»). В договоре 911 г. имеется упоминание о «Законе русском», не дошедшем до нас. По аналогии с другими странами можно утверждать, что подобные кодексы оформлялись письменно. Арабские путешественники первой половины X в. Ибн-Фадлан и Ибн-эль Недим также видели русские надписи. Археологи обнаружили надписи, нацарапанные на горшках, кирпичах и других предметах древними письменами, которыми пользова-

лись наши предки задолго до того, как получила распространение «кириллица».

Древнейшим памятником русской письменности (так называемой «кириллицы») является надпись на глиняном сосуде «гороушна» (горчичные зерна), обнаруженном в 1949 г. в одном из Гнёздовских курганов под Смоленском. Она датируется серединой X в.² Многочисленные находки надписей на пряслицах, сапожных колодках, а также берестяные грамоты XI—XII вв. являются подтверждением широкого распространения грамотности, что свидетельствует о давних культурных традициях. Таким образом, письменность у восточных славян возникла как ответ на жизненную потребность в письме. Государству письменность была необходима для выполнения внутренних и внешних функций, господствующим классам — для обозначения собственности на орудия и средства производства, купцам и ремесленникам — для обозначения товаров и изделий.

Письменные документы в Древнерусском государстве были распространенным явлением. В результате деятельности великокняжеского двора и таких должностных лиц, как «печатник» (хранитель княжеской печати), «металник» (исполнял обязанности секретаря на суде) и «писец», возникали документы, отлагавшиеся в казне. На местах административные и судебные функции выполняли «посадники». В процессе их деятельности также отлагались документы. В городах архивы помещались в патрональных храмах, т.е. храмах тех святых, которые считались покровителями того или иного города.

Большие комплексы документов складывались в церковных учреждениях и монастырях: грамоты князей на пожалование угодий и привилегий, записи разных вкладов, рукописные книги смешанного содержания и т.д. На полях или в конце книг делались заметки о полученных грамотах или же записывался весь их текст, а также производились записи хозяйственного характера, отмечались происшествия и т.д. Здесь создавались своеобразные архивы-библиотеки. Летописи сообщают, что в храме Софии в Киеве имелось большое собрание книг, которые передал туда Ярослав Мудрый. В Новгородском Софийском соборе хранилось много книг и различных документов. Аналогичные собрания находились и в других церквях и монастырях. Хранились книги и документы вместе с церковной утварью в ризницах, которые позднее (в связи с возрастанием роли документации) стали называться книгохранилищами.

Возникали личные библиотеки и архивы. Сын Ярослава Мудрого Святослав собрал большое количество рукописей. Богатая коллекция имела у курского посадника. Собирали письменные источники также бояре, дружинники, монахи. Книги и документы представляли большую ценность. У наших предков грамотность получила более широкое распространение, чем в Западной Европе. Например, дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за

французским королем Генрихом I. Сохранились документы, на которых она расписывалась «кириллицей», а Генрих I ставил «крест» (он не умел подписать даже собственного имени). На Руси грамотой владели представители самых широких слоев населения. В княжение Владимира Святославича (978—1015) в Киеве создали школу, где подготавливали из детей «нарочитой чади» (бояр, старших дружинников) будущих государственных деятелей.

Документы имели большое политическое значение. Они использовались господствующим классом для охраны и укрепления феодальных отношений. В них фиксировались привилегии феодалов. Важную роль играли письменные материалы при сношениях с другими странами. Дошедшие до нас договоры свидетельствуют о большом международном авторитете и самостоятельной внешней политике Древнерусского государства.

Широко использовались документы в летописании. Составление этих письменных памятников практиковалось еще в глубокой древности. По свидетельству И. И. Срезневского, Б. Д. Грекова и других авторов, первые лаконичные записи летописного характера наши предки стали вести в IX в.³ Летописцы в процессе работы привлекали не только предшествующие летописи, народные предания, воспоминания очевидцев, собственные записи, но и документы великокняжеского архива, церквей, монастырей и отдельных земель. Например, в «Повесть временных лет» были включены тексты договоров Древнерусского государства с Византией, «Поучения» Владимира Мономаха и другие материалы. Кроме того, манера повествования летописцев (сжатость, точность, насыщенность конкретными данными и цифрами) позволяет сделать вывод, что в ряде случаев они использовали источники, не дошедшие до нас.

Привлекались документы и при создании других произведений. Так, составитель «Изборника» Святослава 1076 г. отмечал, что он привлек материал «из многих книг княжих».

Таким образом, в Древнерусском государстве накапливались, хранились и использовались многочисленные документы. Это вызвало развитие архивного дела. Непоправимый урон документации нанесли вторжения иноземных захватчиков, сжигавших во время нашествия города и села. Многие документы погибли от княжеских междоусобиц, стихийных бедствий. Поэтому до нас дошло незначительное количество источников за этот период.

Архивы периода феодальной раздробленности. С XII в. стали быстро развиваться производительные силы. В рамках натурального хозяйства начинает зарождаться товарное производство. Все это привело к возрастанию роли документов.

Вновь образовавшиеся княжества стали наследниками письменных материалов Древнерусского государства. Осуществляя внутренние и внешние функции, они также порождали новые документы. Князья закрепляли жалованными грамотами право

светских и духовных феодалов на захваченные земли, на обложение населения пошлинами и повинностями. Создавались документы в процессе княжеского суда и управления (судебные протоколы, приговоры и др.).

Расширились связи с иностранными государствами. Киевские и галицко-волынский князья поддерживали дипломатические отношения с Византией, Польшей, Венгрией, Чехией. Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Витебск заключали торговые договоры с прибалтийскими городами. После отражения походов агрессоров заключались трактаты о мире.

Борьба между феодальными княжествами также приводила к заключению договоров, которые фиксировались в «докончальных» или «крестоцеловальных» грамотах. Документально оформлялось приглашение князей на княжение, причем часто в грамоте излагались условия, на которых был приглашен тот или иной князь. Решения княжеских съездов об общих походах против интервентов, о дополнениях к «Русской Правде», о распределении княжений также фиксировались в документе.

Наибольшая часть сохранившихся письменных памятников принадлежала Новгороду и Пскову. До нас дошли также документы, относящиеся к истории Новгорода, как договорные грамоты с князьями, Новгородская судная грамота, Двинская уставная грамота и др. На Городище под Новгородом и в самом Новгороде найдено около 350 свинцовых вислых печатей (булл) со сквозными каналами, которые употреблялись для скрепления актов.

Представители эксплуатируемых классов использовали для письма в основном бересту. В Новгороде найдено свыше 600 берестяных грамот, которые являются ценными историческими источниками. Самые древние из них обнаружены в слоях XI в. Эти письменные материалы дают возможность воссоздать картины политической, экономической и культурной жизни. В них содержатся сведения о развитии феодальных отношений, классовой борьбе, политической и военной истории, торговле, ведении судопроизводства и других вопросах. Берестяные грамоты обнаружены также в Старой Русе, Пскове, Смоленске, Витебске и других городах. Их авторами являлись представители самых широких слоев населения: ремесленники, простые горожане, крестьяне (как мужчины, так и женщины). Это свидетельствует о давних культурных традициях у наших предков.

В Новгороде существовал ряд архивов. Древнейшим хранилищем документов был Софийский собор в Кремле, так как здесь была резиденция князя и архиепископа. С XII в. местопребыванием князя стала Торговая сторона, и письменные акты, исходящие от князя и веча, стали храниться в веховой башне. Кроме того, грамоты, закреплявшие за светскими и духовными феодалами земли и различные привилегии, могли выдавать отдельные концы (районы) Новгорода, что содействовало созданию здесь архивов.

Развитие торговли и ремесел привело к объединению ремеслен-

ников в артели, а купцов — в торговые корпорации, которые избирали себе в качестве патронов канонизированных церковью святых и группировались вокруг храмов своих патронов. Здесь также были сконцентрированы комплексы документов. Наиболее значительной купеческой корпорацией была Ивановская, образованная из купцов, торговавших воском, ладаном, церковной утварью, а позднее и другими товарами. Церковный староста следил за правильностью мер и весов и подвергал их ежегодной проверке, что требовало соответствующих записей. Велись также специальные книги для записи пошлин и торговых операций. Кроме того, Ивановская корпорация вела при храме судебные дела. Поэтому здесь отлагалась юридическая документация.

Концентрировались документы и при других купеческих корпорациях и при гостиних дворах (псковском, смоленском, немецком и др.) которые являлись средоточием торговой деятельности.

Большое значение для истории архивного дела периода феодальной раздробленности имеет вопрос об организации архива в Пскове. Вечевые собрания проходили вблизи Троицкого собора. В сенях собора хранился городской архив Пскова: делопроизводственная документация веча (вечевые постановления и т.п.), решения соборов местного духовенства, материалы частного права характера (духовные завешания, платежные расписки — «рядницы», заемные записи и др.), которые часто передавались в городской архив (в подлинниках или списках). Хранение документов в городском архиве придавало им юридическую силу.

Выработалась процедура отмены юридической или политической силы документов, хранящихся в архиве. Материалы изымались из ларя, где они хранились и уничтожались. Уничтожение важных актов производилось по решению веча выборными властями, носило торжественный характер, и ему придавалось символическое значение⁴.

Ларем заведовал «ларник», который был уполномочен скреплять частноправовые материалы псковской городской печатью. Он, обладая большими полномочиями, иногда злоупотреблял ими. Летопись сообщает о волнении среди псковичей во второй половине XV в., вызванном поведением ларника, в результате чего он был отстранен от должности.

Ларники были причастны и к подлогам документов. Московский наместник в Пскове Ярослав Стрига, стремясь привлечь на сторону Москвы смердов, заменил грамоту, в которой были зафиксированы повинности и оброки псковских смердов, на подложную.

Архивные материалы играли большую роль в экономической и политической жизни Пскова. По предположению академика Л. В. Черепнина, при Троицком соборе велись летописные записи. Летописание считалось делом политической важности, необходимо было привлечение документов городского архива как источников⁵.

В период феодальной раздробленности зарождается учет

и описание письменных ценностей. Ипатьевская летопись содержит перечневую роспись рукописей и книг, пожертвованных церквям и монастырям владимирово-волинским князем Владимиром Васильковичем. Это первая опись, дошедшая до нас. Она датирована 1288 годом: В ней приведены сведения о том, какие материалы принадлежали отцу князя, какие были переписаны и переплетены при Владимире Васильковиче, какие куплены им, причем указывается цена книг. Несколько книг князь Владимир Василькович переписал собственноручно⁶. Такие сведения не могли сохраниться в памяти. Составитель перечневой росписи, безусловно, использовал дополнительные записи. К тому же использование рукописи летописцем свидетельствует, что она хранилась в архиве князя. Несмотря на то что роспись весьма лаконична, в учете документов заметен прогресс.

Большое количество письменных материалов отлагалось в церквях и монастырях, которые являлись крупными феодалами. Князья своими грамотами определяли на содержание митрополичьей и епископских кафедр десятины с волостных даней, жаловали церквям и монастырям села и земли, предоставляли им различные привилегии. Светские феодалы, внося земельные вклады «на помин души» или при пострижении в монахи, закрепляли пожертвования соответствующими грамотами (данными, духовными). Одновременно они часто передавали старые материалы (купчие, меновые и другие акты), в которых удостоверялась принадлежность этих земель вкладчикам.

Церковь обладала обширной юридической компетенцией. Церковной юрисдикции подлежали по всем делам (кроме убийства и разбоя) население церковных земель и клирики. Духовные феодалы разбирали дела о приверженности к язычеству, многоженстве и т.п.

Таким образом, в руках церкви накапливались большие комплексы документов, в которых фиксировались права церковников на землю и различные привилегии. Отлагались здесь также юридические и делопроизводственные материалы.

Делопроизводство в церковных учреждениях и монастырях вели «диаки» (псаломщики, дьячки). С XIV в. так стали называть лиц, ведущих письменное делопроизводство и руководящих канцеляриями. В митрополии вырабатывались образцы различных документов, из которых составлялись своеобразные пособия по делопроизводству — формулярники. «Диакон» стали привлекать и светские феодалы.

Документы хранились в казне митрополита и епископов, монастырские материалы — в церкви монастыря под наблюдением игумена, причем хранение в церкви придавало документам юридическую силу.

Накапливались материалы и у светских феодалов. В письменном виде фиксировался переход земельной собственности от одних владельцев к другим в результате сделок между ними (акты

о купле-продаже, о денежных займах под залог земли, об обмене землями, духовные завещания и др.). Эти материалы являлись частными актами, однако они служили в руках господствующего класса орудием удержания эксплуатируемых масс в повиновении. Кроме деловых документов, в частных архивах у отдельных любителей чтения отлагались рукописи и книги, которые переписывались наемными писцами. Например, у псковских посадников Дойниковичей было значительное собрание рукописей, в том числе сборник с текстом «Слово о полку Игореве». Следует отметить, что переписывание рукописей и книг приобрело широкие размеры. Если раньше писцами в большинстве являлись духовные лица, то в XIV—XV вв. мирские мастера составляли свыше половины книгописцев⁷¹.

Использование архивных документов. Письменные материалы в этот период являлись средством укрепления феодального землевладения, использовались в междукняжеских и внешних сношениях, при написании летописей.

Важную роль играли документы, закрепляющие за феодалами землю и различные привилегии. В случае земельных тяжб прибегали к помощи письменных источников. Если же они отсутствовали, то все равно феодалы ссылались на них, утверждая, что земельные акты «утерялись по грехам» или «сгорели в пожар». Имели место случаи подделок документов, подчистки текста с целью увеличения земельных владений и получения дополнительных привилегий. Поэтому, например, в Псковской судной грамоте имелось указание о том, чтобы подложным актам не придавать значения и аннулировать их.

Во время княжеских усобиц князья захватывали друг у друга земли и документы на право их владения, летописи и различные письменные памятники. Так, в 1169 г. владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский овладел Киевом и захватил ряд письменных источников.

Претенденты на княжеские столы часто аргументировали свои права документами. В письменном виде фиксировались договоры между русскими княжествами и другими странами, причем такая практика имела давние традиции. Например, договор Новгорода с Готландом (около 1195 г.) содержит сведения о предшествующем мирном договоре. Более ранние дипломатические акты часто использовались при выработке новых международных документов.

Новгород заключал договоры с князьями, приглашая их как военных организаторов. Это фиксировалось в специальных «донкончальных» грамотах. Нам известны договорные грамоты Новгорода с великим князем владимирским и тверским Ярославом Ярославичем (1264, 1266 и 1270) и другими князьями.

Документы, потерявшие юридическую силу, часто уничтожались. При расторжении договорных обязательств между князьями акты также подвергались уничтожению или возвращались другой стороне.]

АРХИВНОЕ ДЕЛО В РУССКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ

В этот период сильно возрос объем документации. Вследствие развития книгопечатания, письменные материалы отделились в XVI в. от библиотек¹. Центральные и местные учреждения имели собственные хранилища письменных источников. Были выработаны определенные правила хранения дел, составления справочников и выдачи дел для использования. Однако хранилища документов еще не стали структурными частями учреждений. Письменные источники, в том числе потерявшие практическое значение, как правило, отлагались в канцелярии вместе с текущим делопроизводством.

Государственный архив России XVI в. В XVI в. центральное положение среди хранилищ письменных материалов занимал Государственный архив России. В нашей литературе он часто именуется Царским архивом. Его основу составили документы Московского великокняжеского архива. Во второй половине XVI в. на этот комплекс источников было составлено несколько описей. До нас дошла опись 70-х годов, в которой не хватает нескольких листов (в середине рукописи и, по-видимому, в ее конце). В подлиннике рукописи нет заголовка. Возможно, название «Опись Царского архива» дано Я. И. Беренниковым, редактировавшим первый том «Актów Археографической экспедиции», в котором эта рукопись была опубликована в 1836 г.² Издание было несовершенно и содержало многочисленные погрешности.

В дошедшем до нас тексте описи имеются сведения о 233 ящиках, ларях, коробьях, в которых хранились документы и которые были пронумерованы. Кроме того, они отличались друг от друга по размерам, материалу, цвету («ящик зелен окован», «ларчик дубовый», «ящик обочен кожей» и др.). Иногда ящик назван по фамилии дьяка («ящик 169, Бакакинский»). Располагался архив в непосредственной близости от царского дворца; его материалы использовались правительственным аппаратом. В описи имеются пометы, в которых сказано, какому лицу или учреждению выдавались документы («у государя в казне», т.е. в государственной казне, — ящики 7, 8; «в посольской палате» — ящики 18, 74; «в казанской избе», т.е. в приказе Казанского дворца, — ящик 153, и др.). Таким образом, архив функционировал обособленно и от Казенного двора, и от приказов.]

Царский архив являлся комплектуемым архивом. Во второй половине XVI в. сюда поступали в основном материалы Боярской думы, личной канцелярии царя и Посольского приказа.

В архиве были две группы документов: материалы, изъятые в воссоединенных русских землях (завещания удельных князей, договорные грамоты и др.), и документы, отражающие внутрен-

нюю и внешнюю политику Русского централизованного государства. К внутривластным материалам относятся подлинник Судебника 1550 г.; акты, укреплявшие феодальную собственность на землю и эксплуатацию крестьян; дела политического розыска об изменах князей и бояр; документы по межеванию земель, строению и досмотру городов; дела по распределению воевод в полки и наказы воеводам, вооружению войск артиллерией, приговор Земского собора 1566 г. стоять за Ливонию и не уступать ее польскому королю; уставные грамоты по местному управлению; постановления церковных соборов; описи монастырей и другие материалы.

Среди внешнеполитических документов следует назвать грамоту императора Римской империи Максимилиана I великому князю Василию III от 4 августа 1514 г., где он называет Василия III «цезарем», т.е. таким титулом, которым именовался сам Максимилиан I; грамоты королей английских, шведских, датских и др., римского папы, ливонского и тевтонского магистров, немецких городов, иностранных посольств; материалы по сношениям со странами Ближнего и Среднего Востока; книги русских и иноземных посольств и др. Закономерно, что многочисленные документы освещали отношения с соседями России: Польско-Литовским государством и Ливонским орденом.

В Царском архиве хранились материалы справочного и подсобного характера: литовская и польская летопись, коран (на нем присягали представители мусульманских народов), чертежи русских земель и городов, одна из рукописей Ивана Пересветова, личная переписка великих князей и царей. Так, в описи упоминаются письма Ивану III дочери его Елены, вышедшей замуж за литовского великого князя Александра. В архиве также находились «печать большая» (очевидно, государственная печать), трофейные печати (ливонского магистра, города Юрьева) и образцы иностранных монет.

Наиболее бережно хранились важные в политическом отношении источники. Чтобы обеспечить их сохранность, материалы помещались «в мешочках», «в сафьяновом меху», а потом уже складывались в ящики. Архивные дела в них располагались по тематическому и видовому (грамоты, книги и др.) признакам. Однако систематизация документов была еще несовершенной. Например, в одном ящике хранились Судебник 1550 г. и посольские книги, в другом — новгородские и псковские документы (переписка с московской администрацией), материалы о процессе над Максимом Греком, дела о ростовщической деятельности церковников. Это отразилось и на приемах описания документов. Некоторые материалы описаны каждый в отдельности, другие — под общим заголовком, составленным, как правило, по корреспондентскому признаку. Количество документов в комплексе указывалось не всегда. Еще нет обозначения признаков и особенностей материалов. Их состояние отмечено в одном случае (ящик 11 —

«те грамоты попорчены у дьяков в Новгороде»). Однако это замечание могло носить оправдательный характер, объясняя, что материалы подверглись порче раньше, чем они были переданы в Царский архив.

Анализ состава и содержания документов позволяет сделать вывод, что это был не великокняжеский или ведомственный архив какого-либо приказа, а общий архив Русского государства. В нем отлагались материалы, имеющие в основном общегосударственное значение. Что касается менее важных источников, то они концентрировались в архивах Поместного, Казенного, Ямского и других приказов. Царский архив по сравнению с ними занимал центральное место. Кроме того, по богатству своих материалов он превосходил архивы других государств.

Царскому архиву уделялось первостепенное внимание. Им ведал глава правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев, который руководил также подбором материалов для летописи. После опалы, которая постигла Адашева в 1560 г., руководство работой по летописанию осуществлял Иван IV. Текущими делами архива занимались думные дьяки.

Документы Царского архива использовались также во внутривластных и внешнеполитических целях. Производя сыски об изменах бояр, Иван IV прибегал к материалам архива. Он знакомился с договорными грамотами князей, документами об отравлении его матери, с делами об отъездах за рубеж князей и бояр и др. После изучения материалов архива царь применял репрессии к своим политическим противникам. Например, 20 июля 1563 г. Иван IV затребовал к себе следственное дело князя Семена Лобанова-Ростовского, участника боярского заговора 1553 г., имевшего целью возвести на престол в случае смерти царя от «огненной болезни» князя Владимира Старицкого, двоюродного брата царя. Активным участником заговора была мать претендента — Ефросинья Старицкая. 5 августа 1563 г. ее насильно постригли в монахини.

Много документов о сношениях с Литвой потребовал к себе Иван IV в 1566 г., когда на Земском соборе поднимался вопрос о возможности заключения мира. Собор принял решение не уступать Ливонии польскому королю. Определенную роль в этом сыграли, по-видимому, архивные материалы.

Документы Царского архива выдавались во временное пользование (а иногда на постоянное хранение) правительственным учреждениям: Посольскому, Поместному приказам и др. Архивные источники привлекались при составлении родословцев, посольских и разрядных книг.

В Царском архиве отлагались материалы начиная с XIV в., в том числе документы упраздненных учреждений, и наиболее важная делопроизводственная документация XVI столетия. На основании этого С. О. Шмидт сделал обоснованный вывод о том, что, используя современную архивную терминологию, «Царский

архив можно было бы признать архивом одновременно и историческим, и ведомственным»³. Видимо, в конце XVI в. произошла реорганизация Государственного архива России⁴. Большинство его дел было передано в архив Посольского приказа.

Входившие ранее в состав Царского архива материалы сильно пострадали в начале XVII в. Ряд источников вместе с описью был захвачен интервентами. Частично архивные дела были включены в Литовскую метрику, некоторые попали в личные архивы. При заключении Поляновского мира 1634 г. русские послы потребовали возвращения материалов. Была возвращена, например, посольская книга за 1487—1500 гг. (причем в книге не оказались последних листов). Некоторые письменные памятники вернулись в Россию в конце XVIII в. В их числе находилась и опись Царского архива, сброшюрованная за рубежом в один сборник с такими важными документами, как черновой вариант утвержденной грамоты 1598 г. об избрании на царство Бориса Годунова (подлинная грамота Земского собора 1598 г. до нас не дошла), документы о взаимоотношениях правительства Василия Шуйского со Швецией в 1609—1610 гг. и др. Опись была передана в Петербургскую публичную библиотеку в 1798 г., где ее позднее обнаружил Я. И. Бердников.

Материалы, уцелевшие от интервентов, в составе архива Посольского приказа вошли в Московский главный архив МИД. Сейчас они находятся в ЦГАДА. На рубеже XIX—XX вв. сотрудниками Московского главного архива МИД было произведено сравнение описи 70-х годов XVI в. с описью архива Посольского приказа 1614 г. Сопоставление описей показало, что свыше 50% документов уцелело.

Архивы приказов. В XVI—XVII вв. крупные комплексы материалов отлагались в приказах, ведавших определенными отраслями управления. Наиболее значительные архивы сложились в Поместном, Разрядном и Посольском приказах. Поместный приказ, возникший в середине XVI в., ведал распределением земель среди служилых людей. В его архиве отложились документы, характеризующие развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьян: книги писцовые (перепись мужского совершеннолетнего населения с описанием земель, угодий, промыслов, торговых заведений), переписные (поименная с указанием возраста перепись, в подавляющем числе случаев — тяглового мужского населения по населенным пунктам), дозорные (заносились результаты обследования районов, пострадавших от интервенции, стихийных бедствий), платежные (составлялись для раскладки и сбора повинностей на основе писцовых и дозорных книг), межевые (фиксировались границы владений), отказные и отдельные (заносились сведения о крестьянских дворах и землях, отданных во владение помещику или вотчиннику), отписные (содержали описания конфискованных в пользу государства имений, дворов и имущества). В делах Поместного приказа содержались также

сведения о продаже и обмене земель, регистрации крепостных актов на землю и крестьян, розыске беглых холопов и крестьян. Таким образом, документы этого приказа фиксировали экономическую власть господствующего класса.

В архиве Разрядного приказа, о существовании которого сохранились известия с 1531 г., отлагались именные списки бояр, окольных, дворян, начальных людей в полках, судей и личного состава приказов со сведениями об их служебной деятельности. Представляют интерес именные войсковые списки — десяти, составленные при определении дворян на военную службу с назначением денежного и поместного окладов (десяти верстальные), во время смотров с целью определения их пригодности к военной службе (десяти разборные), при раздаче денежного жалования (десяти раздаточные). Заслуживает внимания информация, содержащаяся в разрядных книгах. В них заносились распоряжения правительства о ежегодных назначениях бояр, князей и служилых людей на военную, гражданскую и придворную службу. К сожалению, до нас дошла незначительная часть этих источников. В этом же архиве хранились отчеты с мест об обороноспособности городов, о количестве в них служилых людей (переписные книги, росписные списки и др.), а также дела о местных спорах, неправильном написании фамилий и т.д. Эти материалы являются ценными источниками по военной истории России XVI—XVII вв.

В архив Посольского приказа поступали документы по сношению с другими странами. Особо интересны статейные списки — отчеты посольств в форме дневников, в которых фиксировались указы посольствам, полученные послами документы от правительств других стран. Сюда же ежедневно записывалось все, что русские дипломаты говорили, делали, видели, слышали за границей.

В архиве отлагались дела о приездах в Москву иностранных послов, их встречах, приемах и переговорах с ними, а также документы об иностранцах, проживающих в России. Здесь хранились «государевы родословцы», «титулярники», содержащие титулы русских и иностранных царей, наместников, послов, а также книги с записями придворных церемониалов. В конце XVII в. в архив были переданы материалы финансовых приказов.

Документы Посольского приказа были важным средством в борьбе на международной арене. Одновременно они свидетельствуют о большом авторитете Русского государства.

Укрепление абсолютной монархии привело к изменениям в системе правительственных учреждений. Это сказалось на состоянии архивов приказов. Созданные в 50—60-х годах XVII в. указы Тайных дел и Счетный осуществляли контроль за деятельностью остальных приказов и подчинялись непосредственно царю. Так, архив приказа Тайных дел (1654—1676) хранил материалы об антифеодальных выступлениях и следствий по важным политиче-

ским делам, о контроле за деятельностью других центральных учреждений, послов, воевод, о розыске полезных ископаемых, работе оружейных и пушечных заводов, а также документы по управлению царским хозяйством (именные указы, грамоты, челобитные, отчеты служащих приказов, записные и приходно-расходные книги и др.). Здесь же находились некоторые материалы из 29 различных приказов. После ликвидации приказа Тайных дел эти документы были им возвращены.

Много древних рукописей, а также печатных книг было собрано в Патриаршей библиотеке. Здесь сначала преобладала религиозная литература на русском языке: евангелия, апостолы, жития, произведения Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других авторов. Со временем библиотека пополнялась за счет рукописей из афонских и русских монастырей. К концу XVII в. почти две трети от общего количества в библиотеке составляли греческие рукописи. Были здесь книги и рукописи по истории (произведения Геродота, Ксенофонта, Плутарха и др.), по философии — произведения Аристотеля, причем одна из книг была на русском языке (скоропись). Некоторые материалы выдавались из библиотеки для пользования.

Богатые собрания древних рукописей находились в библиотеке Московского печатного двора, Посольского приказа, а также других государственных учреждений.

Архивы местных учреждений. В результате деятельности органов местного управления создавались архивы местных учреждений. Судебник 1550 г. обязывал старост, сотских, десятских вести «разметные книги», в которых фиксировались имущественное положение и повинности посадских людей. Эти книги составлялись в двух экземплярах, из которых один направлялся в центр, а другой хранился у старост и целовальников. Для письменного оформления дел при мирских органах имелись «земские дьяки».

До нас дошли некоторые дела Муромской и Каширской губных изб, которые начали создаваться в 30-е годы XVI в. Известна также 21 грамота. Их можно разделить на уставные, которые давались жителям для введения губного самоуправления, и губные наказы, рассылавшиеся на места при выборе губных старост и при проведении особых мер по борьбе с антифеодальными выступлениями трудящихся масс. В архивах губных изб концентрировались судебные дела, переписка с Разбойным приказом и другими губными избами. Позднее, когда в ведение губных изб перешли почти все уголовные дела и полицейские функции, состав их материалов расширился. Стали отлагаться дела по надзору за общественным порядком, здесь же составлялись кабальные книги и другие документы.

Несколько позднее создаются земские избы, фонды которых сохранились немного лучше. В архивы земских изб поступали материалы по производству судебных дел над посадским и черносошным населением (за исключением дел, подлежащих компетен-

ции губных органов), а также дела по сбору податей и пошлин, описанию городских земель, лавок, дворов, мельниц и т.д. Эта документация помещалась в «земских ларцах» вместе с денежными сборами и уставными грамотами. Должностным лицам (излюбленному старосте, целовальникам, земскому дьяку) запрещалось обращаться за документами в ларцы по одиночке, в связи с чем ларцы хранились за «всех вобчими» печатями.

До нас дошли материалы приказных изб, функционировавших в XVII и начале XVIII вв. Приказные избы ведали административными, военными, финансовыми, полицейскими, судебными делами городов и уездов. Состав документов этих учреждений был разнообразен: материалы о розыске беглых крестьян, денежных и хлебных сборах, поставке работных людей и подвод, передаче помещиком новым владельцам, о положении и быте татар, мордвы, чувашей и других народов Русского централизованного государства. Имеются также документы о восстании под предводительством С. Разина.

Большое количество материалов концентрировалось в архивах церковных учреждений и монастырей, которые являлись крупнейшими феодалами. Церковники тщательно хранили документы, фиксирующие их права на землю, эксплуатацию крестьян, различные привилегии.

Московские великие князья считались с политической ролью церкви, но вынуждены были пойти на ряд ограничений ее землевладения. Иван III и Василий III при переписи городов предписали отбирать городские и пригородные земли у тех владельцев (в том числе и у монастырей), которые не подтвердили свои права новыми жалованными грамотами.

При Иване IV был установлен контроль за монастырским землевладением. Правительственные агенты при переписи в области или же смене игумена должны были совместно с монастырской администрацией производить опись имущества монастыря, в том числе и архивных материалов. Проводился ряд мероприятий, направленных на сокращение или аннулирование привилегий церковников. В свою очередь клерикалы на основе письменных источников стремились доказать незыблемость своих прав на землю и крестьян. К церковным документам необходим строго критический подход. Имели место случаи, когда духовенство путем подчистки документов пыталось расширить свои земельные владения и увеличить другие привилегии. Например, митрополитская кафедра не только тенденциозно обработала в XVI в. сборник ханских ярлыков, но и включила в него подложный ярлык, якобы данный золотоордынским ханом Узбеком митрополиту Петру (1308—1326).

Место хранения документов (даже важнейших) не было стабильным, их перемещали из одного хранилища в другое. Так, подлинник Ореховецкого договора 1323 г. между Новгородом и Швецией был привезен в Москву (до 1547 г.) из Новгородского

Софийского дома. Из этого следует, что хранение важных материалов в церковных архивах было нередким явлением. Например, единственный список Судебника 1497 г. дошел до нас в составе кафедрального сборника епископа крутицкого Нифонта Кормилицына, а духовная грамота Ивана III 1504 г. — в единственной копии, выполненной в Троицко-Сергиевом монастыре. Это сильно повышает источниковое значение церковных архивов⁵.

Организация хранения, упорядочение и описание дел. В этот период архивные материалы еще являлись составной частью текущего делопроизводства. Однако с течением времени наиболее старые и в значительной степени потерявшие практическое значение документы стали складываться в специальные помещения — «казенки». Сюда же сдавались подлинные материалы руководящего или справочного характера, а снятые с них копии передавались в соответствующие «столы» и «повытья».

Верховная власть осуществляла контроль за хранением архивных документов. Центральные учреждения обязаны были представлять на рассмотрение высшей власти описи своих архивов. Для охраны учреждений и их архивов устанавливались ночные дежурства, причем подьячие несли службу внутри зданий, а стрельцы или сторожа — снаружи. Помещения предписывалось оборудовать железными дверями с засовами и железными решетками на окнах. Однако эти требования, особенно на местах, не всегда соблюдались.

Дела хранились в казенках по столам и повытьям, в соответствии со структурой учреждений. Таким образом, нашими предками был интуитивно понят и применен принцип происхождения! Документы располагались в ларцах, ящиках и сундуках, которые следовало закрывать на замки и опечатывать печатями. Однако часто дела просто сваливались на «полатях». На ящиках привешивались специальные ярлыки с указанием хранившихся здесь материалов. Архивные дела (столбцы, книги и тетради) теперь нумеровались. На единицах хранения также стали указывать их местонахождение. Благодаря этому взятое дело всегда можно было положить на место. Определенное внимание уделялось хранению письменных источников. Сначала оно осуществлялось исключительно дьяками. Судебник 1550 г. предписывал, «чтобы подьячему у себя дел некоторых не держати». Для текущей работы материалы выдавались подьячим под расписку. Категорически запрещалось выносить документы из учреждений! Если же это делалось с умыслом, для передачи материалов заинтересованному лицу, то за такое должностное преступление и нарушение порядка хранения дел следовало наказание для виновных подьячих: «торговая казнь» (т.е. битье кнутом на торговой площади, вырывание ноздрей и клеймение) и увольнение с запрещением впоследствии занимать такую должность. Дьяк же, не уследивший за подьячими, наказывался материально: не возобновляя процесса, истец получал просимое за его счет⁶.

В середине XVII в. к хранению дел были допущены подьячие. В Соборном Уложении 1649 г. отмечалось, что судебные материалы «подьячему за исцовою и за ответчиковою рукою держати у себя впредь для спору»⁷. Здесь не указан ранг приказных служителей, но из последующих законодательных материалов видно, что речь шла о «старых и средней статей» подьячих. «Молодые» подьячие не пользовались доверием, о чем свидетельствует указ 1684 г.: «А молодых бы подьячих для отдачи книг и столлов не посылали для того, что от молодых подьячих многое небрежение чинится и воровство, и за те вины многим учинено наказание и сосланы в ссылки». Кроме того, «молодые» подьячие часто отрицательно характеризовались по службе: «писать мало умеют», «сидит худо, выходит, не выждав дьяков и старших подьячих». Были случаи, когда они в приказах играли в шахматы и даже кидались друг в друга «столпами». Однажды один такой свиток был выброшен из окна Разрядного приказа и упал в грязь, а подьячие за такую проделку были «биты батогами»⁸. Лишь в 1697 г. к хранению архивных материалов допустили «молодых» подьячих. Однако указ напоминал им о необходимости «всякие дела делать и беречь со всяким опасением и радением», грозя за нарушения жестокими карами.

Проявлялась забота об обеспечении сохранности документов. Учреждениям предписывалось: «Государевы и челобитчиковы дела хранить бережно, чтобы все было в целости, не выносить их из приказов на частные дворы и подворья». Тем не менее гибель документов носила массовый характер. Материалы уничтожались во время войн, вследствие плохих условий хранения и стихийных бедствий, особенно от пожаров. Сильный урон документам был нанесен в 1547 г., когда почти полностью сгорели Кремль и большая часть Москвы. В 1571 г., в «приход Крымского царя», когда огонь вновь нанес большой урон. Опустошительен был для архивов пожар 1626 г. «Громадное количество актов в московских архивах ... переживших занятие Кремля поляками, сгорело в 1626 г. Этот год сделался своего рода памятной датой. Акты, датированные временем до 1626 г., — сравнительная редкость», — отмечал академик М. Н. Тихомиров. Этот пожар явился своеобразной «вехой» — в Соборном Уложении 1649 г. разделяли дела приказов на две группы: которые «вершены до Московского большого пожару...» и «после пожару вершены»⁹.

На периферии гибель материалов приняла еще более широкие размеры. Дошедшие до нас описи свидетельствуют, что редкие архивы хранили дела вековой давности. Большинство из них концентрировали документы последних десятилетий.

Имели место случаи сознательного уничтожения источников. Иногда из столбцов путем их переклейки удалялись листы с повторяющимся содержанием. Конечно, такое сокращение объема столбца делало его более информационно насыщенным. Проводилось оно по инициативе приказных служителей. Ведь в наших

архивах нет никаких нормативных материалов об уничтожении в те годы документов, не имеющих практического значения, или дублетных.

Большое количество ценных источников погибло в период Крестьянской войны 1670—1671 гг., когда уничтожались прокламации восставших. До нас дошло лишь одно «прелестное письмо» С. Т. Разина с призывом присоединиться к повстанцам. Это свидетельствует о классовом характере отбора документов на уничтожение.

Во время восстаний народ часто громил наиболее ненавистные правительственные учреждения. Например, в 1682 г. в Москве были разгромлены помещения приказа Холопьяго суда, Судного приказа и другие, а их материалы (кабалы, юридическая документация и т.д.) уничтожены. Однако позднее письменные источники были восстановлены по копиям, снятым в архивах местных учреждений.

В 1682 г. при отмене местничества было предано огню значительное количество разрядных книг.

Уничтожение дел тесно затронуло монастырские архивы. Церковники небрежно относились к документам, потерявшим практическую ценность. Они нередко использовали древние грамоты на подклею новых документов, имеющих юридическое значение.

Упорядочению и описанию дел придавалось важное значение. Например, составление описи Посольского приказа в 1614 г. и 1626 г. производилось по именным указам, и возглавляли эту работу окольных кн. Мезецкий и начальник Челобитного приказа Ф. Л. Бутурлин. Впоследствии неоднократно проводилась аналогичная работа по указам царей. В 1680 г. такой указ был адресован 23 центральным учреждениям (Посольскому, Поместному, Разбойному, Рейтарскому и другим приказам). В большинстве случаев новое описание дел производилось после пожаров или нашествий интервентов. Вновь составленные справочники содержали информацию о сохранившихся материалах и обеспечивали их последующую сохранность.

Образовавшиеся лакуны в архивных источниках администрация стремилась восполнить, причем особенно интенсивно это делалось в важнейших центральных учреждениях. Как известно, пожар 1626 г. нанес огромный урон документам Поместного приказа, что сильно затрудняло его деятельность. Поэтому из Москвы отправили дьяков и подьячих для снятия копий с писцовых и переписных книг, хранившихся в местных учреждениях, которые и были доставлены в Поместный приказ¹⁰.

По сравнению с описью Царского архива описи XVII в. более конкретны и детальны. Глухие суммарные заголовки сменяются подробным раскрытием содержания документа. Обозначаются даты, перечисляются печати, писчий материал, язык документа. Начинают нумероваться единицы хранения, причем номера заносятся в опись при соответствующих описательных статьях. Форму-

ляры описательных статей также представлены более четко. Описи — ценный исторический источник. Так как многие комплексы дел до нас не дошли, то по описям мы можем судить о их составе. В архивах Поместного и Разрядного приказов, где отлагалось большое количество источников, в XVII в. начали разрабатываться также другие справочники. Наиболее простыми из них являлись «азбуки», которые представляли из себя описи документов с вынесенными на поля инициалами упоминаемых в тексте лиц. Более совершенными являлись «азбуки по алфавиту», т.е. выписанные в отдельную тетрадь фамилии и географические наименования с указанием поисковых данных необходимых единиц хранения. «Главы» составлялись в комплексах однородных документов, подшитых в книги или сборники. Это внутренняя инвентарная опись к единице хранения.

Составление архивных справочников получило широкое распространение в центре и на местах, в том числе и в церковных архивах. Большой интерес представляет опись рукописей и копияная книга Кирилло-Белозерского монастыря, составленные в последней четверти XV в. Для историка архивного дела опись важна как показатель уровня описания документов и как свидетельство актуальности описания письменных источников в то время. Опись принадлежала участнику борьбы с нестяжателями иосифлянину Герману и использовалась как справочник по тогдашней литературе. Она была также нужна монастырю для защиты от попыток Ивана III ограничить монастырское землевладение. Опись состоит из двух разделов: краткой инвентарной описи и обстоятельного описания отдельных рукописей. Подробное описание сохранилось в двух видах — черновом и беловом, — которые отличаются друг от друга степенью обработанности. В краткой инвентарной описи дано название рукописи, формат, писчий материал, иногда имя бывшего владельца и состояние рукописи. В порядке расположения рукописей еще нет выдержанной систематизации.

В подробном описании зафиксирована часть рукописей (24 сборника). Каждый сборник состоял из нескольких произведений, и описание включало следующие элементы: заглавие каждого произведения, начальные слова, день чтения, порядковый номер, число листов. Столь детально разработанные приемы описания могли появиться в результате большого предшествующего опыта. Высокая техника описания рукописей дает основание предполагать, что в монастыре хранились описи документов, роль которых была еще актуальнее. Об этом свидетельствует копияная книга того же монастыря. Состав документов показывает, что они отбирались с определенной целью, т.е. выявлялись материалы о землях в одном Белозерском княжестве, уже подчинившемся Москве, хотя монастырь владел землями и в Волоцком княжестве. Отбор документов был произведен в 1482 г. в связи с межванием и проверкой владений монастыря именно в Белозерском княжест-

ве. Копии расположены по группам (территориальные, номинальные, по происхождению). Но чтобы произвести целевой отбор документов и расположить их по группам, нужно было иметь определенный ориентир. По-видимому, в монастыре имелась опись на эти документы.

В XVI в. описание материалов стало повсеместным. Описи и копийные книги составлялись чаще всего в момент обострения вопроса о монастырском землевладении и ограждении его привилегий. Так, П. М. Строев в 1817 г. обнаружил в Иосифо-Волоколамском монастыре две описи 1545 г. и 1591 г. К 1591 г. относилось также составление копийной книги. Таким образом, монастырь был подготовлен и к Стоглавому собору 1551 г., на котором обсуждался вопрос о церковном землевладении, и к началу ревизии монастырского землевладения (1592). Документы описываются частью по группам, а наиболее важные — отдельно. Так, в описи Коряжемского монастыря подокументно перечислены тарханная грамота, жалованная на землю, соляная, подорожная. В описи Корельского Николаевского монастыря помимо содержания отмечены особенности документов (материал, наличие печатей, кому выдан).

Прогресс в описании церковных и монастырских материалов наблюдался в XVII в. Как правило, в описях имелись ссылки на предшествующие справочники. Каждый источник описан отдельно, причем из справочников видно, что документы были отсистематизированы по царствованиям. Прослеживается также очередность описания документов по степени важности (например, сперва жалованные грамоты, затем частнопровольные документы и т.д.).

Архивы и документы по истории народов, вошедших в состав России. Ценные источники отложились в архивах по истории Сибири. В Сибирском приказе, созданном в 1637 г., концентрировались материалы с конца XVI в. Это дела по управлению Сибирью; о «прииске» служилыми и торговыми людьми «новых земель»; назначениях, смене и злоупотреблениях воевод и приказных людей; ссылке в сибирские города участников восстаний; выступлениях сибирских народов против царизма; политических и торговых связях России с Китаем, Монголией, Бухарой и другими странами.

Большой интерес представляют комплексы дел приказных изб — канцелярий воевод, управляющих городами и уездами. Они содержат информацию о взаимоотношениях с бурятами, тунгусами, якутами и другими народами, об их жизни и быте; поисках руд; сборе ясака и т.д. Разновидности дел в целом были аналогичны делопроизводственной документации России. Отметим ясачные книги, в которые заносились именные списки ясачных людей и записи о поступлении в казну собираемого с них ясака пушной. Было несколько разновидностей этих книг (именные, приходные, доимочные и др.).

По истории *Левобережной Украины*, воссоединенной с Россией в 1654 г., отложились источники в архивах Посольского, а с 1662 г. — Малороссийского приказов, которые осуществляли ее общее управление. Интерес представляют материалы о внутреннем состоянии Украины, борьбе украинского народа за воссоединение с Россией, совместных военных действиях русской армии и украинского казачества против Польши, Швеции и Турции.

Еще в XVI в. на Левобережной Украине был создан ряд ценных архивов. При гетмане функционировала канцелярия, возглавляемая генеральным писарем. Под его руководством велась дипломатическая переписка с Россией, Польшей и другими странами. Здесь же составлялись списки казаков и старшины, фиксировалась выдача им «жалованья». Различные льготы, которые вынуждено было дать казачеству польское правительство, оформлялись в специальных грамотах — «привилеях». Наиболее важная документация, в том числе и «привилеи», хранилась вместе с казной («скарбницею») в городе Терехтемирове. Здесь находились казацкий госпиталь, боеприпасы и знамена Запорожского войска.

При гетмане существовал также походный архив, где были собраны важнейшие документы. В битве под Берестечком (1651) поляки захватили этот комплекс материалов (подлинник Зборовского договора 1649 г., «привилеи» от польских королей и др.), который был включен в архив Польши — Коронную Метрику.

В административном отношении Украина делилась на 17 «полюков», которые в свою очередь подразделялись на «сотни». В результате деятельности «полковников», «сотников» и состоящего при них «страшныи» (писарь, есаул, хорунжий и др.) создавались документы административно-хозяйственного характера.

В совокупности эти источники с достаточной полнотой освещают историю народов, вошедших в состав России.

Использование архивных документов. В конце XVI в. было проведено валовое описание земель. Значение документов в этот период возросло. Писцовые книги и другие материалы Поместного приказа воссоздавали печальную картину «великого разорения». Выход из тяжелого положения страны правительство стремилось найти во введении «Заповедных лет». Около 1592—1593 гг. вышел указ, запрещающий переход крестьян от одного феодала к другому в Юрьев день. Таким образом, писцовые книги явились важнейшим орудием закрепощения крестьян.

Большое значение имели архивные документы при выработке важнейших законодательных актов. Например, Соборное Уложение 1649 г., основной закон России до первой половины XIX в., опиралось на предшествующее законодательство. Источниками Уложения стали судебники, указы и боярские приговоры, уставные и указные книги приказов и другие материалы. Широкая источниковая база способствовала тому, что у Соборного Уложения 1649 г. не было прецедентов в истории отечественного законо-

дательства. Оно также не имело себе равных в современной ему европейской практике. Уложение было издано и разослано в ряд центральных и местных учреждений.

Важную роль играли письменные материалы по обслуживанию практических потребностей учреждений, светских и церковных феодалов. На базе архивных документов, в которых был зафиксирован опыт управления всей страной и деятельность каждого правительственного учреждения, строилась работа государственного аппарата. Широко привлекались архивные материалы Поместного приказа (в основном писцовые, переписные и дозорные книги) при раскладке налоговых обложений и различных повинностей. Документы использовались при определении служилым людям «поместного оклада», денежного жалования и т.д.

Во время народных восстаний народ грошил хоромы наиболее ненавистных бояр и дворян, уничтожая их документацию. Впоследствии они обращались в архивы, и взамен уничтоженных им выдавались новые документы, подтверждающие их привилегии.

Разрядные книги, как известно, использовались при местнических спорах. Далеко не все эти источники отлагались в архиве Разрядного приказа. Порой они хранились в частновладельческих архивах и были выполнены представителями древних родов «по памяти». Так, в ЦГАДА находится разрядная книга с припиской: «Сия книга стольника Ивана Федоровича Пушкина да моя. А писал сю книгу Михайло Федоров сын Пушкин же». Отметим, что предки гениального поэта нередко вступали в местнические споры, оберегая таким образом фамильную честь¹¹.

Определенное воздействие оказывали архивные материалы (особенно Посольского приказа) на выработку внешнеполитического курса России. В этой связи заслуживает внимания решение Земского собора 1653 г. В тексте этого документа указывалось на враждебные действия польского правительства по отношению к русскому и украинскому народам, на оскорбительные искажения царского титула, что рассматривалось в то время как тяжелое государственное преступление¹². Эти факты были почерпнуты из архивных документов. И они, конечно, способствовали принятию Земским собором такого решения: «И по тому по всему приговори: гетмана Богдана Хмельницкого с городами и з землями принять»¹³. Для поддержания дипломатических контактов широко использовались архивные документы. Они привлекались при подготовке договоров с другими странами, составлении «наказов» (инструкций) русским дипломатам и т.д. Со статейных списков и «наказов» русским послам в XVII в. часто снимались копии, составляли из них рукописные сборники. Сведения о жизни и нравах в других странах вызывали живой интерес у русских читателей.

В XVII в. архивные источники стали шире привлекаться при разработке летописей, в частности при составлении «Нового летописца». Документы использовались при написании большинства

крупных исторических произведений (хронографов, «Сказания Авраамия Палицына», «Скифской истории» А. И. Лызлова и др.). Ряд материалов архивов Сибирского приказа, Тобольской съезжей избы и других привлек С. У. Ремезов при составлении «Истории Сибирской». Разработанный на Украине знаменитый «Синописис или краткое описание... о начале славянского народа, о первых киевских князьях... до царя Федора Алексеевича» базировался на многочисленных источниках. Он был опубликован и выдержал около 30 изданий.

* *
*

Таким образом в Русском государстве в XVI—XVII вв. создается широкая сеть архивов, в которых отлагались документы по истории классовой борьбы, о развитии феодальных отношений, складывании всероссийского рынка, формировании русской нации, о положении и быте народов многонационального Русского государства и соседних стран. Материалы в архивах хранились в том же порядке, как и в учреждениях. В целях охраны и для лучшего использования на документы составлялись описи, причем описание дел в XVII в. достигло определенных успехов. Архивные материалы использовались во внутривнутриполитических и внешнеполитических целях, при составлении летописей и подготовке исторических работ.

Глава 3 СОСТОЯНИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII в.)

С первой четверти XVIII в. начинается новый этап в развитии архивного дела. Это явилось следствием коренных реформ, проведенных правительством Петра I. В. И. Ленин отмечал, что «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»¹.

Преобразования в системе государственного аппарата привели к существенным изменениям в области архивного дела, которые прослеживались по двум направлениям: создание архивов при новых высших, центральных и местных учреждениях и устройство фондов упраздненных учреждений, а также документации действующих учреждений, потерявшей справочное значение. В поисках лучших организационных форм архивные фонды смешиваются, разъединяются, перевозятся в другие города, старые фонды сливаются с новыми и т.д. Так, архив Поместного приказа был

перевезен в Петербург, а затем возвращен в Москву. Архивы других приказов передавались (с учетом их содержания) в созданные архивы Сената и коллегий. В процессе этой работы учитывался опыт некоторых стран Западной Европы (Нидерландов, Пруссии и особенно Швеции). Однако влияние западноевропейских государств не следует преувеличивать. В указе Петра I от 28 апреля 1718 г. коллегиям рекомендовалось при составлении регламентов учитывать опыт Швеции. В то же время Петр I подчеркивал, что «которые пункты в шведском уставе не удобны... — оные ставить по своему рассуждению».

В результате этих преобразований архивы отделились от канцелярий и превратились в самостоятельные структурные части учреждений, что юридически было закреплено в Генеральном регламенте 1720 г. Мероприятия, проведенные правительством Петра I, оказали сильное воздействие на дальнейшее развитие архивного дела.

Архивы высших учреждений. Важные источники отлагались в архивах высших органов власти. В начале XVIII в. продолжала функционировать Боярская дума, с каждым годом теряющая былое значение. Тем не менее отлагавшиеся здесь документы (царские указы, приговоры Боярской думы, доклады начальников приказов и др.) представляют значительный интерес. С 1704 г. в ней заседали начальники приказов. С 1707 г. стали вестись протоколы заседаний думы, а сами заседания с 1708 г. именовались Консилией министров. Присутствующие на них должны были ставить подписи под принятыми постановлениями — «приговорами». Такое нововведение было вызвано тем, что если решение окажется нелепым, то, как отмечал Петр I, «сим всякого дурость явлена будет»². После создания Сената в 1711 г. Консилья министров была ликвидирована.

Комплекс важных источников сложился при Кабинете его императорского величества (1704—1727). Сперва Кабинет являлся личной канцелярией Петра I. В его архив поступала военная и финансовая документация, материалы Петра I о взаимоотношениях с высшими, центральными и местными учреждениями. Здесь же находился «Юрнал», в который ежедневно записывались сведения придворного и военного характера о деятельности Петра I.

Позднее значение Кабинета е.и.в. в государственной жизни возросло. Здесь составлялись проекты указов, сюда поступали известия о важнейших событиях в жизни страны, велась переписка с послами, военачальниками, правительственными учреждениями. В этом хранилище отлагались многочисленные челобитные, доносы и жалобы на имя царя, переписка о приглашении иностранцев на службу, материалы о постройке дворцов, казенных зданий и др. Поэтому при Кабинете Петра I сложился один из богатейших архивов, который постоянно пополнялся. Петр I передал в него собственные записные книжки, журнал о Северной войне за 1708—1715 гг., журнал о путешествиях по Западной

Европе, многочисленные проекты и наброски указов, записки о реформах государственного управления, реорганизации армии, строительстве флота и другие материалы. По указанию Петра I в архив Кабинета передали свои документы его сподвижники: Б. Шереметев, П. Апраксин, М. Голицын и др. Лишь А. Меншиков не выполнил указания царя. В архиве Кабинета концентрировалась документация о классовой борьбе: стрелецком волнении 1698 г., Астраханском восстании 1705—1706 гг., восстании под предводительством К. Булавина 1707—1709 гг., о взаимоотношениях со Швецией и о Северной войне; русские и заграничные газеты и календари; свод адмиралтейских регламентов. Сюда же передали ряд дел Боярской думы, материалы следственного дела царевича Алексея Петровича и др. При архиве была создана первоклассная библиотека. Таким образом, при Кабинете е.и.в. существовал архив-коллекция, материалы которой охватывали многие важные стороны государственной и общественной жизни России.

Большое научное значение имеют фонды сенатских архивов Москвы и Петербурга. Указом 16 июля 1712 г. предписывалось «...собирать помесячно» дела и «приговоры» правительствующего Сената, «...учинить тем приговорам реестры с объявлением каждого дела» и отдать на хранение в архив. Так был создан Московский сенатский архив.

В 1713 г. Сенат переводится в Петербург, где создается его новая канцелярия. В 1719 г. здесь учреждается должность архивариуса. Но сам архив как самостоятельная структурная часть учреждения был создан лишь в 1763 г. Этот комплекс дел по сравнению с московским хранилищем сразу же получил преимущество. В нем отлагались царские манифесты и указы Сенату, другим учреждениям и лицам; журналы, протоколы, делопроизводство Сената. В «Полном собрании законов» опубликованы не все царские указы. Только за первую четверть XVIII в. не напечатано 996 указов. Это увеличивает научное значение фонда Сената. Кроме того, сюда поступили материалы Приказа тайных дел, Верховного тайного совета, Кабинета министров, Конференции при высочайшем дворе, часть дел Тайной канцелярии и ряда других высших и центральных учреждений. Таким образом, заметна тенденция к концентрации некоторых важных политических документов в одном хранилище. Правительство проявляло заботу об этом архиве. Оклады его сотрудников были значительно выше, чем в других архивных учреждениях. По штатам 1763 г. здесь насчитывалось семь человек: секретарь, архивариус и пять канцелярских служителей.

Московский сенатский архив хранил менее важные документы, что отразилось на его положении. Так, по штатам конца XVIII в. здесь было три сотрудника (секретарь, канцелярист и подканцелярист). В это хранилище наряду с делопроизводством москов-

ских учреждений Сената передавались фонды ликвидированных учреждений за XVI—XVIII вв. Первым сюда поступил архив Разрядного приказа.

В 1721 г. был создан святейший правительствующий Синод. Петр I полагал, что «Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат...». На самом деле по отношению к Сенату и Кабинету Петра I Синод занимал подчиненное положение. В процессе его деятельности было создано большое количество источников. Сначала документальный массив находился в ведении обер-секретаря канцелярии Синода. В 1738 г. он выделился в самостоятельную структурную часть, которую возглавил архивариус. В Синоде отлагались материалы об управлении церковью, деятельности духовенства, состоянии церквей и монастырей, эксплуатации крестьян, доходах церквей и монастырей, заведении учебных заведений, борьбе церковников с расколами и ересями, документы цензурного и юридического характера и др.

В архиве Верховного тайного совета (1726—1731), ведавшего внешней и внутренней политикой России и решавшего важнейшие государственные вопросы, откладывались указы Совета, журналы и протоколы заседаний, переписка с высшими, центральными и местными учреждениями, мнения членов Совета в основном по внешнеполитическим делам и др. В мае 1727 г. сюда поступил архив Кабинета Петра I. Этот комплекс дел поместили в подвале, причем некоторые источники (следственные материалы по делу царевича Алексея Петровича, письмо П. Толстого Петру I и др.) были взяты в Верховный тайный совет. До нас дошло небольшое количество дел этого высшего органа власти.

Крупный комплекс документов сложился в результате деятельности Кабинета министров (1731—1741). Это указы Анны Ивановны, доклады кабинет-министров императрице; материалы о войне с Турцией и Швецией, снабжении, комплектовании и обучении войск; злоупотреблениях должностных лиц и др. Сюда же передали архив Кабинета Петра I (причем здесь из него изъяли некоторые источники о строительстве флота, письма членов дома Романовых за первую четверть XVIII в. и др.).

Важные материалы концентрировались в архиве Конференции при высочайшем дворе (1756—1762), которая была создана для руководства военными действиями против Пруссии и рассмотрения внешнеполитических вопросов, но затем сосредоточила также управление внутренней жизнью страны. Здесь концентрировались протоколы заседаний, дела о ходе Семилетней войны, комплектовании и снабжении армии и др. Отпуска указов русским главнокомандующим свидетельствуют о мелочной опеке их деятельности и стремлении Конференции навязать им свои планы ведения войны.

Верховный тайный совет, Кабинет министров и Конференция при высочайшем дворе фактически подчинили себе Сенат и коллегии. В их архивах отлагалось значительное количество дел,

относящихся к компетенции Сената. Это явилось одной из причин, почему данные фонды были переданы на хранение в Петербургский сенатский архив.)

С 1741 г. существовал еще один высший орган власти — Кабинет ее величества, восстановленный Елизаветой Петровной и являвшийся личной канцелярией носителей верховной власти. В архиве Кабинета откладывались доклады Сената и коллегий, проекты и черновые варианты «именных указов», важнейшие донесения местных учреждений; фонды ряда крупных сановников (Э. Бирона, Б. Миниха и др.); документы о народных восстаниях и дела органов политического сыска; материалы Преображенского приказа (1695—1729), большая часть дел Тайной канцелярии (1718—1726) и др. Но в 60-е годы значение Кабинета резко упало, и он стал учреждением, которое заведовало в основном личным имуществом Екатерины II. Это отразилось на содержании документов его архива, в котором концентрировались написанные царицей инструкции должностным лицам, автографы ее литературных трудов, прошения различных лиц на имя Екатерины II и ее статс-секретарей и др.

В эти же годы были предприняты меры к спасению документов Кабинета Петра I. Архив, размещавшийся в 15 сундуках и нескольких ящиках, находился длительное время в сыром подвале. В 1742 г. этот комплекс дел перевезли из архива Кабинета министров в летний царский дворец. Но помещение дворца не отапливалось, стекла в окнах были выбиты, и в комнаты, где хранились документы, попадал снег и дождь. Ценным источникам угрожала гибель. Только в 1760 г. материалы перенесли в сухое теплое помещение. В 1768 г. управляющим архивом был назначен историк и публицист М. М. Щербатов. Он возглавлял архив 10 лет. Документы были им разобраны, отсистематизированы, на них составлены подробные и обстоятельные описи.

При Екатерине II зародилась, а при Павле I оформилась личная канцелярия носителей верховной власти. В архиве канцелярии откладывались важные документы, восходившие на рассмотрение царя: донесения Сената, мнения крупных сановников, жадобы, прошения и др.)

Архивы центральных и местных учреждений. Вместо приказов с 1717 г. стали создаваться коллегии. Для некоторых из них были разработаны регламенты. В Военной коллегии устанавливалась должность архивариуса, в Камер-коллегии — инспектора Камер-архива. В 1720 г. был издан «Генеральный регламент», в котором архивам посвящена 44-я глава. По «Генеральному регламенту» впервые в мировой практике предусматривалась обязательная сдача учреждениями своих документов в архивы по истечении определенного срока³). Для дел, потерявших практическую ценность, он устанавливался в три года. Что касается материалов, необходимых для нормальной деятельности учреждения, то для них конкретных сроков не существовало. Видимо, их надо было

передавать в архив после того, как документы теряли справочное значение.

По «Генеральному регламенту» создавались самостоятельные структурные части в учреждениях — «архивы». Таким образом, юридически оформлялось отделение «архивов» от «канцелярий» и «архивных документов» от «текущего делопроизводства». Одновременно устанавливался порядок передачи дел в архивы и вводились специальные должности — архивариусы. Была также сделана попытка провести концентрацию коллежских материалов: дела, «...которые касаются приходу и расходу», должны быть «...под надзиранием Ревизион-Коллегии», все другие документы — «...под надзиранием Иностранных дел Коллегии»⁴. Видимо, это было заимствовано из опыта Швеции, в которой существовало два главных архива: политический при королевской канцелярии и финансовый при Камер-коллегии. Однако для России с ее огромным масштабом деятельности государственного аппарата, сложной государственной структурой и бескрайней территорией этот опыт оказался неприемлемым. Концентрация коллежского делопроизводства в двух архивах не была осуществлена. Однако укрупнение ведомственных архивов произошло. Вместо многочисленных приказов с нечеткими функциями в 1719—1721 гг. было создано 12 коллегий, что способствовало более компактному отложению однородных или близких по своему характеру фондов в коллежских архивах.

Архивы центральных учреждений хранили богатый материал о многих важных аспектах истории России XVIII в. Большой интерес представляет вопрос о дипломатической документации. В Петербурге при Коллегии иностранных дел с 1720 г. сложился текущий архив, куда были перевезены некоторые материалы Посольского приказа за ближайшие годы, поскольку они были необходимы для работы коллегии. Однако большинство документов этого приказа оставалось в Москве. В Петербургский архив поступали трактаты вскоре после их подписания. Так, договор со Швецией, подписанный в Ништадте 30 августа 1721 г., был передан в архив 27 сентября того же года. Здесь архивариус исполнял в ряде случаев должность регистратора, хранителя текущей переписки. В фонде КИД отложились документы о взаимоотношениях России с другими странами. Эти материалы свидетельствуют о большом авторитете России на международной арене. Документы Военной и Адмиралтейской коллегии содержат сведения о строительстве армии и флота, перевооружении, снабжении, подготовке личного состава, условиях военной службы. Большой интерес представляют материалы о ходе военных действий, развитии русского военного искусства, участии армии в подавлении народных движений. Характерной чертой архива Военной коллегии являлось то, что сюда передавались наиболее важные (в основном секретные) документы местных военных учреждений и частей. Так, по именному указу Елизаветы Петров-

ны 1745 г. предписывалось все секретные материалы из пограничных крепостей поместить в опечатанные пакеты и «с учиненною описью прислать в Военную коллегию» для передачи этих дел в архив.⁵ Эти три коллегии считались наиболее важными и получили наименование «государственные». Их документы имеют особое значение.

Материалы о финансовом положении России XVIII в. концентрировались в архивах Ревизион- и Камер-коллегий. Наиболее крупным является фонд Ревизион-коллегии, содержащий свыше 3 млн. дел. Это материалы о финансовых делах России с 1718 по 1805 г. — ежегодные росписи доходов и расходов, дела счетных комиссий, следственные материалы о расхищении казенных сумм должностными лицами и др. В фонде Камер-коллегии отложились источники о сборе прямых и косвенных налогов с населения (указы, ведомости, книги: окладные, приходные, откупные, таможенные и др.), а также переписи населения: воеводские и ландтавские книги и ревизские сказки. Эти материалы являются ценными источниками, в основном по истории экономики России.

Фонд Юстиц-коллегии содержал сведения о судебной деятельности правительственных учреждений и охватывал 1701—1787 годы. Это судебные дела об убийствах крестьянами помещиков, злоупотреблениях должностных лиц, разделе имений, утверждении их за новыми владельцами и др. В архиве Вотчинной коллегии концентрировались царские указы о раздаче дворянам земель и крестьян, документы о купле-продаже и мене крепостных крестьян и земель, податях и повинностях крестьян, их побегах от помещиков, крестьянских восстаниях и др. Фонд коллегии Экономии хранил документы об огромных богатствах церковников, состояний церквей и монастырей, эксплуатации крестьян, их участии в Крестьянской войне 1773—1775 гг. и других восстаниях.

Особый интерес представляют дела органов политического сыска: Преображенского приказа (1695—1729), Тайной канцелярии (1718—1726), Тайной розыскных дел канцелярии (1731—1762) и Тайной экспедиции Сената (1762—1801). Большинство материалов в этих фондах относилось к лицам, «кто какие умышления учнет мыслить» на здоровье и честь царя или же это были дела о «бунте или измене» против носителя верховной власти и государства. Здесь откладывались материалы о народных выступлениях, судебном-следственных делах над участниками восстаний, о расправе над ними; о выступлениях против своих угнетателей народов, вошедших в состав России (башкир, кабардинцев, казаков и др.); списки осужденных лиц, документы о политических тюрьмах. Характерно, что самодержавие стремилось спрятать от глаз общественности документы о важнейших восстаниях крестьян. Так, следственные материалы об участниках Крестьянской войны 1773—1775 гг. хранились в запечатанных пакетах. Таким образом, правительство не доверяло даже своим чиновникам.

Малейшие проявления «свободомыслия» сразу же пресека-

лись. Об этом свидетельствуют материалы о стихотворениях В. К. Тредиаковского, «признанных вредными» (1736). Большую научную ценность представляют материалы следствий над передовыми представителями русской общественной мысли второй половины XVIII в. (А. Н. Радищевым, Н. И. Новиковым, Ф. В. Кречетовым и др.). Из документов видно, что среди офицеров были последователи Радищева. Эти «вольнодумцы» вызвали опасения у самодержавия. В армию направлялись тайные агенты «для наблюдения за образом мыслей офицеров»⁶.

Заслуживают внимания именные и сенатские указы, протоколы и журналы органов политического розыска, а также их переписка с Сенатом и другими учреждениями, жалобы крестьян на своих помещиков; дела о дворянах (Д. Салтыковой, А. Лопухиной и др.), истязавших крестьян; документы о злоупотреблениях должностных лиц, взяточничестве и т. д.

Архивы некоторых учреждений были невелики по объему, но содержали ценные источники. Например, материалы Каменного приказа (1775—1782) освещали экономическое и правовое положение рабочих (записные книги паспортов рабочих, ведомости о расчетах с ними, сведения о продолжительности рабочего дня, условиях труда и т. д.). Здесь отложились документы о забастовке рабочих московских кирпичных заводов (1779), требовавших в связи с ростом дороговизны повышения заработной платы: «Что буде прибавки не учинят, то работные люди отказываются от работы»⁷.

Архивы местных учреждений. В начале XVIII в. на местах на смену существовавшим хранилищам документов при приказных и земских избах учреждались архивы при вновь созданных учреждениях: в губерниях — при губернских канцеляриях, в провинциях — при провинциальных канцеляриях, в уездах — при земских комиссарах. Эти хранилища комплектовались в основном материалами учреждений-фондообразователей. Кроме того, им передали дела упраздненных приказных и земских изб.

В то же время стала возникать сеть архивов судебных учреждений: провинциальных, городских и надворных судов. Последние, как правило, создавались в губернских центрах. Кроме того, в городах учреждались органы самоуправления — ратуши, при которых создавались архивы. В ведении этих органов оказались в основном финансовые дела. Поэтому здесь концентрировались документы о сборе податей и материалы о кабацкой, таможенной и соляной службе. Органы городского управления периодически передавали в губернские и провинциальные канцелярии приходно-расходные ведомости, а копийные материалы оставались в их архивах. Эти документы являются ценным источником об экономическом положении различных регионов.

Таким образом, количество местных архивов увеличилось. Была предпринята попытка их концентрации. Сенат в 1728 г. разослал наказ губернаторам, в котором предлагал создать в каж-

дой губернии два архива: губернской канцелярии и городского самоуправления. Но из-за отсутствия приспособленных помещений и квалифицированных кадров этот проект не был осуществлен. При каждом учреждении возникал свой собственный архив. Созданная в эти годы сеть местных архивов функционировала до 70-х годов.

В результате реформы государственного аппарата в 1775—1785 гг. количество местных учреждений и архивов при них еще более возросло. В процессе деятельности административных, судебных и финансовых органов создавались обширные комплексы документов. Они откладывались в многочисленных архивах. Сюда поступали также неоконченные дела ликвидированных центральных учреждений, которые теперь относились к компетенции местных властей и по указам 1780 и 1782 гг. о создании государственных архивов старых дел рассылались для решения на места. Таким образом, наряду с концентрацией фондов центральных учреждений наблюдалось рассредоточение их по местным архивам. В целях лучшей охраны комплексов дел, имевших важное значение для господствующего класса, правительство предприняло попытку сосредоточить в одном месте судебную документацию каждой губернии. Указом Сената 1798 г. предписывалось «окончательно решенные и исполненные дела» губернских и уездных судебных учреждений передавать «с надлежащей описью в архив Палаты суда и расправы». Однако и такая частичная концентрация материалов практически не была осуществлена.

Установленный в начале XVIII в. порядок передачи документов из канцелярий в архивы соблюдался плохо, особенно на местах. В учреждениях дела хранились долгие годы. Из-за плохо налаженного учета материалы терялись и расхищались, а также гибли от плохих условий хранения. Указом Сената 1800 г. восстанавливался, как было указано в Генеральном регламенте, трехлетний срок сдачи окончанных дел в архив. Не случайно этот указ был адресован в первую очередь губернским правлениям и казенным палатам. Их документация имела важное практическое значение. Хотя Сенат грозил за невыполнение этого требования «строгую и неминуемую за сие ответа и по закону взыскания», положение в местных архивах не изменилось к лучшему.

Исторические архивы. В XVIII в. возникают исторические архивы. Они хранили в основном документацию, потерявшую практическое значение, которая сравнительно широко привлекалась учеными. Поэтому не случайно исторические архивы появились в нашей стране одновременно с возникновением исторической науки. Эти два явления тесно связаны и взаимообусловлены.

Московский архив КИД стал первым историческим архивом России. Его основу составили материалы Посольского приказа. Эти документы имели важное политическое значение. В них освещались внешняя политика Русского государства XV—XVII вв., важнейшие события внутренней жизни страны, а также

история царской семьи. Поэтому правительство с особой заботой относилось к архиву. В 1724 г. он получил собственную печать, штаты (6 сотрудников), возглавил его ассессор П. Курбатов. Подчинялся архив со дня основания (1724) непосредственно КИД. Только 29 ноября 1759 г. по указу Коллегии он был передан в «ведение и надзирание» Московской конторы КИД, в подчинении которой находился до ее ликвидации в 1781 г.⁸ Таким образом, это хранилище документов первым превратилось в исторический архив.

Связь между текущим и историческим дипломатическими архивами проявлялась в том, что дела петербургского архива, потерявшие практическое значение, перевозились в Москву. Этим было положено начало дифференциации старых и текущих дел. Учреждение Московского архива коллегии иностранных дел явилось первым шагом в создании исторических архивов во второй половине XVIII в.

Штат архива постоянно увеличивался, так как здесь хранились документы на многих языках и нужны были квалифицированные сотрудники. В конце XVIII в. (вместе с охраной и обслуживающим персоналом) в архиве насчитывалось около 80 штатных сотрудников, из них 24 переводчика.

Московский архив возглавляли такие крупные специалисты, как М. Г. Собакин, Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, которые внесли значительный вклад в развитие русского архивного дела. Квалификация остальных архивистов была невысока. Только в конце XVIII в. для них стали устраиваться экзамены «в знании иностранных языков и науках» (истории, географии и статистике). Уровень знаний учитывался «при продвижении по службе».

Сперва архив располагался в Кремле, в палатах бывшего Посольского приказа. Но это здание с годами «обветшало», и в крыше появилась «течь великая», что приводило к гибели документов. Специальные инструкции рекомендовали раз в год просушивать материалы на солнце.

Чтобы избежать гибели документов, архив переместили в каменный дом, находившийся в низине Китай-города. Ежегодные разливы Москвы-реки наносили документам, находящимся в сыром помещении, огромный урон. Например, в 1766 г. по указанию КИД сожгли девять сундуков, «содержащих остатки заплесневевших, изорванных и покрытых грязью бумаг. Документы оказались настолько истлевшими, что их приходилось выгребать из сундуков лопатами»⁹. В 1768 г. у Голицыных купили для архива каменный трехэтажный дом в Хохловском переулке. Здание было капитально отремонтировано, и в 1770 г. архив переехал туда. Здесь он располагался до 1874 г. Условия хранения в этом доме оказались лучше, чем в предыдущих помещениях. Дом был просторным, сравнительно безопасен в пожарном отношении, так как примыкал лишь одной стороной к жилым зданиям. Документы находились «в комнатах со сводами, с чугунными и каменными

полами, с оконными решетками и железными ставнями, где государственные акты, грамоты, свитки и хартии размещены были в шкафах и поставлены в совершенную безопасность от воды, от огня, от крыс и мышей». К тому же ряд комнат был оборудован железными дверями. В то же время архив не находился «в безопасности... ни от холода и ни от производимой им сырости». Это было характерно для всех архивных хранилищ. Даже самые привилегированные архивы размещались порой в помещениях, условия хранения документов в которых оставляли желать лучшего.

Первые годы после создания архива поступлений в него практически не было. Он стал комплектоваться с января 1732 г. Из Петербургского архива КИД сюда перевезли документы о сношениях России с Пруссией за 1727—1730 гг., о коронации Анны Ивановны. В свою очередь из Московского архива КИД в Коллегию иностранных дел и ее Петербургский архив были отправлены материалы о сношениях с Богемией за 1719—1720 гг. и другие документы.

Архив в первой половине XVIII в. продолжал комплектоваться материалами КИД, потерявшими практическое значение, делами дипломатического характера некоторых других учреждений. Сюда также поступили дела периода царствования Ивана Антоновича и приходо-расходные документы Московской конторы КИД.

Во второй половине XVIII в. архив принял дела упраздненной Московской конторы КИД: указы Сената и Коллегии, протоколы конторы, приходо-расходные книги и другие материалы за 1748—1782 гг. Дела принимались по описям, что было довольно редким явлением при сдаче в архив бумаг упраздненных учреждений. Это свидетельствует о внимании и определенной заботе КИД о своих документах и архивах.

В это время продолжалась работа по уточнению профиля архива. В архив Сената были переданы в 1760 г. «Малороссийские дела и книги»; наследникам А. Д. Меншикова в 1775 г. — вотчинные и поместные дела за 1706—1727 гг. из фонда «домовой канцелярии Меншикова»; Вотчинной коллегии к 1778 г. — около 170 книг (писцовых, дозорных и др.)¹⁰.

Упорядочение дел в архивах продвигалось слабо. Поэтому в феврале 1744 г. в КИД «имелось рассуждение» об архиве, «в котором дела и поныне не токмо еще не описаны, но порядочно и не разобраны, а дело сие весьма нужное». В связи с этим сотрудники публичной экспедиции КИД ассессору М. Г. Собакину «определено быть при архиве». Это был образованный человек, знавший многие «иностранные языки», энергичный руководитель и хороший организатор. Архив он возглавлял в 1744—1747 гг. и в 1760—1772 гг. При назначении Собакину предписывалось «в канцелярии будучи время напрасно и бесполезно не тратить, но препровождать оное за делом» и «над канцелярскими служителями надзирание иметь». При новом руководителе упоря-

дочение дел велось активно. Всего к декабрю 1747 г. было разобрано и описано «столпов и книг 46 412». Но много документов еще не было упорядочено: «11 сундуков больших, 7 ящиков, 2 коробья да в 2 кучах».

В 1748 г. Собакина перевели в Петербург, и работа по разбору и описанию дел фактически прекратилась. За это новому руководителю архива в именном указе (1759) выговаривалось: «С начала определения твоего в архив, в разборе и описании оно́го ничего не было».

Во второй половине XVIII в. Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский и другие архивисты составили ряд описей на документы о сношениях России с другими странами, а также на материалы по внутреннему управлению Посольского приказа и объединенных с ним учреждений и КИД. Эти справочники подробно раскрывают состав и содержание источников. Правда, порой не совсем верна систематизация материалов по странам (например, документы о сношениях с народами Кавказа). За основу группировки материала в описательных статьях взят номинальный признак: книги, дела, грамоты, трактаты. Внутри этих рубрик материал расположен по хронологическому принципу. Этими описями пользуются исследователи и в настоящее время.

К началу XIX в. в архиве насчитывалось около 180 описей, в которых давалась обстоятельная характеристика содержания материалов, времени их возникновения, палеографических особенностей. Н. Н. Бантыш-Каменский составил «реестр реестров» — перечень всех имевшихся в то время описей с лаконичной, но емкой характеристикой. Этот справочник являлся важным пособием и помогал ориентироваться в сложной структуре архива.

Ценным дополнением к источникам Московского архива КИД являлась его библиотека — одна из старейших в стране. Она ведет свое начало с библиотеки Посольского приказа. Книги для нее приобретались во время зарубежных поездок русских дипломатов, поступали от частных лиц. С упразднением Посольского приказа библиотека перешла в Московский архив КИД. Комплектование ее продолжалось. Большие коллекции поступили в библиотеку при конфискации имущества попавших в «немилость» князей Долгоруких, А. П. Волынского, А. И. Остермана и других государственных деятелей XVIII в.

В 1782 г. за огромную для того времени сумму (20 тыс. руб.) были приобретены богатое собрание документов и библиотека Г.-Ф. Миллера, причем до смерти последнего вся «коллекция» оставлялась в его распоряжении. Вместе с ней поступили также уникальные издания, как сочинения М. В. Ломоносова «Полюдор» (СПб., 1763), «Известия о сочиняемой российской минералогии» (СПб., 1763), «Слово похвальное Петру Великому» (СПб., 1754). Два года продолжалась работа по описанию этой коллекции. В 1784 г. она была объединена с библиотекой архива, которая

этажа коллежского здания. Здесь материалы «страдали от сырости, глухоты и темноты».

В Петербургский архив материалы сдавались, как правило, в плохом состоянии. По подсчетам, сделанным в 1830 г., здесь находилось свыше 1 млн. дел сорока девяти ликвидированных центральных и местных учреждений: петербургские конторы Вотчинной, Экономии, Коммерц-, Мануфактур-коллегии, Петербургской соляной конторы, конторы Главного магистрата, в которых получила освещение история промышленности, торговли, сельского хозяйства за XVIII в. Интересны также материалы Юстиц-, Ревизион- и Штатс-контор, Розыскной и Монетной экспедиций, канцелярий Ямской, Главной полиции и др. —

В начале XIX в. поступили документы органа политического розыска — Тайной экспедиции Сената, — в которых освещалась история классовой борьбы и развития общественной мысли второй половины XVIII в. Вместе с фондом Тайной экспедиции сюда передавались в запечатанных пакетах следственные материалы по Крестьянской войне 1773—1775 гг.

Упорядочение и описание дел продвигалось медленно. Основная причина заключалась в том, что подавляющее большинство материалов поступало в архив в плохом состоянии, зачастую без сопроводительных описей. К тому же дела сильно страдали от наводнений. Составление описей на такие материалы производилось, но результативность работы была очень низка. Описи составлялись в основном на фонды, по которым больше всего поступало запросов (Вотчинная контора, Юстиц-контора и др.). Качество справочников оставляло желать лучшего.

Московский государственный архив старых дел также возглавляло присутствие, в состав которого входили советник и два ассессора. Штаты архива были несколько меньше Петербургского, но зато он имел право принимать «приказных служителей... сверх штата на свое содержание... впредь до освобождения вакансии». Уже в 1786 г. насчитывалось 16 сверхштатных служителей. Присутствие архива могло принимать на службу иностранцев. Так, в 1786—1787 гг. здесь служил канцеляристом француз Н. Ледо.

Плохо обстояло дело и с помещением. В начале 1783 г. архиву отвели пять «покоев» в большом дворце в Кремле. Однако их необходимо было еще оборудовать: переделать печи, оконные рамы и т.д. В основном это были подвальные, «находившиеся прежде под арестантами покои». Отсутствие притока свежего воздуха и дневного света, большая влажность делали эти помещения малопригодными для хранения документов. Архивистам приходилось работать в тяжелых условиях. Широкое распространение получили заболевания («в голове и ногах болезни», «тусклое зрение и внутренняя болезн» и др.), из-за чего некоторые сотрудники оставили службу. Лишь в 1787 г. «архив был помещен в новом кремлевском здании, где для него довольно число покоев и шкафов уже приготовлено».

После этого комплектование, которое раньше сдерживалось нехваткой помещения, пошло быстрыми темпами. В Московский государственный архив старых дел поступило около 6 млн. дел из сорока учреждений (фонды коллегий — Ревизион, Камер, Юстиц, Мануфактур, Экономии; контор — Берг и Главной соляной; приказов — Судного, Сысского, Каменного и др.). Это дела по внутренней истории России XVIII в., экономике, развитию промышленности, торговли, строительного дела и др. Архив ежемесячно докладывал в Сенат о ходе работы по приемке дел.

В мае 1802 г. был принят комплекс документов Московского отделения тайной экспедиции Сената (1762—1801), вместе с которыми поступили материалы Тайной канцелярии (1718—1726), Московской конторы тайных розыскных дел (1731—1762) и др. Дела передали в 52 сундуках, в которых они и хранились в архиве, запечатанные сенатской и архивной печатями. Стремление спрятать подальше от глаз общестественности материалы по истории классовой борьбы — характерная черта дореволюционного архивоведения. Поэтому документы, в которых содержались сведения о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева 1773—1775 гг. (в архиве отложилась часть делопроизводства Оренбургской и Казанской следственных комиссий), о расправе над А. Н. Радищевым, Н. И. Новиковым и другими представителями передовой общественной мысли, хранились в глубокой тайне.

Материалы в архив предписывалось сдавать в упорядоченном состоянии, в сопровождении реестров и описей. Однако упраздненным и упраздняемым учреждениям было трудно выполнить эти требования: Разбор дел продвигался медленно, и сроки их сдачи отодвигались. Так, московской Штатс-конторе предписывалось к маю 1783 г. закончить «разбор... и решение дел». Фактически материалы Штатс-конторы передавались по 1785 г.

Поступавшие в архив документы оказались в лучшем состоянии, чем в Петербурге. Но были случаи сдачи попорченных материалов. Так, от Юстиц-коллегии поступило 10 сундуков с делами, обгоревшими во время пожара 1773 г.

Материалы в новом здании присутственных мест в Кремле в основном размещались в соответствии с их практической значимостью. В верхних комнатах, более пригодных для хранения дел, находились фонды коллегий: Мануфактур, Юстиц, Экономии, частично Камер-коллегии, Московской полицмейстерской канцелярии, Розыскной экспедиции, Судного приказа и некоторых других. Документы этих учреждений чаще требовались для выдачи справок.

Много ценных фондов, представляющих научный интерес, из-за нехватки помещений были сложены в подвалах. Это материалы Ревизион-коллегии, часть дел Камер-коллегии, Соляной конторы, Берг-конторы и др. Условия хранения здесь были такие, «что не только самые дела, но даже и шкафы, куда они положены, тлеют от сырости». Неоднократные просьбы о перемещении документов

Изменения в области архивного дела. В XVIII в. произошли значительные изменения в архивном деле. Столбцы не отвечали нуждам возрастающей справочной работы. Под влиянием развития книгопечатания и в целях улучшения сохранности документов в делопроизводство стало внедряться ведение дел на листах книг и тетрадей. Немаловажную роль в этом сыграла заинтересованность правительства в экономии писчего материала. В указе об отмене столбцового делопроизводства говорилось, что раньше «писали в столбцы на одной странице и в том исходило бумаги много... А как учнут писать в лист, и на обеих сторонах тетради, расходу бумаге будет меньше». В 1700—1726 гг. столбцовое делопроизводство было отменено, что оказало сильное влияние на архивное дело.

В ряде указов и инструкций давались указания о необходимости правильного ухода за документами различных видов и форм. Так, в инструкции 1720 г. предписывалось в архиве Вотчинной коллегии материалы в столбцах перебрать и переклеить, документы бережно хранить, составлять на них реестры, описи и т.д.

В инструкции 1720 г., данной архивариусу КИД А. Почайнову, регламентировалась разработка, упорядочение и описание дипломатических источников. Она требовала материалы, отправленные из КИД к русским дипломатам при зарубежных дворах, разбирать «по годам, по месяцам и по числам», а затем «переплести в книги погодно порознь». Далее говорилось о документах, которые поступили в коллегию от иностранных правительств: «грамоты ж чужестранных государей отобрать в пакеты особо и учинить надписи, а со оных переводы приложить к делам тех дворов... и всему тому сделать записную книгу с регистром по номерам по алфавиту». Дифференцированно требовалось разбирать и описывать «корреспонденцию... на иностранных языках», «разных персон письма», «Приказного стола дела» и «Гетманского повытья дела», т.е. материалы дипломатического характера, относящиеся к Украине. Инструкция предписывала бережно относиться к документам, заботиться об их сохранности. Столбцы предписывалось расклеить, а полученные листы («составы») переплести в книги (в 40-е годы XVIII в. сотрудники Московского архива КИД сочли это нецелесообразным и столбцы не расклеивали). Выделенные в помощь канцеляристы должны были разбирать простую документацию, а секретные дела «разбирать ему архивариусу самому». Это делалось для того, чтобы избежать утечки секретной информации. Инструкция предписывала: «Которые подьячие к делам архива определены будут, оных к другим делам не иметь, а быть им при том деле безотлучным»¹⁶. Однако в подавляющем большинстве архивов прикомандирование сотрудников носило временный характер или же они исполняли определенную работу в учреждении-фондообразователе.

Наряду с этим проводились мероприятия, направленные на сохранение подлинных ценных документов. Так, указом Сената

1726 г. предписывалось снимать копии со столбцов Поместного приказа. Но копирование дел не было осуществлено. Позже такая работа была проведена в Московском архиве КИД, где в 1766—1767 гг. сняли копии со значительной части сохранившихся документов Царского архива. Однако меры к обеспечению сохранности источников принимались явно недостаточные. Так, профессор Московского университета Х. Ф. Матей во второй половине XVIII в. присвоил из московских хранилищ более 50 древних рукописей и продал их за границей.

Случаев сознательного уничтожения документов в XVIII в. было мало. Указы Сената 30 марта и 30 июля 1745 г. предписывали уничтожать «учиненные принцу Иоанну присяги», грамоты, указы, патенты и другие материалы (так называемые дела с известным титулом), относящиеся к кратковременному правлению Ивана Антоновича (1740—1741). Правительство Елизаветы Петровны стремилось уничтожить документы, напоминающие о том, что императрица вступила на трон в результате дворцового переворота. В период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Екатерина II дала указание уничтожать материалы, исходящие из лагеря восставших (манифесты, указы и др.), «посредством палача». Это говорит о ярко выраженном классовом подходе в вопросе уничтожения дел. Однако в широком плане вопрос об оценке документов с целью их хранения или уничтожения еще не ставился. Письменные материалы являлись «казенной собственностью», и за их гибель руководители учреждений могли нести ответственность. Поэтому сознательно материалы не уничтожались, но зато в большом количестве погибали от плохих условий хранения.

По Генеральному регламенту должность архивариуса как руководителя архива была единственной. Он выполнял текущую работу. Если в архиве начиналась работа по упорядочению дел, составлению описей, алфавитов и других справочников, то сюда прикомандировывались на время канцеляристы и копиисты, в основном из учреждений-фондообразователей. Однако в наиболее важных для правительства архивах положение со штатами было значительно лучше. Уже в 1720 г. для упорядочения материалов Петербургского архива коллегии иностранных дел в помощь архивариусу выделялось семь канцелярских служителей. Позднее увеличиваются штаты и в некоторых других архивах. Так, в конце XVIII в. в Московском архиве КИД было около 80 сотрудников.

Оклады архивистов зависели от степени важности хранившихся документов. В привилегированных архивах (например, дипломатических) они были выше, что объясняется спецификой этого ведомства: «Такая прибавка им против других необходимою же признается, потому... таким канцелярским служителям надлежит быть скромным и в делах обученным, ... потребно им честное и довольное пропитание, ... дабы от скудости не впали они в какое погрешение». Но в целом жалованье у архивистов было

небольшим. К тому же младшие служители не получали его порой на протяжении нескольких лет.

На служащих архива лежали обязанности «надзирать и охранять» документы и осуществлять справочную работу. Для учета велись журнальные ежедневные записи, за более длительные промежутки времени составлялись отчеты. Старшим служащим предписывалось следить за младшими, чтобы они не «скучали за описью».

Качественный уровень архивных справочников был низок. При переклеивании столбцов сставы часто смешивались, заголовки в ряде случаев не отвечали содержанию дел, нередко книги вписывались в опись без заголовка, а лишь с обозначением номера и года. Продолжительность рабочего дня архивистов по Генеральному регламенту составляла шесть часов. Но уже в середине XVIII в. сотрудникам архивов приходилось работать по 14 и даже 16 часов. Если же справка или копии документов были нужны какому-либо сановнику, то администрация действовала по принципу «принудить подьячих», т.е. не выпускать сотрудников из архива, пока работа не будет завершена. К концу XVIII в. продолжительность рабочего дня сократилась до восьми часов. Это объясняется тем, что в большинстве архивов были очень тяжелые условия.

Средства на нужды архивов отпускались явно недостаточные. Положение с оборудованием оставляло желать лучшего. К концу XVIII в. архивы были снабжены шкафами и полками, но, как правило, в недостаточном количестве. Поэтому документы складывали в ящики и другие вместилища или просто сваливали на пол.

Законодательство об архивах. В XVIII в. Сенат выпустил ряд указов, направленных на улучшение архивного дела. Сенатский указ 1726 г. требовал содержать дела «в сохранном месте», а архивные помещения осмотреть, «и на которых кровли худы, те починить немедленно, дабы от течи... столбцам не учинилось повреждения, ... старые столбцы оклеить и высушить». Указ Сената 1736 г. предписывал строить для архивов каменные здания с железными затворами и решетками на окнах, «от деревянного строения не в близости». Предписывалось также дела из учреждений не выносить и архивы держать за печатями. Но в 1737 г. от пожара сгорела большая часть московских учреждений и их архивов. В это время хищения документов приобрели значительные размеры. Поэтому вскоре после пожара вышло распоряжение запечатать все имевшиеся в московских учреждениях дела, «дабы никто не мог чего покрасть ... а потом... разобрать по годам и, учиня обстоятельные описи ... прислать в Кабинет е.и.в.»¹⁷.

В 1763 г. Сенат, обнаружив большие недочеты в работе архива Вотчинной коллегии, вновь категорически запретил выносить дела из архива, а сам архив «содержать за печатями». Но и этот указ не был выполнен. В 1768 г. в Петербурге на Петровском острове были найдены документы архива Вотчинной конторы, валявшиеся

в снегу. Следствием этого явился указ Сената, который требовал от руководителей учреждений ежегодно проверять состояние подведомственных архивов, а в архивариусы принимать только лиц «трезвого житья и неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не примеченных». Фактически же работа в архивах не считалась престижной и их сотрудниками являлись, как правило, бесперспективные чиновники. Сенатский указ 1781 г. предписывал учреждениям передавать в архив дела в упорядоченном состоянии и в сопровождении реестров. Знакомство с законодательными материалами позволило позднее Д. Я. Самоквасову назвать это время «золотым веком» для архивов. Однако указы не были воплощены в жизнь, хотя за их неисполнение законодательство грозило штрафами и наказаниями. К тому же на протяжении XVIII в. резко изменилось отношение к архивным материалам со стороны носителей верховной власти и их окружения. Например, в указах Петра I встречалась такая формулировка: «Положить в архив к вечному известию», что свидетельствовало о понимании важного значения архивных документов как исторических источников. В указах же второй половины XVIII в. содержалось диаметрально противоположное указание: «Отдать в архив к вечному забвению»¹⁸.

Организация хранения документов. В XVIII в. выявились два подхода к организации хранения документов. В «текущих» архивах действующих учреждений в основном сохранялся прежний порядок классификации архивных дел, выработанный еще в канцеляриях. Это наблюдалось и в центральных, и в местных архивах. Например, в указе о разборе земского архива г. Митава (1797) говорилось следующее: «Дабы разобрать тот архив, отделили они каждому Присутственному месту принадлежащие дела»¹⁹. Внутри документальных массивов источники разделялись по тематическому, хронологическому и другим принципам. Это делалось, главным образом, для лучшего использования материалов. Таким образом, в «текущих» архивах продолжал доминировать принцип происхождения — «провениенции». Исключения из этого правила вызывались плохими условиями хранения, частыми перемещениями архивных фондов и т. д.

В исторических архивах начинает проявляться иной подход, который в своей основе можно назвать библиографическим: каждый отдельный документ рассматривался в качестве самостоятельного объекта и приравнивался в классификационном отношении к книге. Документы стали классифицироваться по предметному признаку, на основе жестких формально-логических схем²⁰. Характерно, что распределение материалов по принципу принадлежности — «пертинентности» — в России происходило в исторических архивах, не особенно больших по объему хранящихся дел. Это можно объяснить тем, что многомиллионные документальные массивы просто невозможно было подвергнуть подобной классификации при ограниченном количестве архивных сотрудников.

Перегруппировка документов по принципу «пертинентности» была проведена в Московском архиве КИД. Еще в середине XVIII в. его управляющий М. К. Собакин разработал план, согласно которому материалы делились на две части: «старый архив», заключавший дела до 1700 г., и «архив новый», в который входили дела за последующий период (документы Посольской канцелярии, КИД и ее Московской конторы). Документы внутриполитического характера хранились отдельно от дипломатических. Последние должны были концентрироваться по государствам. Но должностью реализовать свой план Собакину не удалось.

Решительную реорганизацию хранения документов в этом архиве провел Г.-Ф. Миллер в 70-е годы XVIII в. Он применил формально-логический принцип систематизации материалов по искусственно созданным тематическим коллекциям. Миллер выдвинул план, согласно которому все дела делились на две основные группы: общие государственные и частные государственные, каждая из которых, в свою очередь, была расчленена на несколько частей.

Такая система хранения дел в дальнейшем получила отрицательную оценку. Например, управляющий архивом М. А. Оболенский писал в 1864 г., что проведенная Миллером систематизация дел вносит серьезные трудности в работу архива. Миллер пожертвовал «для произвольной своей системы древним нашим административным разделением дел по приказам, смешал все эти дела и все бумаги их вместе и потом самовластно разделил и раздробил их на особые рубрики, под названием разных небывалых в древнем нашем производстве подразделений дел: исторических, церемониальных, тайных, весьма тайных и множества других и т.п.»²¹.

Проведенная Миллером пересистематизация дел не могла удовлетворить сотрудников архива и КИД, так как розыск документов сильно затягивался. Н. Н. Бантыш-Каменский предложил в 1783 г. новый план устройства архива. Все материалы делились на «старые» и «новые» (разграничительная дата, как и прежде, 1700 г.). Дипломатические источники разделили по государствам, а внутри — по хронологическому принципу. В результате произведенных пересистематизаций материалов в архиве сложилась сложная система организации дел, и были образованы многочисленные тематические коллекции, сформированные по различным признакам: «Сношения России с Англией», «Венская миссия», «Сношения России с Персией», «Татарские дела», «Осетинские дела» и др.

Архивы народов, вошедших в состав России. В начале XVIII в. в состав России вошла почти вся Прибалтика. За дворянством и бюргерством были сохранены до реформ 60-х годов XIX в. старинные привилегии, что нашло отражение в архивных документах. Архивы этого региона имели специфические черты. Например, в них поступало большое количество материалов на немецком

языке, так как делопроизводство в губернских правлениях велось на русском и немецком языках.)

В архивах сословных учреждений местного дворянства, правительственных учреждений, а также в фондах ратуш и магистратов отлагались грамоты с различными привилегиями шведских королей и русских царей за XIII—XVIII вв.; отчетные материалы по имениям («дедукции»); дела о состоянии казенных, частных и городских имений («мыз») и сдаче их в аренду; пожаловании имений, крестьянских повинностях и все усиливающейся эксплуатации крестьян; развитии торговли и ремесел, состоянии финансов и др. Характерно, что большинство документов было выполнено на немецком, латинском и шведских языках.

Комплексы документов складывались при различных учреждениях Левобережной Украины. При гетмане продолжала функционировать Войсковая канцелярия (до 1765 г.); Русское правительство стало осуществлять контроль за состоянием архивного дела и предписывало принимать меры, направленные к спасению документов Войсковой канцелярии. Их следовало хранить в шкафах, ящиках или сундуках, под охраной специальной стражи. Проявлялась также определенная забота об архивных кадрах. Кабинет министров в 1740 г. предписывал для работы в архиве Войсковой канцелярии привлекать «из великороссийских людей, для того, что из малороссийских долго в канцелярских чинах не держатся».

(Продолжал существовать (до 1765 г.) Генеральный войсковой суд, в архиве которого откладывались юридические документы. Большие комплексы материалов создавались в результате деятельности подскарбия, заведовавшего казной («скарбой»), и обозного, в ведении которого находилась артиллерия. Важные источники по управлению Украиной отлагались также в архиве Малороссийской коллегии, которая функционировала в 1722—1727 гг. и 1764—1786 гг.) Назначенный в 1764 г. президентом этой коллегии П. А. Румянцев объединил архивы ликвидированных и функционировавших учреждений Левобережной Украины в один, получивший наименование «Генеральная малороссийская архива». Здесь насчитывалось до 750 000 дел. В 80-е годы этот архив был рассредоточен между Глуховым и Черниговым, причем в Глухове значительная часть источников в 1784 г. погибла от пожара.

Вся территория Левобережной Украины была разделена на десять полков, которые возглавляли полковники. При них функционировали местные органы власти: полковые канцелярии, полковые суды, в результате деятельности которых откладывались многочисленные комплексы документов. В 1781 г. деление на полки упразднилось, и с 1782 г. вводились общероссийские учреждения, в архивы которых поступили материалы ликвидированных полков.

В архиве Запорожской сечи концентрировались важные источники. Однако постоянные войны и набеги врагов нанесли им

сильный урон. До нас дошли в основном материалы за 1734—1775 гг.) В них содержатся сведения о классовом расслоении казачества, антикрепостнических выступлениях казацкой бедноты, связях России и украинского народа, совместных военных действиях русских войск и запорожцев против иностранных захватчиков, контактах Запорожья с Крымом, Польшей и др.

(Общей чертой для архивного дела Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии было то, что в архивы созданных в конце XVIII в. учреждений (губернских правлений, судебных палат и др.) передавалось большое количество актовых книг, в основном XVI—XVIII вв.) Значительная часть этих материалов была переплетена, но многие представляли собой связки документов. Актовые книги подразделялись на ряд разновидностей. Декретовые акты содержали в себе судебные декреты (очевидные, когда приговор выносился в присутствии истца и ответчика; заочные, если приговор выносился в отсутствие кого-либо из них, и др.). Крепостные акты заключали в себе различные записи (обменные, продажные, арендные, дарственные, ограничения имений и др.), представляющие большую ценность для изучения социально-экономической истории края. В них фиксировались также инструкции депутатам сеймов, решения и постановления местных сеймиков, тексты королевских грамот и рескриптов и т.д. Кроме того, имелись акты жалоб, в которые заносились прошения, протесты и др. В этих источниках показано бесправное положение крестьян, произвол шляхты, взаимоотношения горожан и шляхты и т.д.

(В начале XIX в. в этих регионах была организована сеть архивных учреждений, аналогичная общероссийской.)

Использование архивных документов. Работа по выполнению запросов правительственных учреждений и частных лиц считалась основной в деятельности архивов. (Справки по запросам вышестоящих учреждений, которым подчинялись архивы, выполнялись в первую очередь) причем прилагался максимум усилий, чтобы отыскать необходимые материалы. Тем не менее низкий уровень учетно-справочного аппарата, хаотическое состояние большинства документов приводили к тому, что архивы часто не могли выдать справки, копии с документов или сами материалы, несмотря на их наличие. Ответы на запросы частных лиц ярко показывают классовый характер использования. Сюда обращались помещики, чиновники, офицеры, реже купцы. В основном выполнялись запросы о помещичьем землевладении и службе предков.

(Большую работу проводили дипломатические архивы. Их документы играли важную роль для разграничения русских земель с соседними странами.) Так, в 1744 г. для генерала Н. Репнина, которому поручалась работа по «разграничению земель» со Швецией, были сняты копии с документов. В 1800 г. в КИД отправили копии с материалов о взаимоотношениях России с Арменией

и Персией в XVIII в. С документами иногда знакомились сами дипломаты. Например, назначенный послом в Берлин С. П. Румянцев в 1785 г. изучал архивные материалы о взаимоотношениях с Пруссией.

Архивы вели работу по запросам дворянских фамилий. Объем ее возрос после того, как была дана жалованная грамота дворянству (1785) и издан указ о составлении гербовника (1798). Более 300 справок было выдано в конце XVIII в. дворянам о службе их предков из Московского архива КИД. Семья Пушкиных на свой запрос получила такой ответ: «Во дни благоверного великого князя Александра Невского приехал из немец муж честен именем Радша». Аналогичную работу проводили Разрядный архив и другие архивные учреждения. Если справка была нужна сановнику, то требовалось ее обязательное выполнение. Например, когда в 1746 г. Елизавета Петровна решила пожаловать Шуваловым графское достоинство, то потребовалась их родословная. Однако в Разрядном архиве имелись материалы о службе некоторых этого рода, но самой родословной архивисты найти не могли. Вследствие этого последовало указание: пока «все сыскано в архиве не будет, то канцелярских служителей держать под караулом без выпуска».

Масштабы справочной работы зависели от исторических условий. Она возрастала в период проведения генерального межевания, составления родословных и т.д. После подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. резко увеличилось количество дворян, обращавшихся в архивы за подтверждением своих прав на землю и крестьян. Это понятно. В ходе восстания многие документы были уничтожены или утеряны. Поэтому только за 1775—1781 гг. из архива Вотчинной коллегии выдали свыше десяти тысяч справок «по поместным делам». Много различных справок о дворянском землевладении выдавал Межевой архив. Архивисты подготавливали многочисленные копии, справки и выписки из документов. Бюрократическая система породила исключительное многословие. Например, из Поместно-Вотчинного архива поступали на запросы помещиков пространные ответы, причем они сопровождались обильным цитированием документов, часто не имевших прямого отношения к делу. Чиновникам запрещалось брать дела на дом, а также допускать посторонних лиц и давать им документы. Но во многих архивах это правило нарушалось. Например, в Разрядном архиве просителям часто давали материалы, и они сами отыскивали в них нужные сведения.

С первой четверти XVIII в. стала проводиться работа по собиранию исторических документов. Сосредоточение рукописей в центре преследовало разнородные цели. Согласно указу 1720 г. губернаторы должны были отправлять в Сенат «куриозные и оригинальные» исторические документы. Указ 1721 г. предписывал присылать в Синод и на Печатный двор старинные рукописи и книги, на которые опирались раскольники, и вообще сочинения

«сумнительные и подозрительные». По указу 1722 г. епархии и монастыри должны были присылать старинные письменные памятники в Синод, где с них следовало снять копии, а подлинники возвратить.

Собирали письменные памятники также современники Петра I. Богатые собрания древних книг и рукописей были у П. М. Еропкина, А. Ф. Хрущева, Я. В. Брюса, А. А. Матвеева, Д. М. Голицына и других. В. Н. Татищев, который должен был составить сочинение по географии России, собирал и описывал документы по архивам, монастырям и у частных лиц. Он являлся обладателем крупнейшей коллекции письменных источников.

Результативны были поиски Г. Ф. Миллера. В ходе Второй камчатской экспедиции в 1733—1743 гг. он обследовал архивы ряда городов Сибири (Тобольска, Красноярска, Иркутска, Якутска, Томска, Сургуты и др.). Знакомство с документами архивов начиналось с изучения реестров, на основании которых привлекались нужные дела. Однако описи имелись далеко не всюду и плохо отражали содержание материалов. Поэтому позднее члены экспедиции стали обращаться прямо к архивным источникам, снимая с помощью местных подьячих копии с документов. Впоследствии они поступили вместе с коллекцией Миллера в Московский архив КИД.

Основной недостаток собирательской деятельности — ее частнособственнический характер. Не было органа, координировавшего эту работу. Не проявлялась забота о судьбе ценных коллекций. Например, библиотека Татищева сгорела в его имени. Погибли многие другие частные собрания книг и документов.

Работа по собиранию источников проводилась Н. И. Новиковым и И. И. Голиковым в 70—90-е годы, Академией наук и Московской синодальной типографией в 80—90-е годы XVIII в.

В 80-е годы была предпринята попытка опубликовать материалы церковной и монастырской. По указанию верховной власти в Синод из библиотеки Московской синодальной типографии, Троице-Сергиевской лавры и других монастырей было прислано большое количество летописей и других древних источников. Однако к их изданию так и не приступили, и в конце XVIII в. по распоряжению Павла I около 150 древних рукописей отправили в Москву для последующей раздачи монастырям. Летописи положили в сани и отдали под ответственность ямщика. До Москвы он добирался около 40 дней, в весеннюю распутицу и дожди. В результате часть рукописей сгнила, часть повреждена, а некоторые из них были утеряны. Таким образом, плохо организованное собирание документов приводило к невосполнимым потерям.

Материалы по отечественной истории приобретались также за рубежом. Петр I во время заграничных путешествий знакомился с такими документами, причем ряд источников удалось купить и доставить в Россию, а с некоторых были сняты копии (например, со списка Несторовой летописи в Кенигсберге).

Во время Французской буржуазной революции конца XVIII в. канцлер Российской империи А. Р. Воронцов через русского дипломата А. И. Машкова приобрел некоторые источники из французских архивов о взаимоотношении России и Франции в XVIII в. В основном это были копии с депеш французских дипломатов. Впоследствии данные материалы частично были опубликованы в сборнике документов «Архив князей Воронцовых» (М., 1879. Т. 13. С. 481) и других изданиях²².

Собирание исторических источников не являлось самоцелью. Делалось это для создания источниковой базы в целях разработки отечественной истории. В это же время учеными стали привлекаться материалы столичных и местных архивов. Разрешение на работу с документами давалось, как правило, носителями верховной власти или крупнейшими сановниками, причем предписывалось использовать источники, «приличные к сочинению истории». Значительно шире, чем материалы других хранилищ, использовались дела Московского архива КИД. Здесь отлагались важные источники и был составлен к ним неплохой учетно-справочный аппарат.

Материалы Посольского приказа привлекал в своей работе один из образованнейших людей своего времени типографский «справщик» Ф. Поликарпов, которому в 1708 г. было поручено составить труд по отечественной истории. Однако его работа не удовлетворила Петра I.

Более удачным было исследование русского дипломата А. И. Манкиева «Ядро Российской истории», для разработки которого автор привлек летописи, хронографы и актовый материал. Однако книга Манкиева вышла в свет в 1770 г., причем ее издатель Г.-Ф. Миллер ошибочно приписал авторство кн. А. Я. Хилкову.

Петр I поручил статс-секретарю кабинета е.и.в. А. В. Макарову написать по документам архива кабинета «Историю Свейской войны». Последний составил четыре варианта, но они не удовлетворили Петра I. Он тщательно редактировал их, а последний переделал почти заново.

Широкий круг источников привлек видный историк В. Н. Татищев при написании «Истории Российской с самых древнейших времен». Ученый работал в архивах Москвы, Астрахани, Казани и других городов. Он первый из отечественных исследователей стал привлекать дипломатические материалы. Татищев использовал некоторые документы, не дошедшие до нас, что повышает ценность его исследования.

Продуктивно работал над архивными источниками М. В. Ломоносов. Это позволило ему в «Замечаниях на диссертацию Миллера» и «Древней Российской истории» доказать самостоятельное историческое развитие русского народа, чем был нанесен удар по «норманской» теории. Ломоносов являлся автором многочисленных помет на Псковской летописи и других материалах. Это установили в наше время криминалисты.

В 1757 г. Ломоносов составил «Записку о первом стрелцком бунте», в которой освещены волнения стрельцов в 1682 г. Записка основана на немногочисленных, но достоверных источниках и была использована Вольтером при написании «Истории Петра Великого».

Широкое привлечение архивных материалов способствовало тому, что Ломоносов приблизился к постановке вопроса о необходимости создания истории народов, а не носителей верховной власти. Благодаря этому великий ученый далеко опередил русских и зарубежных историков XVIII в.

Использованию архивных материалов сильно препятствовало то, что ученые даже не знали состав и содержание документов архивов. Свидетельством этого является письмо М. М. Щербатова к сотруднику Московского архива КИД Г.-Ф. Миллеру: «Я знаю, конечно, что вы мне не можете сообщить ничего без специального разрешения, которое я надеюсь получить, когда оно мне понадобится. Пока я прошу вас об одной услуге, в чем, я думаю, нет ничего секретного: именно сообщить мне, с какого года начинаются наши архивы, чтобы мне не просить о том, чего не существует»²³. Действительно М. М. Щербатов в 1770 г. получил допуск к материалам Московского архива КИД. При работе над «Российской историей» он пользовался значительными привилегиями: ему доставлялись копии с нужных источников и даже подлинные документы (например, статейные списки), которые «в рассуждении их пространства и обширности признавались» неудобными для снятия копий и посылались ученому под расписку. Щербатов впервые широко привлек актовый материал (духовные и договорные грамоты князей и др.) из Московского архива КИД, а также архива Кабинета Петра I.

Проф. А. А. Барсов делал в Московском архиве КИД выписки из летописей для Екатерины II. После его смерти эту работу продолжил проф. Х. А. Чеботарев. Ряд источников привлек Г.-Ф. Миллер при разработке истории России, истории Сибири и др. Он использовал также материалы некоторых других хранилищ. Именные и сенатские указы, отчетные статистические ведомости и другие источники (в основном архива Коммерц-коллегии) изучил М. Д. Чулков при подготовке семитомного труда «Историческое описание российской коммерции». Материалы архивов Военной коллегии и Сената изучал генерал-майор Русинов, когда он по заданию П. А. Зубова писал работу «Известие о начале, учреждении и состоянии регулярского войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были». В самом конце XVIII в. в Разрядно-Сенатском архиве и Московском государственном архиве старых дел работал отставной секретарь Сената Берг по составлению «Истории российских законов».

Таким образом, работы в основном велись по темам, в которых правительством было заинтересовано. К тому же допуск в архивы

исследователям был строго ограничен и дифференцирован. Не могло быть и речи о широком научном использовании документальных богатств. Тем не менее материалы привлекались для разработки исторических трудов, причем число ученых постепенно возрастало.

Положительное значение имела публикация архивных документов. Она способствовала расширению источниковой базы и развитию исторической науки. Источники стали публиковаться в начале XVIII в. в политических целях. В 1713 г. в целях прославления русского оружия издается «Книга Марсова», своеобразный сборник военных документов. В 1718 г. на русском, французском, немецком и голландском языках была опубликована грамота императора Римской империи Максимилиана I к Василию III от 4 августа 1514 г., в которой Московский великий князь именуется таким же титулом, как и Максимилиан, т.е. цезарем (императором). Она была разослана многим иностранным дворам. В последующем издавались другие аналогичные грамоты, свидетельствующие о высоком престиже московских великих князей и царей. Это способствовало повышению авторитета России на международной арене и сыграло определенную роль для подготовки общественного мнения к тому, что Россия будет провозглашена империей.

Хуже обстояло дело с публикацией источников в научных целях. В 1734 г. с такой инициативой выступила Академия наук, которая пыталась воплотить в жизнь замысел Петра I об опубликовании некоторых летописей. Однако негативное отношение духовенства помешало этому. Синод подчеркивал, что из-за публикации летописных сводов не только «бумагу и прочий кошт терять будут напрасно», но и «в народе может произойти не без соблазна».

Начиная с 60-х годов XVIII в. Академия наук стала публиковать архивные источники, в том числе Кенигсбергскую и Никоновскую летописи, «Русскую Правду», «Судебник» Ивана IV и другие материалы.

Ряд источников (духовные и меновные грамоты, дипломатические материалы, «Журнал или поденная записка государя императора Петра I», «Записные тетради письмам и делам Петра Великого, 1704—1706 гг.» и др.) подготовил к печати М. М. Щербатов, являвшийся в 1768—1777 гг. управляющим архивом Кабинета Петра I.

В октябре 1773 г. специальным рескриптом сотрудникам Московского архива КИД «повелено доставлять поручнику Николаю Иванову сыну Новикову для издания в печать старинных посольств, разных обрядов и других достопамятных и любопытных вещей». Н. И. Новиков публиковал в «Древней Российской Вивлиофике» духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, грамоты Ивана IV к иностранным дворам, постановление об отмене местничества, наказы воеводам и др. В розыске архивных документов ему большую помощь оказали Н. Н. Бантыш-

Каменский, А. Ф. Малиновский, Г.-Ф. Миллер и другие архивисты. Н. И. Новиков привлек также источники архива Кабинета Петра I и Разрядно-Сенатского архива. Кроме того, им была издана одна из описей на материалы Московского архива КИД, составленная Н. Н. Бантыш-Каменским.

Значительную помощь при выявлении оказывали архивисты И. И. Голикову, разработавшему 12-томный труд «Деяния Петра Великого» и 18 томов дополнений к ним. Особый интерес представляют тома 10—12, в которых опубликовано около трех тысяч документов (грамот Петра, его писем, наставлений, записок и др.). Голиков использовал материалы КИД, Разрядного приказа, местных архивов.

Московский архив КИД и сам предпринял попытку публиковать свои документы. Еще в 60-е годы инициатором издания внешнеполитических источников выступил Миллер. Он полагал, что опубликованные материалы явятся хорошим пособием для молодых дипломатов. В донесении Екатерине II Миллер писал: «Сей труд принят мной наипаче для начинающих упражняться в политических делах». Миллеру поручалось «учинить собрание всех российских древних и новых публичных трактатов, конвенций и прочих подобных тому актов». Именным указом от 14 января 1783 г. предписывалось завести в архиве особую типографию для печатания «собрания... трактатов между Россией и другими державами и иных публичных актов». Но типография основана не была. Дворянская историография связывала это со смертью Миллера (11 октября 1783 г.): «За ... кончиною его все дело, как об издании трактатов, так и о заведении при архиве типографии, остановилось». Но дело, безусловно, заключалось не в одном Миллере, а в отсутствии подготовленных кадров.

Велика роль видных архивистов Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского в подготовке и изданию в 1800 г. «Слова о полку Игореве». Они помогли известному собирателю древних рукописей А. И. Мусин-Пушкину провести «разбор и переложение оные песни на нынешний язык»²⁴.

* *
*

Итак, в XVIII в. произошли существенные изменения в архивном деле. Архивы отделились от канцелярий, возникли новые архивы при высших, центральных и местных учреждениях. Произошла частичная концентрация материалов, имеющих особое значение для самодержавия (по истории классовой борьбы, внешним сношениям, экономике и т.д.). Предпринимались попытки произвести концентрацию документов на местах.

Большим шагом вперед явилось создание исторических архивов, хранивших важную документацию. Материалы этих архивов значительно шире, чем других архивных учреждений, привлека-

лись исследователями и публиковались в научных целях, что обогатило источниковую базу исторической науки.

Прогресс в области архивного дела в значительной степени был обусловлен развитием отечественной культуры и исторической науки.

Глава 4

АРХИВЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

В первой половине XIX в. Россия представляла собой «крепостническо-бюрократическое государство»¹. Однако сила экономического развития втягивала страну «на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»². Это вызвало кризис феодально-крепостнической формации, который отразился на дворянско-бюрократическом государстве. В начале XIX в. произошли существенные преобразования в сети высших и центральных учреждений, что привело к усложнению государственного аппарата. Это вызвало появление в стране ведомств, каждое из которых представляло разветвленную систему центральных и местных учреждений, находившихся в одном подчинении и близких по своему назначению³. Такая реорганизация привела к существенным изменениям в области архивного дела. Повысилась административная и практическая роль архивных документов, возросло их значение как исторических источников, что было обусловлено развитием исторической науки и общей культуры. Была создана обширная сеть архивов при высших, центральных и местных учреждениях.

Архивы высших учреждений. Ценные источники хранились в архивах высших органов власти. Комитет министров (1802—1906) был создан для согласования деятельности ведомств и рассмотрения вопросов, которые министры не могли решить своей властью. В Комитете, минуя Государственный совет, рассматривались некоторые законопроекты. Его председатель одновременно возглавлял Государственный совет (до 1865 г.). В архив Комитета министров поступали материалы по надзору за государственным аппаратом, о борьбе с общественно-политическим движением, выступлениями крестьян, студенческими волнениями, о запрещении некоторых книг и др. Журналы заседаний Комитета, отчеты министров, губернаторов и градоначальников, представления ведомств и другие источники содержат информацию о развитии промышленности, положении сельского хозяйства, крестьян, денежном обращении, неурожаях и их последствиях, а также некоторые материалы о войне 1812 г., Крымской войне

1853—1856 гг. и др. Кроме того, в архиве Комитета министров концентрировались документы ряда комитетов (по Сибири, Кавказу и др.), в которых освещались положение и быт присоединенных народов, развитие торговли, строительство железных дорог, заводов и фабрик, налоговая политика царизма.

Высший законодательный орган России — Государственный совет (1810—1917) — рассматривал проекты законов, сметы и штаты ведомств и учреждений, решал административные и судебные дела, превышающие компетенцию других органов власти и управления. Первым председателем Государственного совета являлся известный коллекционер и меценат канцлер Н. П. Румянцев. В архиве этого органа власти отлагались важные источники: законопроекты, именные указы, мемории и мнения общего собрания Государственного совета и его структурных частей, журналы и протоколы заседаний, проекты уставов и правил, отчеты, доклады, сметы, проекты и записки о преобразовании ведомств и учреждений. Здесь концентрировались также фонды различных учреждений: Комитета охранения общей безопасности (1807—1829), Главного комитета по крестьянскому делу (1857—1861), Главного комитета об устройстве сельского состояния (1861—1882) и ряда других. Их материалы содержат сведения о недоимках по губерниям, крестьянских волнениях, подготовительных мероприятиях по проведению реформы 1861 г. и др. Собственная его императорского величества канцелярия (конец XVIII в. — 1917 г.) приобрела характер высшего общегосударственного учреждения во время Отечественной войны 1812 г. Возглавлял ее в 1812—1825 гг. А. А. Аракчеев. В архиве Собственной е.и.в. канцелярии отлагались письма и донесения русских военачальников, журналы Главной квартиры о военных действиях (2 сентября 1812 г. — 29 сентября 1813 г.), материалы о формировании ополчения и комплектовании армий, размещении военнопленных и др. Затем в архив стали поступать проекты указов, мемории и мнения Государственного совета, отчеты сенаторов о производимых ревизиях, доклады и письма министров, послов, губернаторов.

Во второй четверти XIX в. наблюдалось углубление кризиса феодально-крепостнического строя. Это вызвало усиление бюрократического централизма. В январе 1826 г. были созданы I и II отделения Собственной е.и.в. канцелярии. В архиве I отделения, которое унаследовало функции от канцелярии предшествующего периода, наряду с названными документами хранились ведомости о ценах на продукты, проекты и мнения государственных деятелей, фонды сановников и другие материалы.

Архив II отделения (1826—1882), которое занималось кодификацией законов, хранил документы по истории законодательства за период с середины XVII в. Здесь концентрировались законодательные акты, выявленные в архивах и правительственных учреждениях, переписка с высшими и центральными учреждениями по

составлению и изданию Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, сводов военных и морских законов.

Наиболее разветвленным было III отделение (1826—1880), состоявшее из пяти экспедиций. Здесь сложились общий и два секретных архива, причем в последних отлагались наиболее важные в политическом отношении дела. Сюда поступали документы об организации политического сыска, материалы по наблюдению за революционными организациями, отдельными революционерами, общественными деятелями, поэтами, писателями, литературными критиками; дела некоторых политических тюрем (Шлиссельбургской крепости, Алексеевского рavelина Петропавловской крепости и др.); сведения о результатах наблюдения за иностранцами, проживающими в России; источники о тяжелом положении крестьян и борьбе с крестьянским движением; дела цензурного характера. Большой интерес представляют ежегодные «отчеты о действиях» III отделения и его исполнительного органа — корпуса жандармов, которые часто сопровождали «нравственно-политическими» обозрениями. В этих материалах содержатся сведения о нарастании освободительного движения среди крестьян, о настроении в различных общественных группах, деятельности революционных и прогрессивных организаций.

По своему происхождению дела III отделения можно разделить на две группы: документы, составленные революционными организациями (воззвания, прокламации, письма, дневники, рукописи произведений и т.д.), и материалы враждебного лагеря (сводки, обзоры, донесения сыщиков и провокаторов, протоколы дознаний и т.д.). К этим материалам необходим строго критический подход, поскольку фальсификация и подлог были частым явлением в практике III отделения.

В архиве IV отделения (1828—1917), переименованного в 1880 г. в Собственную е.и.в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии, хранились дела по управлению воспитательными домами и другими благотворительными заведениями. Делопроектирование V отделения (1836—1866) состояло из материалов по управлению казенными крестьянами Петербургской губернии. Архив VI отделения, наиболее кратковременного (1842—1845), хранил дела, относящиеся к политике правительства в Закавказье.

Создание новых высших органов привело к уменьшению значимости Сената, компетенция которого в самом начале XIX в. ограничивалась функциями высшей судебной инстанции и надзора за законностью. Это отразилось на составе и содержании его архивных документов. Кроме того, падение роли Сената привело к тому, что у архивов не стало высшего органа, который бы заботился о них и осуществлял контроль и проверку их деятельности. Изредка проводившиеся в губерниях сенаторские ревизии практически не оказывали воздействия на состояние архивов, а являлись, по выражению Д. Я. Самоквасова, «малопольными прогулочными командировками»⁴.

Важные документы отлагались в результате деятельности комитетов, которые создавались для оперативного решения вопросов по борьбе с революционным движением, разрешения дел законодательного и административного характера. В архиве следственного Комитета (Комиссии) и Верховного уголовного суда, созданных по делу декабристов, были сконцентрированы дела Северного и Южного тайных обществ, Общества соединенных славян, польских революционных организаций и др. Особое внимание следствие проявляло к документам П. И. Пестеля и масонским материалам, значительное количество которых хранилось в архиве.

Представляют интерес дела Особого секретного комитета 6 декабря 1826 г., который возглавлял председатель Государственного совета В. П. Кочубей. Этот комитет был создан для рассмотрения бумаг, оставшихся в кабинете умершего Александра Т. Фактически комитет должен был провести более четкое распределение функций между высшими органами и улучшить координацию деятельности центральных и местных учреждений. Журналы заседаний комитета, доклады, проекты, записки М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, Д. А. Гурьева и других сановников освещают широкий круг обсуждаемых вопросов (освобождение крестьян, улучшение их положения, развитие торговли и промышленности, преобразование ряда высших и местных учреждений, комплектование армии и флота и т.д.) и ничемность принимаемых решений. Характерно, что в фонде Комитета отложились извлечения из показаний Г. С. Батенкова, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского и других декабристов о внутреннем состоянии России. Эти материалы, конечно, давали пищу для обсуждения наблевших вопросов. Но никаких значительных мер Комитету реализовать не удалось. В 1832 г. он был ликвидирован, а его фонд передали в архив Государственного совета.

Вопрос о положении крестьян обсуждался также рядом специальных «крестьянских комитетов» (1828, 1835, 1839, 1842, 1846 гг. и др.). Из их документации видно, что на заседаниях рассматривались в основном вопросы частного характера, направленные к устранению крайностей крепостничества. Лишь в январе 1857 г. был учрежден Секретный комитет по крестьянскому делу для разработки проекта закона об отмене крепостного права, переименованный затем в Главный комитет по крестьянскому делу. Он функционировал до февраля 1861 г., а затем его фонд передали в архив Государственного совета. Журналы заседаний, доклады, проекты, записки, донесения о крестьянских волнениях и другие материалы говорят о том, что освобождение крестьян — это «жалкий компромисс интересов либералов... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам»⁵.

Архивы центральных и местных учреждений. В 1802 г. вместо

коллегий стали создаваться министерства, а в 1811 г. был утвержден основной закон об их деятельности («Общее учреждение о министерствах»). Согласно этому закону архивы не имели права самостоятельной переписки с другими учреждениями, их архивами и частными лицами. Была создана более дробная система архивов, так как они учреждались при каждом департаменте⁶. Множественная и дробная сеть архивов в рамках одного ведомства сильно затрудняла обеспечение сохранности и использование архивных документов. Это являлось отрицательной чертой в истории архивного дела. В данных архивах отложилось большое количество материалов — десятки миллионов дел, в которых получила освещение деятельность министерств.

В архиве Министерства внутренних дел концентрировались документы по управлению Россией. Они содержали сведения о борьбе с революционным движением, выступлениями крестьян, забастовками рабочих. В материалах архива освещены вопросы организации внутреннего управления государством, охраны государственных границ, организации полицейских сил, деятельности сословных организаций, бесправное положение присоединенных народов и т.д.

В архиве Министерства иностранных дел отлагались документы, освещающие внешнюю политику самодержавия. Они содержат сведения о сношениях с другими странами, борьбе царизма с революционным движением в европейских странах. Материалы также отражают внешнюю политику этих государств.

Документы Министерства народного просвещения освещают деятельность царизма в области народного образования: организацию учебных заведений, деятельность ученых обществ и т.д. Особого внимания заслуживают материалы о революционном движении среди студентов и учащихся, о борьбе присоединенных народов за родной язык и национальную культуру, о запрещении доступа детям рабочих и крестьян в высшую школу.

Архив Синода хранил документы о религиозной деятельности церкви, о церковном образовании.

Материалы Министерства юстиции, хранившиеся в Петербургском сенатском архиве, освещали репрессивную деятельность судебных учреждений против выступлений трудящихся масс, содержали сведения о расправах с участниками революционных кружков и организаций.

Архивы Военного и Морского министерств хранили документы об организации армии и флота, завоевательной политике царизма, борьбе с революционным движением в России и других странах, революционных выступлениях солдат и матросов.

Материалы Министерства финансов характеризовали финансовое состояние царской России, обнищание трудящихся масс, изнемогавших под бременем налогов.

Экономическое состояние страны (положение сельского хозяйства, промышленности и торговли, транспорта) получило освеще-

ние в фондах министерств торговли и промышленности, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения.

Указанные документы являются ценными источниками по истории России XIX—начала XX в.

Характерная черта архивного дела во второй четверти XIX в. — начало концентрации департаментских архивов министерств. Жизнь показала непригодность столь дробной сети архивов в центральных учреждениях, и министерства постепенно начали переходить от департаментских архивов к общим. Под контроль правительства сначала стягивались наиболее важные для государственной власти комплексы дел.

В 1827 г. возник центральный архив Морского министерства, куда поступали «для хранения оконченные дела из всех департаментов, экспедиций и канцелярий Морского министерства». Однако это не относилось «до частей Гидрографической и Ученой, имеющих свои архивы». Таким образом, концентрацию материалов нельзя было считать завершенной. В архив также поступали документы военно-морских команд, расположенных в Петербурге, Петербургского и ряда других портов. Правительство заботилось о материалах этого ведомства. С 1828 г. для разбора и упорядочения дел работала комиссия, которая в 1831 г. была присоединена к штату архива. Здесь определился значительный объем работ. Кроме обязанностей по хранению, инвентаризации и выдаче справок на архив возлагалась работа по подбору материалов и изданию «Собрания законов и постановлений, до морской части относящихся», которое выходило до 1859 г.

Концентрация архивных дел была произведена и в ведомстве государственного контроля. Эти материалы являлись «единственными документами, коими доказывается правильное или неправильное употребление казенных сумм и капиталов». Поэтому к ним необходим был бережный подход. В 1828 г. создали «Общий контрольный архив», для которого выстроили специальное здание. Все дела архива были разделены на три разряда. Первый разряд включал материалы «прежних лет до 1811 г., т.е. до учреждения Государственного контроля как отдельного министерства». Справочное значение таких источников было невелико. Хотя они представляли научный интерес, их предписывалось хранить в сырых казематах Петропавловской крепости, т.е. документы фактически обрекались на гибель. Материалы второго разряда за 1811—1825 гг. распорядились поместить в новом хранилище, а дела третьего разряда (за последующие годы) «хранить для ближайших справок при местах Государственного контроля» в течение трех лет, а затем передавать их в архив.

Позднее, в 1860—1870 гг., и другие ведомства стали создавать единые министерские архивы. Но и в этом вопросе правительство не проявило должной последовательности. Упорно возрождались департаментские архивы. Так, накануне Великой Октябрьской социалистической революции в ряде министерств кроме

общих архивов существовало по нескольку архивов департаментов и отраслевых управлений. В Министерстве внутренних дел имелись архивы департамента полиции, земского отдела, главного управления по делам печати, департамента исповеданий, отдельного корпуса жандармов. В Министерстве финансов насчитывалось 17 архивов департаментов и структурных частей. В военном ведомстве функционировало более 20 архивов структурных частей министерства. Хотя общий архив Главного штаба и его московское отделение принимали на хранение материалы различных управлений, округов, военных учреждений и частей, но называть их едиными архивами Военного министерства было бы неправильно.

Архивы местных учреждений. Сеть и функции местных учреждений в первой половине XIX в. изменились мало. Однако положение их архивов ухудшилось. Если в XVIII в. неоднократно делались попытки провести концентрацию местных источников, сосредоточив документацию одной губернии в нескольких хранилищах, то теперь архив создавался при каждом «присутственном месте». В итоге была образована множественная и дробная сеть архивов, что усугубило тяжелое положение с кадрами архивистов. Плохо обстояло дело с помещениями. Например, в 1823 г. был учрежден Московский губернский архив старых дел, который включил в себя материалы канцелярии московского генерал-губернатора, губернского правления, казенной палаты, дворянской опеки, медицинской конторы, московского цензурного комитета, ряда судебных учреждений и др. В это время для московских учреждений строилось новое здание и имелась возможность выделить для нового архива приспособленное помещение. Однако по инициативе генерал-губернатора Д. В. Голицына, которую поддержал Комитет министров, дела более чем 10-летней давности разместили в Никольской башне Кремля, в башнях Китайской стены: Владимирской, Ильинской, Воскресенской и др. В результате этот архив оказался разбросанным по восьми не приспособленным для хранения документов помещениям. Многие материалы фактически обрекались на гибель. Действительно, когда в конце XIX в. дела из Ильинской башни перемещали в Арсенальную башню Кремля, то на полу обнаружили слой сгнившей бумаги, плесени, мха и грязи высотой более метра.

Еще хуже обстояло дело на местах. Документы часто складывали в заброшенных пустующих помещениях, не пригодных для хранения исторических источников. В Сибири, например, под архивы отводили построенные в 1812 г. для встречи Александра I «триумфальные арки». Все это привело к хаотическому раздроблению архивных фондов и утрате многих документов.

Архивы в Отечественную войну 1812 г. С началом войны правительство не предприняло должных мер для спасения ценных исторических источников. Некоторые комплексы дел были вывезены из Петербурга. Петербургский сенатский архив получил воз-

можность эвакуировать 36 ящиков с документами. Что касается Петербургского государственного архива старых дел, то отсюда вывезли лишь восемь ящиков, причем половину материалов составляли дела Тайной экспедиции Сената. Эвакуация проводилась водным путем. На зиму дела разместили в крестьянском амбаре на берегу Онежского озера. Весной 1813 г. их возвратили в Петербург. Таким образом, эвакуация и реэвакуация петербургских архивов лишь на некоторое время нарушила порядок в хранении бумаг и справочной работе.

Сильно пострадали документы в городах, захваченных французами. Так, в Смоленске архивы были уничтожены почти полностью. Напротив дома губернатора, где находилась квартира Наполеона, захватчики сложили целый холм из архивных дел губернского правления, городского магистрата и православной консистории и подожгли его. Пять дней горели письменные источники, и Наполеон не мог не видеть пожара. Ясно, что это было не просто проявление вандализма солдат, а продуманное, планомерное уничтожение культурных ценностей русского народа.

Из Москвы эвакуировали незначительную часть архивных материалов. Их отправляли в основном во Владимир, Нижний Новгород и Казань. Удалось вывезти важнейшие документы Московского архива КИД. Обоз из 120 подвод выехал 23 августа, т.е. значительно раньше других архивов. Довольно успешная эвакуация объясняется большим политическим значением документов и личной энергией управляющего архивом Н. Н. Бантыш-Каменского.

Эвакуировали часть дел Разрядно-Сенатского архива (журналы и приговоры Сената, «дела не решенные или по решениям исполнением незаконченные»). Для этих материалов было выделено 300 подвод. Документы собственно Разрядного архива остались в Москве, что свидетельствовало о «прагматическом» подходе к архивным источникам: вывозились материалы, имеющие практическое значение для царизма и дворянства, и оставались на произвол судьбы ценные исторические источники.

Московский государственный архив старых дел получил лишь 40 подвод. На них вывезли именные указы, жалованные грамоты, делопроизводство, некоторые секретные документы, т.е. незначительную часть архива объемом в 6 млн. единиц хранения. Его здание закрыли на замок, опечатали и поручили попечению вахмистра.

Для Поместно-Вотчинного архива у московской администрации не нашлось ни одной подвод. 30 августа послали нарочного курьера в Петербург за инструкциями. Это было сделано, конечно, для того, чтобы снять с себя ответственность за невывоз ценных исторических источников.

Совсем иное отношение царской администрации было к документам Межевого архива, имевшим очень важное значение для дворянства. Поэтому уже в середине августа 1812 г. архив полу-

чил «секретное предписание» московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, в котором говорилось «об укладе дел... и о приурочении оных к вывозу по случаю военных обстоятельств». Архиву потребовалось 900 подвод. К этому времени в Межевом архиве насчитывалось около миллиона дел, и все важные дела удалось вывезти. В Москве оставался ряд «малоценных документов».

Очень сильно пострадали оставшиеся в городе документы. Большой урон был нанесен фонду Военной коллегии. В огне сгорели древние дела, особенно времен Петра I, за исключением незначительной части, случайно сохранившейся.

В архивохранилищах часто располагались французские солдаты. Так, в здании Московского архива КИД они хозяйничали более месяца. Документы постигла печальная судьба: «Столпцы, книги, ландкарты и прочие разбросаны, изорваны, потоптаны, частью сожжены и загажены». Многие материалы были похищены захватчиками: например, из библиотеки архива пропало 215 книг. Но все-таки архив пострадал меньше, чем другие московские хранилища. В этом большая заслуга чиновников этого архива, оставшихся в Москве. Пожар не причинил особого вреда зданию. Архивисты несколько раз заливали огонь на чердаках. Спасая исторические документы, они даже не заметили, как сгорел находившийся рядом с архивом флигель, где они жили.

Сильно пострадали материалы Разрядно-Сенатского, Поместно-Вотчинного, Межевого и других архивов, документы из которых были выброшены. Их сжигали на бивуачных кострах или же бросали в кремлевские рвы. Там бумага намокла от дождей, а затем смерзлась. Позднее ряд архивных материалов был похищен и распространялся в качестве оберточного материала на рынках. Многие комплексы дел (например, трехмиллионный фонд Ревизион-коллегии) были уничтожены французами. Но и уцелевшие дела находились в плачевном состоянии. В реестрах, составляемых после изгнания захватчиков, часто встречались пометы: «листы изорваны», «листов не оказалось», «листы ветхи и до половины оторваны» и т.д. К тому же часто не удавалось обнаружить описи и алфавиты, составленные в XVIII—начале XIX в. Это сильно осложняло работу архивистов.

Тем не менее ряд комплексов документов архивов правительственных учреждений удалось спасти. Гораздо хуже обстояло дело с частновладельческими архивами и коллекциями, многие из которых оставались в Москве. В этом большая доля вины Ф. В. Ростопчина, который накануне сдачи Москвы (31 августа) выпустил печатную прокламацию («афишку»). В ней он «уверял честью своей и клялся сединами главнокомандующего армиями... что французские войска не будут в Москве». Поэтому не были вывезены богатейшие коллекции А. И. Мусина-Пушкина, Ф. Г. Баузе, Д. П. Бутурлина и другие, которые погибли от пожара.

Эвакуированные материалы исторических архивов и прави-

тельных учреждений были возвращены в Москву в 1813—1814 гг. Сразу же началась интенсивная работа по разборке и упорядочению дел, проводившаяся сотрудниками Московского архива КИД и закончившаяся в основном в течение года. Большинству других архивов на это понадобилось свыше 20 лет.

Исторические архивы. Московский архив КИД, переименованный в 1832 г. в Московский главный архив МИД, являлся по-прежнему наиболее упорядоченным и доступным. В этом большая заслуга его руководителей Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского, М. А. Оболенского. Сотрудниками архива являлись такие крупные ученые, как К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Наряду с видными архивистами здесь было немало представителей аристократических фамилий, которые просто числились «по службе».

По штатам 1831 г. в архиве насчитывалось около 50 человек, т.е. по сравнению с началом XIX в. их количество сократилось вдвое.

Комплектование архива протекало вяло. В 1830 г. сюда поступили дела главнокомандующего Молдавской армии за начало XIX в., в которых получили освещение дипломатические аспекты войны с Турцией, а также некоторые материалы военно-административного характера по управлению Молдавией (около 1800 единиц хранения). Что касается дел военного характера этого комплекса документов, то они поступили в Архив Военно-топографического депо.

В 1836—1837 гг. в Московский главный архив МИД из петербургского дипломатического архива передали материалы за вторую половину XVIII в., а также за более ранний период. В числе источников бумаги Екатерины II, ее записки «относительно Англии, Франции, Пруссии и Турции» за 1787—1793 гг., переписка с прусским, шведским, польским и датским королями и австрийским императором за конец XVIII в.; дела канцелярии Г. А. Потемкина (о войнах с Турцией конца XVIII в., «делах крымских, закавказских»); письма и переводы писем Лжедмитрия I и Лжедмитрия II Мнишекам.

В архиве проводилась значительная работа по обеспечению сохранности материалов, их упорядочению и описанию. Весьма велик вклад в эту работу Малиновского и Оболенского. Под их руководством составлялись справочники, велась работа по копированию ветхих источников. На сохранность документов отрицательно влияли плохие условия хранения. Здание с течением времени сильно отсырело; в связи с комплектованием не хватало комнат для архивных материалов.

С 40-х годов XIX в. в архиве отсутствовало деление документов на секретные и несекретные. Он стал научным центром среди других архивных учреждений и своеобразным «клубом для историков».

Продолжала пополняться библиотека архива. Богатое поступление было в 1814 г. после смерти Н. Н. Бантыш-Каменского. Среди поступивших материалов источники по истории России и присоединенных народов, большое количество библиографических материалов. Другим крупным поступлением стала коллекция А. Ф. Малиновского, переданная архиву в 1841 г. Она содержала обширную информацию по истории России с 911 по 1706 г. Примерно половину материалов составляли ценные источники для историко-археологического описания Москвы и ее окрестностей.

Интенсивно комплектовался Межевой архив, концентрировавший материалы по различным межеваниям (генеральному, коштному и др.). В начале 30-х годов центральные и местные межевые учреждения, в том числе и архив, обследовала комиссия сенатора И. У. Пейкера, которая обнаружила в чертежном отделении недостачу 68 планов и 64 межевых книг. Многие материалы были неупорядочены. Так, в чертежном отделении хранились уездные планы по 24 губерниям, но только планы трех губерний оказались в «порядочном виде», а все остальные «обветшали». По рекомендации И. У. Пейкера были проведены работы по реставрации материалов и частичной замене оборудования. Что касается писцового отделения, то здесь в марте 1835 г. было создано Временное отделение, которое функционировало два года. В его состав входили секретарь и 20 канцеляристов. Для них была выработана инструкция, согласно которой следовало проверять наличие дел, устанавливая их хронологические рамки и составлять справочники. Временное отделение разобрало и описало около 280 тыс. дел и выделило к уничтожению почти 16 тыс. дел. Материалы Межевого архива были в целом приведены в порядок.

Определенный интерес представляют документы о выступлениях крестьян против произвола землемеров и царской администрации. В 1826 г. в Калужской губернии 700 человек «конных и пеших» явились в ходе проведения межевания на межу, прогнали землемера, а его помощника избили. В 1829 г. при отграничении земель к Воткинским заводам восстали башкиры и казенные крестьяне. В 1860 г. в Пермской губернии государственные крестьяне «стали кричать», что никто не пойдет в понятия, так как общество на отмежевание земли помещикам не согласно и размежевание производить не позволит. Во избежание «опасных последствий» межевание было временно приостановлено.

В Межевом архиве были сконцентрированы ценные источники, имеющие важное практическое и научное значение. По сравнению с другими архивами данному архивному учреждению оказывалось предпочтение. Правительство заботилось об обеспечении сохранности межевых материалов, их упорядочении, разработке учетно-справочного аппарата. Несмотря на большое значение этих документов для господствующего класса, многие источники погибли.

Оставляло желать лучшего также положение с помещением. Все это в основном объясняется низкой административной культурой, характерной для государственного аппарата России периода феодализма.

Петербургский государственный архив старых дел, находившийся непосредственно в подчинении генерал-прокурора Сената, в 1818 г. перешел в ведение обер-прокурора 1-го департамента Сената. Комплектование архива продолжалось до начала 30-х годов. В 1813 г. сюда передали дела экономического комитета Петербургского ополчения, затем — Комиссии для пересмотра прежних уголовных дел, департамента Камер-коллегии, комиссии о «построении» Казанского собора и др. В совокупности документы освещали экономическую историю страны XVIII—начала XIX в., развитие промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли и др. Архивные источники содержали ценные сведения об антифеодальных выступлениях трудящихся масс и развитии русской общественной мысли во второй половине XVIII в. Но дела находились в очень плохом состоянии: «некоторые по случаю наводнения и от долговременности пришли в такое положение, что едва можно было узнать их содержание».

Архив существовал до 1834 г. К этому времени из него изъяли для создаваемого Государственного архива МИД материалы об антифеодальных выступлениях и развитии русской общественной мысли в XVIII в., после чего правительство приняло решение о расформировании архива. Согласно специальной инструкции, утвержденной царем, все «дела, находящиеся в сем архиве, подлежат к обращению или 1) в Московский государственный архив, или 2) в архивы разных существующих ныне ведомств государственного управления, или, наконец, 3) в Петропавловскую крепость для хранения там в приличных подвалах. К 1-му разряду принадлежат дела, поступившие из бывших Вотчинной и Юстиц-контор, по которым требуются иногда справки. Во 2-й входят дела, переданные после 1785 г. из разных упраздненных мест... которые бывают иногда нужны для выравок. К 3-му разряду причисляются дела, поступившие до 1785 г., по коим донные справок не было»⁷. В связи с отказом коменданта Петропавловской крепости принять на хранение эти материалы их поместили в подвалы Сената. В 1845 г. Государственный совет принял решение, утвержденное царем, согласно которому документы совершенно «истлевшие», «не нужные ни для каких справок», «от принятия которых министерства отказались», обречались на уничтожение. В московские архивы надо было отправить «дела судебные». Ведомствам передавались материалы в соответствии с их профилем.

Московские сенатские архивы (старых дел, Поместно-Вотчинный и Разрядно-Сенатский) претерпели немного изменений. Толь-

ко заметно сократилось их комплектование. В Московский государственный архив старых дел до конца 20-х годов поступили материалы Ревизион- и Камер-коллегий. После ликвидации Петербургского государственного архива старых дел сюда перевезли часть его фондов (документы Юстиц-конторы, Комитета петербургского ополчения, Комиссии о строении Петербурга и Москвы и др.). В архив передавались также дела ряда московских учреждений (магистрата, управы благочиния).

Разрядно-Сенатский архив комплектовался делами московских департаментов Сената. В середине XIX в. он принял также свыше 1200 столбцов Верхотурской приказной избы и других учреждений XVII в.

В Поместно-Вотчинный архив поступило значительное количество дел бывшей Вотчинной конторы, которые раньше хранились в Петербургском архиве старых дел: «связок — 1189, в них столбцов 26429, книг 1608». Лишь на некоторое количество поступивших материалов имелись краткие реестры, «но без обозначения в делах владельцев селений и пустошей и сим реестрам составлены частью алфавиты, всем же прочим ни реестров, ни алфавитов нет». До середины 30-х годов плохо обстояло дело с составлением справочников и в других московских сенатских архивах.

В первой половине XIX в. возникло несколько новых исторических архивов. Военно-историческая документация отлагалась в двух хранилищах. Созданное еще в 1797 г. депо карт в 1804 г. было переведено в построенное для него здание на Дворцовой площади. Это дало новый импульс к комплектованию. В 1810 г. А. А. Аракчеев передал обширную переписку военного и политического характера и другие материалы Военного министерства (военно-оперативную документацию, описания военных событий, мемуары и др.). С течением времени удельный вес текстовых материалов здесь возрастает.

По положению 1812 г. о Военном министерстве при нем учреждалось Военно-топографическое депо. Депо карт включалось в его состав как Архив Военно-топографического депо. Сюда в 1827 г. поступили военные материалы из кабинета Александра I, в 1837 г. — документы фельдмаршала Остен-Сакена, дела из Главного архива МИД, канцелярий П. А. Румянцева и А. А. Безбородко. В 1850 г. в архив передали богатое собрание источников военного историка генерала А. И. Михайловского-Данилевского, в том числе рукописи его исторических исследований о войне с Францией, Турцией и Швецией в начале XIX в. Особый интерес представляют материалы по Отечественной войне 1812 г. Михайловский-Данилевский был адъютантом М. И. Кутузова и потому получал широкую информацию о ходе военных действий, что нашло отражение в его записках. Кроме того, в его коллекции находились документы закрытого характера о боях 1812—1813 гг., которые «подарил» историку директор секретной канце-

лярии Розен. В то время ценные секретные документы часто свободно переходили из рук в руки.

В 1846 г. Военно-топографическое депо и его архив перевели в новое, специально построенное для них здание. Вообще этот архив постоянно находился в привилегированном положении. У него были значительные штаты — восемь сотрудников. Военное министерство не жалело средств для приобретения исторических источников в нашей стране и за рубежом. Например, за первую половину XIX в. архив купил (кроме вышеназванных) записки сподвижника Петра I Патрика Гордона, материалы по истории Кавказа, воспоминания генерала Толя о польском восстании 1831 г. и др. Одновременно из архива передавались некоторые непрофильные материалы другим ведомствам. Так, в Петербургский главный архив МИД были отправлены дела дипломатического характера о войне с Турцией 1806—1812 гг.

Архив Военно-топографического депо продолжал комплектоваться планами, атласами и другими картографическими материалами. К 1851 г. здесь насчитывалось более 47 тыс. карт. С ними постоянно велись реставрационные работы: карты подклеивали, причем особое внимание уделялось картографическим материалам по Европейской России и Западной Европе. Возможно, это было вызвано тем, что они интенсивно использовались.

Таким образом, к середине XIX в. в архиве Военно-топографического депо были сконцентрированы карты, планы, атласы России и других государств и ряд комплексов важнейших военных документов, освещавших боевые действия русской армии в основном за XVIII—первую половину XIX в., и материалы о развитии военного искусства. В связи с большим значением хранящейся документации для научных исследований это хранилище в 1867 г. получило наименование Военно-учебный архив.

Второй военный исторический архив — Московское отделение архива инспекторского департамента — был учрежден 7 февраля 1819 г. Он создавался для хранения документов Военной коллегии и Военного министерства по 1812 г., а также канцелярий и «дежурств» русских военачальников, штабов действующих армий, воинских соединений, частей и учреждений. Материалы размещались в нескольких комнатах в здании Сената в Кремле. Архив имел немногочисленные штаты: столоначальник, его помощник, два писаря и два сторожа. Позднее количество писарей возросло до четырех человек.

Перед архивом были поставлены следующие задачи: «устройство сего отделения»; размещение материалов; разборка, приведение в порядок и проверка наличия дел (сверка с описями); составление новых описей; справочная работа; ведение текущего делопроизводства. С 1821 г. на архив возложили обязанность составлять «алфавиты для удобства при отыскании дел». Но составление справочников продвигалось медленно.

Архив инспекторского департамента в Петербурге также хра-

нил многочисленные комплексы дел Военного министерства, Главного и Генерального штабов. Вскоре он был заполнен до предела, и из него в Московское отделение стали перевозить также материалы, возникшие после 1812 г. Во время таких перевозок источники часто терялись и пропадали. Например, при отправке материалов в Москву для облегчения веса с них часто сдирали переплеты (это происходило еще до ввода в эксплуатацию Николаевской железной дороги). В результате было утеряно около 6 тыс. единиц хранения.

Кроме дел Военного министерства в Московское отделение архива инспекторского департамента поступали другие материалы. Так, в 1833 г. в 23 тюках перевезли дела кабинетов умерших Александра I и его жены, канцелярии вел. кн. Константина Павловича, а также документы штаба 2-й армии и других воинских соединений.

Нехватка помещений приводила к тому, что архив не мог в должном объеме принимать материалы своего профиля. В связи с этим в 1833 г. в сырых казематах Петропавловской крепости находилось большое количество материалов инспекторского и провиантского департаментов, «дела разных бывших гарнизонов с 1708 г. и даже ранее» и других военных учреждений и частей. В большинстве случаев судьба этих источников была незавидной. Так, в 40-е годы в одном из бастионов по распоряжению его начальника уничтожили «истлевшие» бумаги. Несмотря на широкое уничтожение документов, в Московском отделении архива инспекторского департамента к 1861 г. было сконцентрировано 1227 тыс. дел. Это были в основном военные документы административно-хозяйственного характера, которые являлись ценным дополнением к материалам Архива Военно-топографического депо.

Таким образом, в Военном министерстве были созданы два основных хранилища источников. В первом из них концентрировались картографические материалы, документы стратегического и оперативного характера, а также источники о развитии русской военно-теоретической мысли. Во второй архив поступали в основном дела военно-административного, военно-хозяйственного характера. Конечно, такая характеристика состава документов несколько условна. Например, в Архиве Военно-топографического депо имелись источники о смотрах, маневрах, обучении войск и т.д. Однако таких материалов было немного. В свою очередь в Московское отделение архива инспекторского департамента поступали документы П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова и других выдающихся русских полководцев, но удельный вес таких источников также был незначителен.

Наряду с этими хранилищами была создана большая сеть архивов в структурных частях Военного министерства, военных округах и крепостях, частях и соединениях. Но в них положение с обеспечением сохранности дел, составлением архивных справочников и использованием документов обстояло гораздо хуже.

Важное место среди исторических архивов занимал Государ-

ственный архив МИД, созданный в 1834 г. В современной литературе он часто именуется Государственным архивом Российской империи. Такое наименование получило довольно широкое распространение в архивоведческой литературе потому, что в целом верно отражало общегосударственное значение и большую политическую значимость отложившихся здесь документов.

Создание особого секретного хранилища важных государственных документов и материалов по социально-экономической и политической истории России в основном за XVIII—начало XIX в., каким стал Государственный архив, явилось попыткой самодержавия спрятать от глаз общественности ценные в политическом отношении источники, а также при известной их обработке использовать в борьбе с нарастающим революционно-освободительным движением. У нового архива была своя предыстория. Еще в 1801 г. при Петербургском архиве КИД образовался недипломатический отдел, куда поступали очень важные источники (материалы из личного кабинета Екатерины II, переданные по распоряжению Александра I; документы канцлера А. А. Безбородко; переписка Павла I и Александра I с Наполеоном; источники по Отечественной войне 1812 г. и др.).

Крупные поступления наблюдались в конце 20-х годов: документы из кабинета Александра I, материалы следственной комиссии и верховного уголовного суда над декабристами. Тогда же передали из Зимнего дворца дела Кабинета е.и.в. Это было самое крупное поступление за всю историю архива — около 15 тыс. дел. В состав названного фонда входили: документы Петра I, статс-секретарей Екатерины II и Павла I, материалы Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, ряда «временщиков» и фаворитов (Бирона, Миниха, Потемкина и др.), документация ряда важных учреждений (Преображенского приказа за 1690—1726 гг., Тайной канцелярии за 1718—1726 гг., Петербургской губернской канцелярии за 1704—1741 гг., Сибирского приказа за 1722—1763 гг.). Ценные материалы поступили из Военного министерства. В 1828 г. были переданы два сундука с делами о восстании декабристов из архива Главного штаба, а позднее — пакеты с бумагами о восстании в Польше в 1830—1831 гг.

Весной 1830 г. по указу Сената была создана специальная Комиссия под председательством сенатора С. Ф. Маврина для разборки дел Петербургского государственного архива старых дел и Петербургского сенатского архива. В результате четырехлетней деятельности Комиссией были отобраны из названных архивов наиболее важные комплексы документов: из Петербургского государственного архива старых дел — материалы Тайной экспедиции Сената за 1762—1801 гг., Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел за 1801—1817 гг., источники о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева за 1773—1775 гг., о развитии русской общественной мысли во второй половине XVIII в. и расправе над А. И. Радищевым, Н. И. Нови-

ковым и др.; из Петербургского сенатского архива — документы Приказа тайных дел, Ближней канцелярии, Верховного тайного совета, некоторые дела Конференции при высочайшем дворе, канцелярии Г. А. Потемкина по Екатеринославской губернии и Таврической области, канцелярии П. Потемкина по управлению Кавказским наместничеством и др.

В 1832 г. была ликвидирована Коллегия иностранных дел и создано МИД. К этому времени в недипломатическом отделе архива МИД отложилось значительное количество документов. Поэтому его преобразовали в самостоятельное архивохранилище, которое получило наименование Второй главный архив МИД.

Отобранные Комиссией сенатора Маврина материалы поступили в новый архив. Они были столь разнообразны, отражали многие стороны государственной и общественной жизни, что по своему характеру не соответствовали такому названию. Уже в апреле 1834 г. министр двора П. М. Волконский по указанию Николая I писал канцлеру К. В. Нессельроде: «Часть архива, где акты до императорской фамилии принадлежащие хранятся, отныне именовать отделением архива Государственного». Созданная по распоряжению царя комиссия в составе министра юстиции Д. В. Дашкова, М. М. Сперанского и канцлера К. В. Нессельроде разработала проект положения «Об учреждении Государственного архива МИД», который в июне 1834 г. был утвержден Николаем I. Одновременно ликвидировался Петербургский государственный архив старых дел, а хранилище дипломатических документов получило наименование Петербургский главный архив МИД.

С официальным созданием Государственного архива МИД заканчивается первый период его комплектования. Здесь было сосредоточено более 40 тыс. дел.

Создание Государственного архива МИД имело большое значение: в благоустроенном хранилище были сконцентрированы и взяты под надежную охрану источники, большинство из которых в прежних архивах хранилось в отвратительных условиях и находилось на краю гибели. Однако нельзя упускать из виду, что данный архив был одним из самых засекреченных, и для получения доступа ко многим источникам исследователям требовалось разрешение самого царя. К тому же организация Государственного архива привела к упразднению Петербургского государственного архива старых дел. После того как из него были изъяты документы о классовой борьбе, архив уже не представлял интереса для правительства и оно решило расформировать его.

Штаты Государственного архива МИД были невелики: всего пять человек (управляющий архивом, два старших и два младших архивариуса). Они оставались неизменными до 1864 г. Чиновники Государственного архива (по сравнению с остальными архивистами) находились в привилегированном положении: у них были более высокие оклады, они быстрее продвигались по служебной лестнице. К тому же начиная с 1837 г. «за отличную работу

и выслугу не менее трех лет в одной должности» сотрудников архива награждали деньгами, орденами, землями «по чину». Возглавляли Государственный архив крупные чиновники (как правило, тайные советники). Все это свидетельствует о том, что правительство уделяло пристальное внимание кадрам и заботилось, чтобы важные источники находились в руках людей, преданных царизму, чтобы не было утечки информации из архива.

Размещался архив в центре Петербурга в здании МИД на Дворцовой площади, где занимал пять комнат на втором этаже. Все дела помещались в ясеневых шкафах (ясень заслуженно считался самым подходящим материалом для изготовления архивного оборудования). Однако в связи с интенсивным комплектованием возникли трудности с помещением.

В 30-е годы расширился круг хранилищ, из которых передавались документы в новый архив. Из Петербургского архива МИД в 1835 г. поступила часть материалов Литовской метрики, в середине XIX в. — дела о Брауншвейгской фамилии и комплекс источников о взаимоотношениях России со странами Западной Европы в 1814—1821 гг. Документы передавались также из исторических и ведомственных архивов, некоторых провинциальных хранилищ, Петербургской публичной библиотеки, Эрмитажа и др. В 40-е годы доверенное лицо царя по архивному делу Д. Н. Блудов был командирован в Москву для отбора материалов профиля Государственного архива. Он побывал лишь в Московском главном архиве МИД и Сенатском архиве. В первом Блудов отобрал ряд материалов по делу царевича Алексея Петровича, подневные записки А. Д. Меншикова, записки Екатерины II о ряде европейских стран и ее переписку с их монархами, коллекцию источников о Крестьянской войне 1773—1775 гг., собранную Н. Н. Бантыш-Каменским, и др. В Московском сенатском архиве он отобрал только один столбец Преображенского приказа, в котором имелись сведения о следственных делах над царевичем Алексеем и первой женой Петра I — Евдокией. В целом работа Блудова по выявлению источников носила поверхностный характер.

Из Петербургского сенатского архива в 1844 г. поступили печатный манифест о суде над царевичем Алексеем Петровичем, родословные листы московских царей, составленные П. Крекшиным, рисунки о коронации Елизаветы Петровны.

Из архива Киевского губернского правления передали коллекцию материалов начала XVIII в., из архива Воронежского губернского правления — дела о самозванцах, выдававших себя за Петра III: Кремневе (1766), Сергееве (1772) и др. В 1836 г. поступили коллекции документов XVIII в. вологодского чиновника Котова и вдовы чиновника Рунича, в которых имелся ряд автографов Петра I.

В Государственный архив продолжали поступать бумаги крупных чиновников. В 1834 г. были переданы документы статс-

секретаря Екатерины II и Павла I Д. И. Трошинского; в 1837 г. — часть бумаг умершего коменданта Петропавловской крепости генерал-адъютанта Сукина (среди них приказы Николая I об условиях содержания арестованных декабристов и о наблюдении за ними; ежедневные рапорты коменданта о поведении каждого декабриста); в 1839 г. — материалы М. М. Сперанского. Всего здесь было сконцентрировано около 40 таких комплексов дел.

В общей сложности за 1834—1861 гг. архив пополнился еще 20 тыс. единиц хранения. В основном источники поступали в виде коллекций, небольших комплексов документов и изредка фондов (например, Приказа тайных дел). Большинство материалов относилось к XVIII в., но были источники XV—XVII вв. и первой половины XIX в. Хотя основная часть документов была передана из центральных архивов, это (за исключением ликвидированного Петербургского государственного архива старых дел) не нарушило внутренней организации материалов других хранилищ. Ведь из них были получены небольшие комплексы дел. Но по своей политической и научной значимости документы обладали огромной ценностью. Государственный архив может служить поздним образцом выборочного политического архива, характерного для абсолютистской монархии. Он сформировался как одно из важнейших в стране хранилищ документов по истории народных движений XVIII в., восстания декабристов, о развитии передовой русской общественной мысли, состоянии промышленности, сельского хозяйства, торговли, по истории отечественной культуры, науки и искусства. Здесь же находились династические материалы, в основном XVIII — первой половины XIX в., причем такого характера, что правительство стремилось скрыть их как можно дальше от глаз общественности. Сюда были переданы также ценные комплексы документов по истории народов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Средней Азии и Закавказья.

Середина XIX в. — период активной деятельности царского правительства в области архивного дела. Оно стремилось сосредоточить под своим контролем наиболее важные комплексы архивных дел, чтобы использовать их для укрепления своего пошатнувшегося внутреннего и международного положения и укрепления позиций господствующего класса — дворянства. Создание новых исторических архивов в центре и на местах явилось выражением охранительной политики в области архивного дела. Но хотя учреждение исторических архивов преследовало реакционные цели, их создание имело также положительное значение: были сохранены, упорядочены и стали гораздо шире использоваться ценные комплексы архивных материалов. Благодаря такой концентрации документов до нас дошли важные исторические источники, многим из которых угрожала верная гибель.

В 1852 г. был создан Московский архив министерства юстиции. Это было достигнуто путем объединения трех так называемых московских сенатских архивов: Московского государственного архива старых дел, Разрядно-Сенатского и Поместно-Вотчинного,

которые еще с конца XVIII в. помещались в здании присутственных мест в Кремле. Их документы имели важное практическое значение для господствующего класса. В связи с этим наиболее ценные комплексы дел были разобраны, к ним составлялись различные справочники, что в известной мере обеспечивало их сохранность и использование. Однако много материалов еще не было в должной степени упорядочено. В Отечественную войну 1812 г. документы этих архивов сильно пострадали. Понадобилось свыше 20 лет, чтобы привести их в порядок. В 1835 г. был создан особый Комитет для описания источников московских сенатских архивов. Он должен был выявить и обеспечить сохранность материалов. При создании Комитета подчеркивалось, что его главная цель состоит в том, «чтобы открыть гражданам путь к отысканию в сих архивах документов, служащих к подкреплению их прав».

Из-за нехватки сотрудников Комитет не смог произвести описание огромного количества дел, хранящихся в этих архивах, и в 1842 г. был закрыт. В 1843 г. обер-прокурор общего собрания московских департаментов Сената поставил перед Министерством юстиции вопрос об объединении трех архивов. Однако вместо этого была учреждена должность инспектора московских сенатских архивов, на которую назначили самого деятельного члена Комитета П. И. Иванова. В какой-то мере он объединил в своем лице управление названными архивами. В 1852 г. царь утвердил мнение Государственного совета об «Учреждении Московского архива Министерства юстиции». Его создание не имело ничего общего с научными интересами. Главные обязанности нового архива заключались «а) в хранении, приемке к хранению дел и документов и б) в изготовлении и доставлении справок по требованиям присутственных мест и правительственных лиц и по прошениям частных лиц». И только в примечаниях говорилось, что по указанию министра юстиции могли публиковаться материалы, заслуживающие «особенного внимания по историческому или юридическому значению своему, собрание исторических, юридических и других сведений и проч.»⁸. исследователи допускались в архив с разрешения министра.

Три московских сенатских архива вошли в состав нового архива на правах его отделов. Однако из Разрядно-Сенатского архива были изъяты материалы московских департаментов Сената и их общего собрания за XVIII — первую половину XIX в. На основе названных документов был создан Московский сенатский архив.

У Московского архива министерства юстиции были значительные штаты — 37 человек. Кроме того, создавалась «временная канцелярия», насчитывающая 47 сотрудников. Она была учреждена для завершения описания документов, начатого еще Комитетом 1835 г.

Сотрудники канцелярии (за исключением чиновников первого

стола — распорядительного) занимались разбором дел, составлением на них справочников (описей, алфавитов и др.), а также подготовкой материалов для публикаций. Штатные чиновники архива вели, главным образом, прием дел, выдачу справок и составление описей и алфавитов.

В первое десятилетие своего существования новый архив интенсивно комплектовался. Крупное поступление имело место в 1857 г. Из Московского сенатского архива стали передавать материалы, как правило, потерявшие практическое значение. Это обусловило хронологические рамки переданных в 1857 г. документов; в основном XVIII в., причем подавляющая часть — за первую половину столетия, а также незначительное количество источников за конец XVII в. Фактически в архив возвратилась часть материалов, которая была изъята из Разрядно-Сенатского архива и передана в Московский сенатский архив. Пересылались также дела из Петербургского сенатского архива.

Впоследствии Московский архив Министерства юстиции стал научно-методическим центром, оказывавшим помощь другим архивным учреждениям дореволюционной России. Поэтому его создание явилось крупным событием в истории отечественного архивного дела.

В 1852 г. были учреждены три местных исторических архива: Киевский, Виленский и Витебский архивы древних актов. Создание этих архивов было одним из звеньев в цепи мероприятий правительства по сосредоточению в нескольких хранилищах документов, важных для господствующего класса в политическом и экономическом отношении. Они хранили соответственно источники по истории Украины, Белоруссии и Литвы с XV по XVIII в. включительно. Уже с XV в. на Украине практиковалось ведение актовых книг, в которые заносились декреты носителей верховной власти, жалованные грамоты, судебные решения и другие документы, а также материалы частнопровового характера. Несколькими позднее практика ведения актовых книг распространилась на Литву и Белоруссию. Однако основной причиной создания местных архивов древних актов явилось не желание сохранить имеющие большую научную ценность исторические материалы, а широкая возможность фальсифицировать древние грамоты с целью получения дворянского звания. Например, в 1812 г. «в Киевской губернии... насчитывалось польских дворян свыше 43 000 душ, из них лишь около трех тысяч были собственно помещики, владевшие землей и крестьянами, остальные же 40 000 составляли беспоместную шляхту, которой права на дворянство были весьма проблематичны». Подтверждением этому может служить следующий факт. В начале второй четверти XIX в. из числа предъявляемых в суд документов о праве на дворянское звание подлинными (или настолько хорошо подделанными, что суд признавал их имеющими юридическую силу) оказалось около 4%. Тогда в названном регионе несложно было найти «мастера», который за вознаграж-

дение мог изготовить документ, доказывающий дворянское происхождение заказчика. Фальсификаторы заботились в основном о том, чтобы в актовую книгу был занесен подложный текст. Это было не так трудно сделать, учитывая небрежное хранение древних материалов и продажность чиновников. Для предотвращения подлогов и проверки актовых книг создавались комиссии, в которые входили представители Министерства юстиции и внутренних дел, уездный предводитель дворянства, судья, воинский начальник и др. Но члены комиссий не были достаточно компетентны, они даже не умели читать древние тексты, и их деятельность не была эффективной.

Древние документы этих регионов имели важное политическое значение. Среди польской шляхты (особенно в эмигрантских кругах) выдвигались необоснованные претензии на Правобережную Украину, Литву и Белоруссию. Созданные в 1842 г. Виленская (сначала она функционировала как временная, а с 1864 г. — как постоянная) и в 1843 г. Киевская археографические комиссии одной из основных задач имели публикацию древних источников, которые показывали полную несостоятельность подобных претензий и давние политические, экономические и культурные связи русского, украинского и литовского народов. Для эффективной деятельности этих комиссий необходимо было сконцентрировать древние источники в специальных хранилищах. К тому же комиссии в процессе выявления материалов выяснили, что ценные в политическом и научном отношении источники хранились в подвалах уездных судов, ратуш и других «присутственных мест», где им угрожала гибель от плохих условий хранения. Первой поставила вопрос об учреждении Центрального архива для хранения древних актов Киевская археографическая комиссия. Эта мысль нашла поддержку у киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибилова, который обратился к царю с ходатайством об учреждении Центрального архива при Киевском университете для актовых книг Киевской, Подольской и Волынской губерний. Сделано это было еще в декабре 1849 г. вследствие настойчивых просьб и рекомендаций проф. Киевского университета и одного из самых деятельных членов Киевской археографической комиссии Н. Д. Иванишева. Однако канцелярская волокита привела к тому, что эта идея была реализована лишь в 1852 г. В именном указе от 2 апреля 1852 г. предписывалось организовать не один, а три местных исторических архива. В них было сконцентрировано свыше 12 млн. актов. Киевский и Виленский архивы имели штаты по пять человек и подчинялись генерал-губернаторам и органам Министерства народного просвещения; Витебский архив, находившийся в ведении генерал-губернатора, имел трех сотрудников, а затем штат был сокращен до одного человека. На архивы была возложена обязанность составить «краткие описи книгам, с объяснением номера каждого документа, краткого содержания его, года, месяца и числа, когда оный состоялся», причем в пер-

вую очередь следовало описывать те материалы, которые будут переданы без сопровождения описей. Затем справочники должны быть опубликованы и разосланы «во все губернские и уездные судебные места, а также депутатские собрания западных губерний». После этого сотрудники архивов «обязаны приступить к составлению полных и подробных каталогов», которые должны были «заключать в себе сведения, необходимые для ученых исследований». Однако разработать справочники на акты были при столь ограниченных штатах было невозможно, что впоследствии подтвердилось на практике.

В 1851 г. была образована коллекция документов, известная как «Государственное древлехранилище хартий и рукописей». Древлехранилище существовало в качестве особого отделения Оружейной палаты, но находилось в ведении управляющего Московским главным архивом МИД. Оно размещалось в Кремле. Согласно «Положению», утвержденному в 1853 г., здесь концентрировались государственные акты, рукописи и печати, относящиеся ко времени «до преобразований Петра Великого». Но фактически в Древлехранилище находился ряд документов XVIII в. (грамоты и записные книжки Петра I, других императоров и императриц до 70-х годов XVIII в. и т.д.). Подавляющее большинство материалов поступило из Московского главного архива МИД (духовные грамоты князя Ивана Калиты 1339 г. Дмитрия Донского 1375 и 1389 гг., утвержденная грамота об избрании на царство М. Ф. Романова, летописи, хронографы и т.д.). Некоторые источники были переданы из Оружейной палаты (древнейший список «Русской правды», три записные книжки Петра I, Соборное Уложение 1649 г. и т.д.), Московской синодальной библиотеки (материалы о венчании на царство Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, о постановлении на патриаршество Филарета Романова, два письма Петра I к патриарху и т.д.) и других хранилищ. В 1856 г. по указанию Александра II сюда передали медали, монеты и другие вещественные памятники из Эрмитажа. Согласно составленной в 1873 г. описи, в Древлехранилище числилось 920 единиц хранения. В 1882 г. эта коллекция была передана в помещение Московского главного архива МИД, в составе которого она находилась до Великой Октябрьской социалистической революции. Материалы Древлехранилища использовались исследователями редко, поскольку большая часть их была опубликована в «Собрании государственных грамот и договоров», в «Полном собрании русских летописей» и других изданиях.

Создание новых исторических архивов имело положительное значение. Условия хранения документов в них были гораздо лучше. Благодаря этому важные источники дошли до нас.

Изменения в области архивного дела. Рост объема документации, увеличение числа архивов вызвали ряд мероприятий правительства. Документы перемещались из некоторых переполненных

архивов в другие архивы, что приводило к дроблению фондов и затрудняло справочную и научную работу.

Архивные материалы стали также складывать в пустующих помещениях. Как правило, это были старые башни, сараи, а также подвальные или чердачные помещения. Таким образом, учреждения, не заинтересованные из-за переполненности архивов в хранении дел, освобождались от материалов более чем десятилетней давности. Все это приводило к хаотическому раздроблению архивных фондов, утрате и гибели многих источников. Наиболее отрицательным мероприятием явилось уничтожение дел. Оно проходило без соблюдения необходимых правил, которые охраняли бы от уничтожения ценные документы. Первые упоминания о сознательном отборе архивных источников к уничтожению относятся к концу 20-х годов. В 1829 г. под руководством статс-секретаря Д. Н. Блудова была составлена опись на значительную часть архива Кабинета е.и.в. Николай I лично просмотрел опись и оставил ряд помет, в какие учреждения передать эти материалы. Относительно документов Г. А. Потемкина царская резолюция гласила: «Разобрать, что важно — отобрать, прочее можно и уничтожить»⁹. Годом позже Николай I дал указание председателю комиссии по разборке петербургских архивов сенатору Маврину, что несекретные дела Сенатского архива, не заключающие в себе «никакой важности и не нужные для будущего времени, можно по строгому разбору уничтожить». Все это послужило толчком к проведению работ по разбору дел с целью выделения их к уничтожению. В дореформенный период ряд ведомств (Военное министерство, Министерство внутренних дел, Государственный контроль, Главное управление почты, Ведомство путей сообщения и публичных зданий, Министерство народного просвещения) разработал специальные правила и инструкции, в которых делалась попытка определить ценность различных категорий документов и сроки их хранения. В этих инструкциях документы, как правило, подразделялись на три группы («разряда», «отдела»): «всегдашнего» хранения, временного хранения (от 20 до 5 лет) и подлежащих уничтожению через один—три года. Эти правила служили учреждениям руководством при выделении дел к уничтожению. На такие материалы составлялись описи, которые представлялись на рассмотрение Комитета министров. Дела могли уничтожаться лишь с его санкции. Но затем такой порядок экспертизы был изменен. Уничтожение материалов постепенно освободилось от контроля высшей власти и приобрело узковедомственный и произвольный характер. Министерство внутренних дел в 1854 г. получило первым право самостоятельно разрешать вопросы отбора источников на уничтожение, затем такое право получили другие ведомства. Выработанные ими инструкции по уничтожению дел порой противоречили друг другу. Так, инструкция Министерства народного просвещения требовала постоянного хранения документов личного состава, а инструкция Главного управления почты

обрекала их на уничтожение. В результате этого архивы министерств становились неравноценными даже с точки зрения справочной работы.

Определенных критериев для разбора и выделения документов к уничтожению не было выработано. Уничтожались материалы, имеющие научное и справочное значение, причем их число особенно возросло, когда средства от продажи документов, выделенных к уничтожению, стали поступать на нужды канцелярий и на поощрения архивным чиновникам.

В середине XIX в. разрешение уничтожать архивные документы получили местные органы власти. В связи с большим недостатком на местах опытных архивных работников в разборочные комиссии привлекались прокуроры, судьи, директора училищ и т.д. Фактически вопрос об уничтожении дел, потерявших справочное значение, решали чиновники, для которых понимание научной ценности архивных материалов было совершенно чуждо. Уничтожение проводилось следующим образом: секретные документы сжигались, несекретные продавались на бумажные фабрики в качестве сырья.

Проект Г. А. Розенкампа. Для нормальной работы государственного аппарата необходимы были архивные материалы. Поэтому возникали проекты архивных реформ. Так, в 1820 г. член комиссии по составлению законов Г. А. Розенкампф подготовил «План о приведении в лучшее устройство архивов вообще». Он предполагал объединить в единый государственный архив исторические архивы Москвы и Петербурга. В этом архиве должны были работать люди, «кои бы могли усовершенствовать себя в так называемой архивной науке». Таким образом, вопрос об обучении архивистов был поставлен в России за год до открытия в Париже первого в мире учебного заведения по подготовке архивных сотрудников — Школы хартий. Замысел Розенкампа об архивном образовании был продиктован стремлением поднять уровень чиновничества. Однако в проекте не уточнялось, при помощи каких мер эту полезную идею следовало воплотить в жизнь.

Розенкампф предлагал завести на все дела государственного архива единую опись, что облегчило бы работу комиссии по составлению законов в выявлении документов. Архив должен был находиться в ведении Главного управления архивами, которое подчинялось Государственному совету. Проект выражал интересы бюрократической верхушки и был весьма ограничен. В нем ничего не говорилось об архивах действующих учреждений и местных архивах. Московский архив КИД, хранивший политически важные для самодержавия документы, не подлежал включению в государственный архив, так как правительство на это бы не пошло: Однако даже такой ограниченный проект архивной реформы не получил осуществления.

Описание архивных документов. В этой области отечественное архивоведение достигло определенных успехов. В начале XIX в.

появились новые виды архивных справочников — обзоры. Особо следует отметить подготовленный управляющим Московским архивом КИД Н. Н. Бантыш-Каменским «Обзор внешних сношений России (по 1800 г.)». Свыше 35 лет работал над ним видный архивист. Обзор содержит выписки из архивных документов, проливающих свет на дипломатические контакты России с европейскими государствами в XV—XVIII вв. Автор комментирует в подстрочниках не совсем ясные места, приводит тексты некоторых важных документов (например, по делу царевича Алексея Петровича приведены все разноречивые документы), дает сведения об упоминающихся в тексте лицах. В рукописном виде обзор был доступен очень узкому кругу. Поэтому многие историки и архивисты говорили о необходимости его опубликования. Но лишь в 1894—1902 гг. он вышел в свет. К помощи данного справочника прибегают исследователи и в настоящее время. Не потеряли также практического значения составленные Н. Н. Бантыш-Каменским так называемые «систематические обозрения» и другие справочники на дипломатические документы Посольского приказа и КИД. Они были изданы в дореволюционный период.

Определенный вклад в развитие научно-справочного аппарата внес Комитет 1835 г., созданный для описания документов трех московских сенатских архивов (старых дел, Разрядно-Сенатского и Поместно-Вотчинного), сильно пострадавших в 1812 г. Их состояние даже в 30-е годы оставляло желать лучшего: многие дела были не пронумерованы, столбцы не развернуты, документы не описаны. Между тем с развитием русской исторической науки интерес к архивным документам возрос. Документу необходимо было использовать и для введения справок по запросам учреждений и частных лиц. За восемь лет своего существования Комитет сделал немало. Например, уже в 1835 г. в Разрядно-Сенатском архиве внесли в алфавиты свыше 45 тыс. фамилий. Всего было упорядочено значительное количество архивных дел и разработан ряд справочников. Основная заслуга в описании материалов принадлежала члену Комитета П. И. Иванову. Были опубликованы описания «трех степеней». Описание первой степени включало наименование фондообразователя, указание номеров дел и их хронологических рамок, рода дел, количество листов, замечания о ветхости или неполноте и т.д. Это была инвентарная опись в современном понимании. В качестве примера такой описи можно назвать изданное «Описание первой степени архива Вотчинного департамента, составленное учрежденным для сего особым комитетом» (М., 1839).

Описание второй степени состояло из обзора истории фондообразователя и характеристики отдельных групп документов (книги писцовые и ревизские и т.д.), т.е. представляло собой тип путеводителя. В качестве примера приведем подготовленные П. И. Ивановым «Путеводитель по государственным архивам, состоящим при правительствующем Сенате» (М., 1845) и «Описание государственного архива старых дел» (М., 1851). Такие справочники в нашей стране стали разрабатываться впервые. Их

значение как необходимого элемента научно-справочного аппарата постоянно возрастало. Они очень облегчали работу по использованию архивных документов в научных и справочных целях.

Описание третьей степени включало исторические сведения, извлеченные из документов всех трех московских сенатских архивов. Это описание напоминает современный тематический обзор. К их числу относятся подготовленные П. И. Ивановым «Обозрение писцовых книг по Московской губернии с привосокуплением краткой истории древнего межевания» (М., 1840) и «Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову» (М., 1841).

Классовая направленность этих изданий была ярко выражена. Иванов подчеркивал, что они в первую очередь должны служить в качестве «доказательств на право владения поземельною собственностию и на право приобретения родового дворянства».

Работа по упорядочению дел затруднялась рядом причин: разногласиями между членами комитета и руководителями архивов, причем последние порой затрудняли допуск даже членов Комитета к архивным материалам, нехваткой сотрудников. К тому же возникали трудности при опубликовании справочников. Например, при подготовке к печати «Обозрения писцовых книг по Новгороду и Пскову» П. И. Иванов потратил 250 руб. из собственных средств. Автор отправил «Обозрение» в подарок министру юстиции, но вместо благодарности получил из министерства указание представить сведения о том, «составляет ли оно казенную работу Комитета или... есть частный труд Ваш, а также на чей счет печатано»¹⁰. Такое отношение не охладило энтузиазма архивиста, и он продолжал работать над подготовкой справочников. Научная общественность оценивала деятельность Иванова по-другому. Его «Описание государственного архива старых дел» получило вторую премию Академии наук в 1852 г., а в 1859 г. он был избран ею членом-корреспондентом. Подготовленные Ивановым издания вышли на международную арену. Ими, в частности, заинтересовалось правительство Пруссии, которое подготавливало реформу архивного дела¹¹.

Публикация таких справочников была положительным явлением. В то же время они имели недостатки. Как отмечал позднее Д. Я. Самоквасов, эти издания «не полны, не верны и мало пригодны для охраны целостности документов, для научных целей и практических справок»¹².

Значительный прогресс заметен в разработке основного вида архивных справочников — описи. Как известно, описи XVIII в. носили инвентарный характер, т.е. они ставили цель обеспечить учет и сохранность архивных дел, а не раскрыть их содержание. Теперь же наряду с такими справочниками стали составляться описи, предназначенные для исследователей и призванные раскрыть значение материалов как исторических источников. В отечественном архивоведении выявились две точки зрения на описание документов: П. М. Строева (1796—1876) и А. Х. Востокова

(1781—1864). Строев являлся сторонником краткого описания исторических памятников. Им была разработана общая схема описания, которая включала предисловие, аннотацию источника, а также именной, географический и предметный указатели. Если заголовок единицы хранения не соответствовал содержанию, то Строев его перерабатывал, отмечая при этом палеографические особенности, формат, писчий материал, количество листов, даты, наличие дефектов в рукописи и т.д. При составлении справочников он придерживался в основном двух схем построения описей: хронологической и алфавитной. В первом случае аннотации распределялись в хронологической последовательности (см.: *Строев П. М. Обстоятельное описание старопечатных книг*. М., 1829), во втором аннотация группировалась в алфавитной последовательности по наименованиям рукописей (см.: *Строев П. М. Описание славянских и российских рукописей купца И. Н. Царского*. М., 1848). Сторонником подробного описания документов являлся А. Х. Востоков. Он считал необходимым включать в описательные статьи также обширные цитаты из источников, воспроизводить начертания букв, анализировать текст, устанавливать авторство, время и место написания и др. В качестве примера можно привести его справочник «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (СПб., 1842). Это описание более обстоятельно характеризует источники, но его большие размеры затрудняют ориентирование исследователей в документальных богатствах. Начавшийся в этот период спор о методах описания дел продолжался до начала XX в.

Документы были упорядочены лишь в отдельных архивах. Таким являлся, например, Московский архив КИД. Здесь частыми гостями были «высокопоставленные особы». Например, в 1818 г. архив посетили Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III. Во время этого визита архивистам был устроен «экзамен». Они должны были за 5 минут найти и принести указанную по описи единицу хранения, чтобы доказать порядок, «в каком содержались бумаги в архиве».

В большинстве архивов учетно-справочный аппарат находился на низком уровне, что создавало благоприятную почву для хищения материалов. Так, сотрудник Московского архива Министерства юстиции И. Д. Беляев, занимавшийся разбором и описанием грамот Коллегии экономии, присвоил ряд ценных источников. Ряд материалов Государственного архива МИД изучал в 40-е годы Н. Г. Устрялов. Позднее (уже в 70-е годы) выяснилось, что ученый в своих работах давал сноски на источники этого архива, которых не оказалось в наличии. Завязалась переписка между руководством архива и сыном умершего историка, и Ф. Н. Устрялов вернул ряд материалов. Это свидетельствует о том, что даже в Государственном архиве МИД плохо были налажены учет и хранение документов. Что касается других

хранилищ, особенно на местах, то в них хищения источников были более частым явлением.

В первой половине XIX в. численность чиновничества в стране возросла почти в четыре раза. Большими были также штаты архивов. Например, по штатам 1831 г. в архиве Морского министерства насчитывался 41 человек. В Московском архиве КИД в 1802 г. было свыше 100 сотрудников. Правда, против 11 фамилий стоит помета «малолетка». Среди последних юнкера гр. А. А. Мушин-Пушкин «от роду 13 лет», кн. А. Я. Лобанов-Ростовский — 9 лет, кн. «Михайло Голицын от роду 6 лет». Все они считались уволенными «для усовершенствования в науках до окончания оных». Отметим, что в те годы служба в этом архиве была престижной, и среди сотрудников можно встретить представителей самых знатных фамилий. Их тогда называли «архивными юношами».

Наряду с ними в архиве работали подлинные энтузиасты своего дела, которые передавали любовь к историческим источникам своим детям. Так, сын Н. Н. Бантыш-Каменского служил переводчиком, секретарем Московского архива КИД являлся И. Ждановский — сын умершего секретаря Московской конторы КИД, в архиве служили также П. А. и И. П. Почайновы — внук и правнук первого архивариуса КИД.

В дореформенный период возросло количество чиновников с высшим образованием. Но это веяние, к сожалению, практически не затронуло архивы. Для подавляющего большинства сотрудников архивных учреждений характерен был низкий образовательный ценз. Они покорно выполняли требования администрации о сознательном уничтожении документов. Как правило, это были наиболее низкооплачиваемые чиновники. Поскольку условия хранения материалов оставляли желать лучшего, архивистам часто приходилось работать в пыльных и холодных помещениях. Многие местные и даже центральные архивы (например, Московский архив Министерства юстиции) не отапливались, что сильно затрудняло работу в зимние месяцы.

Законодательство об архивах. В этот период у архивных учреждений не было фактически высшего органа власти, который бы заботился о них и осуществлял контроль и проверку их деятельности. Иногда Сенат пытался улучшить положение архивов. Но теперь его функции были очень ограничены. В 1820 г. он (как высшая судебная инстанция) выпустил указ «О недопуске С. Петербургского купца Андрея Косиковского с казною к подрядам и поставкам; о содержании архивов и о ведении установленных законом книг». В указе констатировалось, что еще в самом начале XIX в. Косиковского обвинили в тайном вывозе хлеба в Швецию; недозове в адмиралтейские магазины казенного провианта; в нарушении заключенного контракта о постройке в Ревеле госпитальных корпусов. В ходе проверки «открылось, что во многих местах не оказалось самых нужнейших к раскрытию

истины документов, именно за то время, за которое Косиковский судится». Сенатский указ отмечал «чрезвычайное небрежение о сохранении и целости дел, книг и реестров, содержащихся в архивах», и предписывал строго исполнять все требования о бережном отношении к архивным материалам «под опасением за неисполнение того предания суду по всей строгости законов»¹³. Но эти пожелания не были воплощены в жизнь.

Столь же малоэффективны были проводящиеся на местах сенаторские ревизии. Так, в 1828 г. проводилась ревизия ряда районов Сибири, в ходе которой возникло предложение о создании в каждом городе единого архива для хранения документов всех присутственных мест. Но и эта позитивная инициатива потонула в томах канцелярской переписки и не была реализована.

В некоторых законах имелись параграфы, посвященные архивным учреждениям. Например, предписывалось ежегодно проводить проверки архивов губернских правлений с целью выявления и устранения недостатков¹⁴. Фактически же такие проверки носили эпизодический характер.

В соответствии с законом документы в архивах следовало содержать «в надлежащей исправности и порядке», на материалы составлять описи и алфавиты, «дабы в случае справок не было затруднения в приискании и никакое дело не могло утратиться»¹⁵. Но и эти требования, как правило, не соблюдались.

Неоднократно указывалось на необходимость улучшить положение с помещениями и оборудованием. Так, «Учреждение губернских правлений» 1845 г. предписывало, что помещение «архива должно быть просторное, сухое, со сводами, с каменными или кирпичными полами», оборудованное «отдушниками» для очистки воздуха, теплое. Печи (во избежание пожара) должны были находиться «вне самого помещения». Дела следовало размещать в шкафах или на полках, чтобы «между ними был свободный проход». Однако на самом деле материалы складывались в большинстве случаев в непригодных, часто подвальных помещениях.

Само законодательство об архивах в этот период было весьма несовершенно. Если в XVIII в. предпринимались попытки провести концентрацию материалов местных учреждений, то теперь создавалась множественная и дробная сеть архивов. «Свод губернских учреждений» предписывал, чтобы в «присутственном месте» было два архива: «текущий и оконченных дел (окончательный)», причем если «архив текущий» составляли материалы (уставы, инструкции, документы, книги), «которые нужны для справок и соображений по текущему производству дел», то «архив окончательный» составляют дела, не подлежащие более решению и исполнению¹⁶. Законодательство не предъявляло никаких требований к архивным кадрам, не заботилось о повышении их профессионального и общеобразовательного уровня.

Организация хранения документов. Возникшая еще в XVIII в.

тенденция к перегруппировке материалов исторических архивов по принципу принадлежности наблюдалась и в дореформенный период. Особенно явственно она проявилась в Московском главном архиве МИД. В 40-е годы под руководством его управляющего М. А. Оболенского проходила пересистематизация документов, которые разделили на три «разряда»: 1 — архив древний, содержащий в себе дела с 1265 по 1700 г.; 2 — архив старых дел с 1700 по 1762 г.; 3 — архив новых дел с 1762 по 1801 г. В свою очередь каждый разряд был разделен на два отделения, хранящие дипломатические материалы и документы внутривластного характера. Дипломатические дела каждого разряда были расчленены на европейскую и азиатские части, а внутри них — по государствам и по хронологическому принципу. Кроме того, комплексы материалов подразделялись на группы в зависимости от делопроизводственных форм (книги, столбцы, грамоты и т.д.). Таким образом, начатая еще Г.-Ф. Миллером перегруппировка материалов по искусственно созданным тематическим коллекциям была доведена до логического завершения и одновременно приспособлена к деятельности архива по выполнению запросов МИД и обслуживанию посетителей читального зала.

Такая пересистематизация документов затронула также Государственный архив МИД. Еще в 1834 г. по указанию царя источники стали концентрироваться в двух отделениях: в первом — преимущественно династические материалы, во втором — материалы о классовой борьбе и развитии русской общественной мысли (дела Тайной канцелярии, Тайной экспедиции Сената и др.) В 40-е годы была предпринята попытка разделить материалы фондов кабинета е.и.в., статс-секретарей и органов политического сыска XVIII в. по формально-логическому принципу. На основе этих источников было создано 20 коллекций. Таким образом, и в этом архиве отказались от организации хранения дел по принципу происхождения, но пересистематизации подверглись не все дела, а важнейшие для самодержавия комплексы источников.

В архивах действующих учреждений России продолжал практиковаться метод классификации архивных материалов по делопроизводственным структурам. Как известно, циркуляр французского Министерства внутренних дел 1841 г., в котором был сформулирован Л. Гадебледом и Н. де Вайи принцип происхождения, рассматривался как поворотный пункт в истории архивного дела. Однако и в русском архивоведении виден подобный подход к организации хранения документов. Закон «Учреждение губернских правлений» 1845 г. требовал в архиве «располагать и содержать дела постоянно в том самом порядке, в каком они были в Столе и в каком поступают... при подлинных настольных рестах». Этот закон впервые в мировой практике поставил вопрос о сохранении внутренней структуры документальных комплексов, предписывая материалы располагать «по Отделениям, Столам и по годам... Вновь заводимый архивный порядок должен быть

строго соблюдаем... а дела прежних лет приводятся последовательно в возможное устройство по тому порядку, как значатся в старых описях»¹⁷. В законе 1845 г. был хорошо выражен принцип происхождения. Отметим, что французский циркуляр 1841 г. предписывал перестраивать внутреннюю структуру фонда по тематическим рубрикам¹⁸. Таким образом, отечественное архивоведение в данном вопросе имеет неоспоримый приоритет.

В русском архивном деле все явственнее прослеживаются две тенденции: организация хранения документов в соответствии с принципом происхождения в архивах действующих учреждений и принципом принадлежности — в исторических архивах.

Архивы народов, вошедших в состав России. В первой половине XIX в. в состав России вошли народы Кавказа, имевшие давние культурные традиции. Так, на территории Урарту (IX—VI вв. до н.э.) историки обнаружили значительное количество наскальных надписей. Советским археологам удалось найти недалеко от Еревана остатки архива-хранилища глиняных табличек с клинописным текстом, на которых зафиксированы хозяйственные и юридические документы. Обнаружены также вислые печати с остатками шнурков.

В период феодальной раздробленности в Закавказье было несколько царств (Карталинское, Кахетинское, Имеретинское), ряд княжеств и ханств. Они поддерживали контакты между собой и с другими государствами, в результате чего складывались комплексы дипломатических документов. Народы Закавказья достигли высокой ступени государственности, о чем свидетельствуют многочисленные архивы в правительственных учреждениях, у церковных и светских феодалов. В источниках фиксировались права феодалов на землю и другие привилегии, обязанности крестьян, их тяжелое положение, вызванное усиливающейся эксплуатацией. Наиболее древние документы относились к XI в.: в их числе гуджары (жалованные грамоты грузинских царей), фирманы (грамоты персидских шахов), сигели (ханские грамоты) и др. Научный интерес представляют писцовые книги, содержавшие описание крестьянских хозяйств. Они составлялись с целью налогового обложения. На их основе разрабатывались податные (окладные) книги. Эти источники в сочетании с донесениями окружных начальников (моуравов, наивов, беков и т.д.), материалами юридического характера и другими документами позволяют осветить вопросы экономической, политической и культурной жизни народов Закавказья.

Этот регион неоднократно захватывали турецкие и персидские войска, что приводило к гибели материалов. Документы уничтожались также в ходе феодальных междоусобиц, от стихийных бедствий и плохих условий хранения. Определенный вклад в дело собирания и спасения источников внесли церковники. Грузиноимеретинская синодальная контора начиная с 1818 г. занималась собиранием документов, отложившихся в архивах церкви и мо-

настурей. В ее архиве было сконцентрировано значительное количество указов, гуджаров, фирманов, административных и юридических материалов и других источников, освещавших положение христианской церкви в регионе, церковное землевладение, эксплуатацию крестьян и т.д. Собрание источников преследовало цель сохранить документы, подтверждающие привилегии духовенства. Однако благодаря этому до нас дошли важные источники. В 1852 г., в связи с передачей церковных земель в казну, этот документальный массив поступил в архив Кавказского наместничества. Ценные комплексы источников имелись также в архивах Марткобского, Кватахевского и других грузинских монастырей. Богатейшее собрание древнеармянских рукописей было сконцентрировано в архиве Эчмиадзинского монастыря, составившем в 1920 г. основу Матенадарана. После присоединения Закавказья к России были созданы губернии, которые делились на уезды. При губернских и уездных учреждениях создавались архивы, в которые попадали также древние источники. Значительное количество таких материалов отложилось в архивах административных и судебных органов. Однако их концентрация (по аналогии с материалами до XVIII в. Украины, Белоруссии и Литвы) не была произведена, хотя в 1830 г. в Грузии было обнаружено большое количество фальсифицированных грамот на приобретение дворянства.

После учреждения на Кавказе наместничества (1844) были созданы канцелярия наместника (с 1859 г. — Главное управление наместника) и архив. В нем было сосредоточено большое количество источников о войнах с Ираном и Турцией, взаимоотношениях с этими странами, об экономической, социальной и культурной жизни региона. Многие материалы были выполнены на арабском, грузинском, армянском и других языках.

Начавшееся в этот период уничтожение дел широко охватило окраины России, в том числе и Кавказ. Много важных материалов вывезли в Петербург. Так, в 1843 г. для А. И. Михайловского-Данилевского, работавшего над историей русско-иранской войны 1804—1813 гг., было отправлено значительное количество документов, причем на местах не осталось даже копий. Несколько позднее (в 60—70-е годы) из архива Главного управления наместника в Государственный архив МИД передали ряд ценных документов (подлинную грамоту Александра I имеретинскому царю Соломону о принятии Имеретии в русское подданство, ответную грамоту Соломона 1804 г., именные указы и рескрипты Александра I и Николая I кавказским наместникам и др.), а в Петербургскую публичную библиотеку — свыше 20 подлинных гуджаров и фирманов. Кроме того, многие древние документы, оформленные с большим художественным вкусом, присваивались местными администраторами и попадали в частные коллекции или в рукописные отделы столичных библиотек и музеев. Документы уничтожались порой во время народных восстаний. Например, в городе Елизаветполе в 1826 г. восставшие сожгли ряд архивов, причем

с материалами царских учреждений сгорели некоторые древние источники.

Сеть правительственных учреждений и их архивов на Северном Кавказе была близка к общероссийской. Архивные источники освещали политику царского правительства в регионе, особенности развития феодализма, имущественное расслоение и классовую борьбу в аулах. Интересны материалы о социально-экономическом положении края, развитии кустарной промышленности, количестве скота, урожаях, открытии минеральных источников и др. Ценные дела были сконцентрированы в так называемом Кизлярском комендантском архиве, который включал в себя документы астаринского, бакинского, дербентского и куринского комендантов, крепостей Терской, Святого Креста и Кизляра, походных канцелярий генералов А. П. Девица, В. Я. Левашова, Г. И. Фаминцина и др. Эти материалы содержат сведения о сношениях России с Ираном, Турцией, дагестанскими, кабардинскими и чеченскими владельцами, строительстве крепостей, ходе военных действий, борьбе горцев за свою независимость.

Использование архивных документов. В этот период шире стали использоваться документы, несмотря на то что работу по их поиску сильно затруднял низкий уровень учетно-справочного аппарата. Материалы часто не были разобраны, в помещениях царил беспорядок. Требовались сноровка и многолетняя служба в архивах, чтобы разыскать нужные документы.

Справочная работа архивных учреждений. Основным направлением в деятельности архивов считалось выполнение запросов правительственных учреждений и частных лиц. В это время уменьшился удельный вес не выполненных запросов, хотя он и оставался достаточно высоким.

Интенсивно использовались материалы дипломатических архивов при разграничении русских земель со Швецией, Пруссией и другими странами. В Государственном архиве МИД хранился составленный делопроизводителем Следственной комиссии о восстании декабристов А. Боровковым «Алфавит членов злоумышленных обществ». Когда родственники осужденных декабристов обращались к царю с просьбой о смягчении участи осужденных, Николай I прибегал к этому справочнику, прежде чем принять решение.

Столичные архивы вели большую справочную работу, причем она носила более оперативный характер, чем на местах. При наведении справок предпочтение отдавалось правительственным учреждениям. Запросы частных лиц, в основном представителей эксплуататорских классов, выполнялись во вторую очередь. Они касались прав на владение землей и крестьянами, продажи имений, службы предков и т.д. Подготовка ответов часто сопровождалась вымогательствами со стороны архивных чиновников. Архивы давали также справки о службе чиновников для награждения орденами и знаками отличия за выслугу лет и выдачи пенсий.

Процент же мастеровых, вольноотпущенных и крепостных крестьян, обращавшихся с запросами, был очень мал.

Возросло использование документов в военных целях, причем архивные источники порой играли важную роль. Так, 21 августа 1812 г. (т.е. до Бородинской битвы и оставления Москвы) по требованию М. И. Кутузова из Межевого архива под расписку были взяты губернские и уездные карты Московской, Смоленской и Калужской губерний¹⁹. Это свидетельствует о глубине стратегического предвидения великого русского полководца, который верно предполагал, где будут разворачиваться последующие военные события.

В начале Крымской войны, когда было возможно нападение на Кронштадт и Петербург, архив Военно-топографического депо подготовил карту Кронштадского залива и побережья, которая отвечала общим требованиям «по части военно-сухопутной, морской, инженерной, артиллерийской и пр.». Военные архивы снабжали картографическими материалами воинские части, штабы, а иногда и другие ведомства. Они проводили также значительную справочную работу. Сначала военные архивы отвечали на запросы исключительно по требованию представителей дворянства. Примерно с середины XIX в. стали составляться справки, освещающие службу «нижних чинов». Из рекрутских отчетов, формулярных списков и других источников отыскивались сведения о времени поступления солдат на службу, их возрасте во время призыва, о том, живы или умерли на службе «нижние чины». Но таких справок было немного.

Дела Межевого архива использовались для устройства военных поселений. Для проведения топографических работ привлекались картографические материалы Межевого и Разрядно-Сенатского архивов.

Пристальный интерес к русским архивным документам проявлял Наполеон в сентябре 1812 г. Он даже хотел обнародовать «Пугачевские манифесты». К нему был доставлен член присутствия Поместно-Вотчинного архива А. Д. Бестужев-Рюмин, оставшийся в Москве. Наполеон спрашивал его о материалах по Крестьянской войне 1773—1775 гг. Но в этом архиве таких документов не оказалось. Наполеон интересовался также пресловутым «завещанием Петра I». Само собой разумеется, что в русских архивах и не могло отложиться подобного источника, поскольку Петр I завещания не оставил.

Наиболее сложные запросы, как правило, выполняли исторические архивы. Например, во второй половине 20-х годов к помощи Московского и Петербургского архивов старых дел прибегала Комиссия по составлению законов, которую возглавлял М. М. Сперанский. В архивы присылались тетради с текстами указов для проверки их по материалам. Архивисты вносили также необходимые дополнения, если в присланных тетрадях имелись пробелы.

По запросу Академии наук в 1840 г. сотрудниками Межевого архива была составлена «Ведомость о количестве земель по угодьям, под усадьбами, пашнями, сенокосами, лесами, водами, песками, болотами — на 26 генерально-обмежеванных тогда губерний. Академия наук нашла сведения... весьма ценными и благодарила за труды»²⁰.

В то же время справочное значение исторических архивов (за исключением Межевого) постоянно падало. Объем такой работы в Поместно-Вотчинном архиве к середине XIX в. (по сравнению с 80-ми годами XVIII в.) сократился почти в семь раз.

Собирание исторических источников. В первой половине XIX в. в результате развития исторической науки усилился интерес к архивным материалам. Поэтому расширилась работа по собиранию источников. Созданная в 1809 г. специальная комиссия сенатора Бороздина обследовала ряд городов севера России и Украины с целью осмотра и описания древних книг, документов, а также археологических памятников.

Успешной была деятельность «Румянцевского кружка». В нем насчитывалось свыше 50 ученых разных поколений (Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, М. П. Погодин, Д. П. Попов, А. Х. Востоков, И. И. Григорович и др.), которые группировались вокруг канцлера Н. П. Румянцева. Многие из них являлись архивистами или же были тесно связаны с архивными учреждениями. Члены кружка занимались выявлением, описанием и публикацией документов, разработкой исторических исследований и т.д. Значительная финансовая помощь и обширные связи канцлера создавали благоприятные условия для работы ученых.

Интенсивно деятельность кружка протекала в Москве, где организационным центром стала Комиссия печатания государственных грамот и договоров; в Петербурге, где историки собирались в доме Н. П. Румянцева; в западных районах страны (Гомеле, Полоцке и Вильно)²¹. П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, И. И. Григорович и другие ученые выявили и опубликовали ряд ценных источников (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г. и др.). Свыше 10 лет функционировал этот кружок, но вскоре после смерти Румянцева (1826) его деятельность прекратилась.

Новым явлением в истории архивного дела стало широкое и планомерное выявление материалов в местных архивах. С такой инициативой выступил П. М. Строев. В 1823 г. он прочитал в Московском обществе истории и древностей российских, основанном в 1804 г. при Московском университете, доклад о плане проведения археологической экспедиции. По замыслу П. М. Строева, экспедиция за 4—5 лет должна была обследовать архивохранилища и библиотеки церквей и монастырей северной, центральной и западной части Европейской России. Проект П. М. Строева не встретил поддержки в Московском обществе истории и древностей российских. В 1828 г. он обратился в Академию наук с видеоизме-

ненным проектом, по которому продолжительность экспедиции увеличивалась до 6—7 лет и обследованию подлежали также архивы ряда местных учреждений. Академия наук исходатайствовала на нужды экспедиции необходимые средства и добилась содействия от министерств народного просвещения, внутренних дел и финансов. Только на третий год стал оказывать некоторое содействие и Синод.

Археологическая экспедиция, длившаяся с начала 1829 г. по декабрь 1834 г., проводилась архивистами. Сам Строев на это время был зачислен в штат Московского архива КИД. Ему помогали два работника этого же архива. Правда, столкнувшись с большими трудностями, они через год покинули Строева. Новым помощником Строева стал Я. И. Бередников, который всю жизнь был тесно связан с деятельностью архивных учреждений. Археологическая экспедиция обследовала более 200 хранилищ в 13 северных и центральных губерниях Европейской России и собрала свыше 3 тыс. документов и рукописей за XIV—XVII вв. (Евангелие 1339 г., уставные грамоты XVI в. и др.).

Главный результат экспедиции — возникновение в 1834 г. Археологической комиссии, опубликовавшей значительное количество источников. Но возглавил ее далекий от науки чиновник П. А. Ширинский-Шихматов. Некомпетентное руководство тормозило работу Археологической комиссии. Например, П. М. Строев и Я. И. Бередников обнаружили большие утраты материалов на местах. Многие документы погибли от пожаров, сырости, были расхищены. У Строева возникла мысль о необходимости создания в Москве и Петербурге хранилищ для материалов монастырей и местных архивов и специальной «археологической» школы для подготовки архивных работников. Брат видного археолога, С. М. Строев изучил в Париже опыт работы Школы хартий. Его сообщение обсуждалось на заседаниях Археологической комиссии, но дальше разговоров дело не пошло.

В работе экспедиции имелись недостатки. Ее деятельность была, в сущности, проявлением коллекционирования: из фондов выбирались некоторые ценные материалы, а оставшиеся дела обесценивались в глазах местных властей и зачастую потом уничтожались. Кроме того, не все выявленные документы были сданы в Археологическую комиссию, многие из них попали в руки частных коллекционеров.

Несколько позже совершил археологическую экспедицию Н. В. Калачов, впоследствии выдающийся архивист. В летние месяцы 1852—1854 гг. он обследовал хранилища ряда центральных губерний России (Орловской, Саратовской, Пензенской, Самарской и др.), в которых не смогли побывать П. М. Строев и Я. И. Бередников. Особое внимание Калачов обращал на архивы правительственных учреждений. Он также обследовал хранилища монастырей и ряда дворянских фамилий: Головиных, Каховских, Юматовых. Из поездок Калачов привозил рукописи или копиянные материалы. В их числе были и источники XIV в., напри-

мер запись на землю, данная Сергию Радонежскому. Собранные материалы он опубликовал в документальных публикациях «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (М., 1850—1861. Кн. 1—3) и «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» (СПб., 1858—1859. Кн. 1—6). Тогда же начали публиковаться «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», вышедшие под редакцией Калачова (СПб., 1857—1884. Т. 1—3).

Выявление источников по отечественной истории проводилось также в западноевропейских хранилищах. Брат знаменитого археолога С. М. Строев познакомился с материалами 26 архивов и библиотек. В Парижской королевской библиотеке им было описано 23 рукописи, в Берлине — 17, в Вене — 10. Всего он обнаружил 72 ценных источника. С. М. Строев составил лаконичное «Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции» (М., 1841).

А. И. Тургенев в 30—40-е годы работал в архивах и библиотеках Парижа, Берлина и Веймара, снимая копии с источников по истории России XVIII в. Сделанные выписки составили шесть портфелей. Тургеневу удалось также приобрести коллекцию бывшего секретаря французского посольства в России Кальяра и часть архива бывшего посла Франции в Петербурге Верака. Собранные им материалы по распоряжению Николая I в 1842—1844 гг. были переданы в Государственный архив МИД.

Н. Г. Устрялов в 1845—1846 гг. скопировал в архивах Австро-Венгрии и Италии материалы о жизни царевича Алексея Петровича в этих странах, а затем подарил эту коллекцию Государственному архиву МИД.

Работа исследователей в архивах. Отечественная война 1812 г., показавшая беспримерное мужество и патриотизм русского народа, послужила толчком к изучению его прошлого. Это повысило интерес к архивным источникам. В некоторых столичных архивах в дореформенный период были оборудованы комнаты для ученых, где они изучали источники под присмотром архивистов в течение 3—4 часов в день. Историки, работавшие над местными материалами, занимались в одном помещении с архивными чиновниками. Архивы многих учреждений, в том числе органов политического сыска, были недоступны для исследователей. Даже к материалам исторических архивов (Государственный архив МИД, Архив Военно-топографического депо и др.) допуск разрешался лично царем или руководителями ведомств.

Еще в 1803 г. начал свою работу Н. М. Карамзин, назначенный «российским историографом». Он привлек материалы ряда архивов, библиотек и частных коллекций, широко использовал дела Московского архива КИД, причем ему выдавались некоторые секретные материалы. Сначала Карамзин занимался в поме-

щении архива, но с 1805 г. ему стали давать архивные источники домой. После переезда Карамзина в Петербург документы пересылались ему туда из Москвы. Благодаря широкой источниковой базе его «История государства Российского» явилась весомым вкладом в отечественную историческую науку и получила высокую оценку современников. Например, А. С. Пушкин посвятил ему драму «Борис Годунов».

Много и продуктивно работал над документами столичных и местных архивов А. С. Пушкин. Фронт его научных интересов был широк: Крестьянская война 1773—1775 гг., первым историографом которой он являлся, история Петра I, походы А. В. Суворова. На протяжении многих лет великий поэт занимался изучением архивных материалов и относился к этому делу с большим увлечением. Об этом свидетельствует его письмо к П. В. Нащокину от 21 июля 1831 г.: «Зимой зареюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем».

В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского архива МИД рукописи «Пугачевского» портфеля Г.-Ф. Миллера, среди которых находились материалы о М. Шванвиче. На их основе был создан образ Алексея Швабрина в «Капитанской дочке»²³.

Архивные документы часто выдавались Пушкину на дом. В процессе работы над ними он делал пометы в тексте исторических источников. Поэтому ценность материалов, имеющих автографы великого поэта, значительно возросла.

Интенсивнее других хранилищ использовались источники Московского главного архива МИД. Его документы изучали Евгений Болховитинов, Д. Н. Блудов, М. М. Сперанский, П. М. Строев, В. Тимковский, академики Ф. И. Аделунг и И. Х. Гаммель и др.

Самым малодоступным из числа исторических архивов являлся Государственный архив МИД, в котором работали отдельные исследователи «по высочайшему повелению». Длительное время его материалы изучал статс-секретарь М. А. Корф. Для него первого были распечатаны документы о движении декабристов. Им, в частности, была написана книга «Восшествие на престол императора Николая I», которая в 1848 и 1854 гг. была опубликована тиражом в 25 экземпляров «для членов императорского дома и немногих приближенных» и только в 1857 г. вышла для широкой аудитории. Восстание декабристов трактовалось им как «бунт кучки злодеев», что вызвало возмущение прогрессивной общественности.

В военных архивах занимались, как правило, генералы и офицеры М. И. Богданович, Д. П. Бутурлин, Е. П. Ковалевский и др. Источники столичных и кавказских архивов использовал А. И. Михайловский-Данилевский. Интересен его подход к составлению труда «Описание Отечественной войны 1812 г.». Он отме-

чал, что привлек широкий круг источников, «поверяя и сличая взаимно их достоверность».

Большими льготами пользовались лица, которые вели занятия с наследниками престола. Профессор К. И. Арсеньев, преподававший статистику будущему Александру II, мог основательно изучить источники московских сенатских архивов. Для него по документам Межевого архива в 1829 г. были сделаны таблицы и экономические описания губерний. Для поэта В. А. Жуковского, который вел с цесаревичем занятия по истории, были открыты секретные дела Кабинета Петра I. Академик И. Х. Гаммель получил возможность широко привлекать материалы московских сенатских архивов по истории промышленности, которые раньше были недоступны исследователям. Выдающийся историк С. М. Соловьев в 50-е годы испытывал большие затруднения при работе над источниками Государственного архива МИД. После назначения преподавателем истории к цесаревичу Соловьеву были открыты даже многие секретные комплексы дел, а из Московского главного архива МИД и Московского архива Министерства юстиции материалы ему выдавались на дом. Широко привлекал он документы других архивов. Это позволило историку создать фундаментальные труды, не потерявшие своего значения и в настоящее время.

В дореформенный период сами архивисты стали шире привлекать документальные источники. Например, заведующий Московским отделением архива инспекторского департамента Слещев в 1833 г. изучал источники, «относящиеся до хроники русской армии» в Разрядно-Сенатском архиве. За полгода он изучил около 300 книг Разрядного и Малороссийского приказов. Очень продуктивной была работа в архивах П. М. Строева. Значительное количество статей подготовил по архивным источникам П. И. Иванов. Он привлекал документы Межевого, московских сенатских и других архивов.

Таким образом, в этот период заметна тенденция к расширению использования документов. Сложным был допуск к архивным материалам. Низкий уровень учетно-справочного аппарата сильно затруднял розыски. Несмотря на большие препятствия, шире стал круг архивов и фондов, изучавшихся учеными. Число исследователей, использующих архивные источники, постепенно возрастало. Но в основном это были консервативные исследователи. Характерной особенностью данного периода являлось также то, что материалы сравнительно часто (по сравнению с последующим периодом) выдавались историкам на дом. Такими льготами пользовались Н. М. Карамзин, И. Х. Гаммель, М. А. Корф, Н. Г. Устрялов и др.

Научно-издательская деятельность архивов. В начале XIX в. архивные учреждения приступили к самостоятельной публикаторской работе. В 1811 г. при Московском архиве КИД была создана Комиссия печатания государственных грамот и догово-

ров. Помещалась она в архиве, при ней учреждалась типография. Комиссия занималась выявлением документов, подготовкой их к печати, а также реализацией выпущенных изданий. Возглавлял Комиссию директор архива, сотрудничали в ней видные исследователи П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, М. П. Погодин и другие. В 1813—1828 гг. Комиссия выпустила 4 тома «Собрания государственных грамот и договоров», которые включают материалы по внутренней истории России за 1265—1696 гг. Они освещают периоды феодальной раздробленности, образования и упрочения централизованного государства, а также развитие городов, торговли и др. Имеются документы о восстании крестьян под предводительством С. Т. Разина, об участии народных масс в войнах, которые вела Россия, что было для публикаций того времени редким явлением.

Во второй четверти XIX в. деятельность Комиссии затухает, что было вызвано недостатком средств. Ведь первые ее издания финансировал Н. П. Румянцев, который пожертвовал около 100 тыс. руб. ассигнациями. Но после его смерти ассигнования прекратились, и Комиссия стала заниматься в основном рассмотрением коммерческих вопросов, изысканием средств для продолжения публикации документов. Это еще раз показывает, каким случайностям было подвержено дело публикации документов в дореволюционной России.

До конца XIX в. Комиссия не смогла издавать материалы, имеющие научное значение. В целях прославления самодержавия она выпустила «Книгу в лицах об избрании на царство Михаила Федоровича Романова» (М., 1856), которая содержит богатый иллюстративный материал.

Архивные источники издавались центральными учреждениями. Архив Морского министерства публиковал некоторые материалы в «Собрании законов и постановлений, до морской части относящихся», которое выходило до 1859 г. С 1837 г. издавались «Записки Военно-топографического депо» (вышло 26 томов). В них печатались отчеты о работе архива и другие материалы. С 13-го тома (1850) начали публиковаться источники по русской военной истории (о Северной войне, войнах с Турцией в XVIII в., войнах с Францией начала XIX в. и др.). Ряд опубликованных документов в «Записках», в том числе и отчеты депо, носят уникальный характер, так как архивные подлинники утеряны.

В 40-е годы развернулась работа по опубликованию исторических материалов в западных районах страны. Для этой цели были созданы Киевская (1843) и Виленская (с 1842 г. — временная, с 1864 г. — постоянная) археографические комиссии. На них была возложена задача выявлять важные в политическом отношении документы, показывающие необоснованность притязаний польской шляхты на Украину и Литву. Так, основной задачей Виленской комиссии являлась публикация документов, доказывающих «первоначальную самостоятельность прежней Литвы, близкую

связь ее с Россией и стремление польского правительства и дворянства к подавлению этой самостоятельности и к совершенному ополячению края»²⁴. Аналогичные задачи были поставлены перед Киевской комиссией. Это был наглядный пример публикации материалов в политических целях. Работа комиссий пользовалась поддержкой правительства, понимающего необходимость «...всемерно поощрять издания, подобные тем, которые составляют предмет занятий Киевской комиссии»²⁵.

Основной базой для издательской работы комиссий явились Киевский и Виленский архивы древних актов. Кроме того, привлекались материалы частновладельческих, монастырских и правительственных архивов. Киевская комиссия сначала выпустила четырехтомное издание «Памятники», а впоследствии опубликовала 41 том «Архив Юго-Западной России» и некоторые другие.

Виленская комиссия издавала в дореволюционный период «Акты» (38 томов). Большое внимание в публикации уделяется показу деятельности православной церкви, экономических и культурных связей русского и литовского народов. Печатались также материалы о положении сословий в различные периоды, а также акты юридического характера и другие материалы.

Архивисты оказывали помощь учреждениям, публиковавшим документы. Так, в 30-е годы Академия наук подготовила и опубликовала 141 дипломатический акт XIV—XVI вв. Всю черновую работу проделали сотрудники Московского главного архива МИД: «копии с трактатов списывались, проверялись в архиве и высылались в С. Петербург». Точно так же обстояло дело, когда II отделение с.е.и.в. канцелярии стало издавать с 1847 г. статейные списки.

Таким образом, сотрудники архивных учреждений и Археографической комиссии, а также отдельные архивисты (члены Румянцевского кружка, Н. В. Калачов и др.) издали значительное количество источников. Несмотря на их классовую направленность, документальные издания сыграли определенную положительную роль, так как способствовали расширению источниковой базы и тем самым прогрессу исторической науки. Публикация документов имела важное значение для демократически настроенной интеллигенции, которая не могла получить доступ в архивы. Положительно оценивали издательскую деятельность революционные демократы. Об этом свидетельствуют отзывы Н. Г. Чернышевского на сборники документов в журнале «Современник».

* *
*

В первой половине XIX в. произошли значительные изменения в области архивного дела. Документы ведомственных и исторических архивов стали уничтожаться, причем уничтожение постепенно освободилось от контроля высшей власти. Большое количество

документов погибло в Отечественную войну 1812 г. Это нанесло большой ущерб источниковой базе исторической науки.

Создание новых органов государственной власти и государственного управления (Государственный совет, отделения собственной е.и.в. канцелярии, Комитет министров, министерства) привело к концентрации архивных документов в соответствии с функциями этих учреждений. Происходило выделение наиболее важных для самодержавия материалов и концентрация их в исторических архивах (Государственный архив МИД, Архив Военно-топографического депо). Концентрация документов наблюдалась и в системе исторических архивов (создание Московского архива Министерства юстиции). Возникли также исторические архивы на местах. Несмотря на реакционные цели, которые преследовало самодержавие при учреждении таких архивов, их создание сыграло положительную роль. Ценные документы были упорядочены и в известной степени стали доступны для исследователей.

От системы множественной, дробной сети архивов, сложившейся в первой четверти XIX в., наблюдается попытка перейти к концентрации материалов ведомств (Морское министерство, ведомство государственного контроля).

Началось интенсивное соби́рание исторических документов, причем оно перешагнуло границы России.

В разработке справочного аппарата был замечен прогресс. Архивисты стали составлять новые виды справочников: обзоры и путеводители, причем частично они были опубликованы. Благодаря этому научная общественность была информирована о документальных богатствах отдельных архивов. Архивы опубликовали ряд ценных источников, что способствовало развитию исторической науки.

Глава 5

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Кризис крепостничества в середине XIX в. вызвал необходимость буржуазных реформ. Характеризуя «эпоху реформ», В. И. Ленин писал: «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»¹.

В результате буржуазных реформ произошли значительные изменения в системе государственных учреждений. В этих условиях наблюдается оживление архивной работы в связи с массовой сдачей в архивы документации упраздненных и преобразованных учреждений; создаются новые исторические и ведомственные ар-

хивы; реорганизируются существующие архивы. Это в целом положительно сказалось на развитии архивного дела. Заметно оживилась деятельность по разборке документов, приведению их в порядок, составлению справочного аппарата.

Архивы правительственных учреждений. В этот период возник ряд высших учреждений. С 1857 г. начал функционировать Совет министров, но законодательно его создание было оформлено в ноябре 1861 г. Его председателем являлся император, а членами — крупнейшие сановники и министры. Совет министров рассматривал вопросы общегосударственного значения, что придает важное значение его документации. В его архиве отложились годовые отчеты и обзоры о деятельности министерств; записки и доклады о студенческих волнениях в 1861—1862 гг.; материалы комитетов и комиссий, разрабатывающих проекты буржуазных реформ; «всеподданнейшие» доклады с предложениями различных преобразований и др. В основном это материалы за конец 50—60-х годов, так как в 70-е годы деятельность Совета министров затухает, а с 1882 г. прекращается вообще.

Архивные материалы содержат сведения о карательных действиях правительственного аппарата против революционных демократов. В апреле 1866 г. была создана следственная комиссия, а затем Верховный уголовный суд по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II. В фонде отложились показания обвиняемых, акты о производстве обысков, журналы заседаний, речи защитников, приговор и протокол о его исполнении. Аналогичные материалы возникли в результате рассмотрения Верховным уголовным судом дела о покушении А. К. Соловьева на Александра II в апреле 1879 г.

В архиве Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия, возглавляемой М. Т. Лорис-Меликовым (1880), концентрировались в основном материалы, направленные из Министерства юстиции и III отделения с.е.и.в. канцелярии. Это источники об обвиняемых в принадлежности к революционным организациям, печатных изданиях организаций «Народная воля» и «Черный передел», о революционной пропаганде, стачках рабочих, а также дела о политических ссыльных, донесения жандармских офицеров о производимых ими «дознаниях» и др.

Интересны материалы сенаторских ревизий: А. Х. Капгера (1861—1863), П. Н. Клушина (1870—1871), М. Е. Ковалевского (1880—1881) и И. И. Шамшина (1880—1883), которые обследовали ряд губерний Европейской России. В этих фондах отложились материалы о злоупотреблениях местной администрации, грабительском характере реформы 1861 г., волнениях среди крестьян и рабочих, а также списки арестованных участников волнений, прошения жителей, сведения о деятельности местных учреждений, отчеты о ревизиях.

Изменения в сети высших учреждений отразились на судьбе их

архивов. В 1872 г., после упразднения 6-го и 7-го департаментов Сената их материалы вошли в Московский архив Министерства юстиции. В начале 80-х годов в архивы Государственного совета и Департамента полиции поступили соответственно фонды ликвидированных II и III отделений с.е.и.в. канцелярии.

Перемены затронули также архивы центральных учреждений. В 60—70-е годы в большинстве министерств (за исключением Военного и Министерства финансов) были созданы единые архивы, находившиеся обычно в ведении департаментов общих дел или канцелярий министров. Однако концентрация ведомственных материалов не была последовательной, так как архивы департаментов и структурных частей министерств упорно возрождались. Намного были сокращены также штаты в архивах центральных учреждений и несколько уменьшены ассигнования на их нужды. Однако это не затронуло архивы органов политического сыска. В 1880 г. в составе Министерства внутренних дел был создан Департамент государственной полиции (с 1883 г. — Департамент полиции), который унаследовал в основном функции III отделения с.е.и.в. канцелярии. В его архив поступали материалы о борьбе с революционным и общественным движением; разработке полицейских законопроектов и инструкций; ходе политических познаний; гласном и негласном надзоре за подозреваемыми в «неблагонадежности» лицами; фабрично-заводском законодательстве; борьбе с народовольцами, рабочим движением, распространением марксизма. Этот комплекс дел можно разделить на две группы: материалы революционных и прогрессивных политических партий, съездов, конференций, а также листовки, изъятые жандармами рукописи, перлюстрации писем и т.д. и документы органов политического сыска (переписка департамента с охранными отделениями и жандармскими управлениями, докладные записки, рапорты, агентурные донесения и др.). Заслуживает внимания распорядительная документация: приказы, предписания, инструкции и циркуляры. С помощью этих материалов, в которых определялись основные методы борьбы с революционным движением, осуществлялось руководство местными жандармскими органами. К этой же группе относятся дела некоторых комиссий и совещаний, чья деятельность затрагивала функции Департамента полиции («Переписка по вопросу создания Комиссии для изучения рабочего вопроса. 1881 г.», материалы «Об образовании при Министерстве внутренних дел Особого совещания для составления нормальных правил для фабрикантов и рабочих. 1885 г.» и др.). Такие источники поступали в архив департамента в виде копий.

Особую ценность представляют документы о возникновении и энергичной деятельности членов РСДРП. В Департаменте полиции были заведены персональные дела на В. И. Ленина и других видных деятелей партии. В архиве отлагались также донесения, отчеты, обзоры губернских жандармских управлений и охранных отделений, в которых имелись сведения о ленинской партии

и ее руководителей. Например, в донесении Петербургского охранного отделения в Департамент полиции (осень 1898 г.) говорилось об издании книги В. И. Ильина «Экономические этюды и статьи». В донесении сообщалось, что «автор более известен под другим своим псевдонимом — Тулин. Настоящую фамилию его знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это политический ссыльный В. И. Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году»².

Сеть архивов высших и центральных учреждений и характер их материалов изменились незначительно. Их положение было гораздо лучше, чем у местных архивов.

Многочисленные комплексы дел по местной истории создавались в результате деятельности губернских правлений, которые были освобождены в 1865 г. от второстепенных административно-хозяйственных функций. В связи с этим несколько изменился характер документов их архивов. В них сильно возрос процент источников о росте рабочего движения; открытии и расширении фабрично-заводских и торгово-промышленных заведений; положении крестьян и взывании недоимок.

Деятельность губернского правления дополняли различные присутствия, также возглавляемые губернатором: по крестьянским делам (1861—1889), по городским делам (1886—1917), по воинской повинности (1874—1917) и др.

По Судебной реформе 1864 г. были введены мировые судьи, окружные суды и судебные палаты. Они существовали в основном до победы Великого Октября. В их фондах концентрировались материалы о тяжелом экономическом и правовом положении трудящихся масс, борьбе самодержавия с рабочим и национально-освободительным движением, преследовании большевиков, усилении эксплуатации на промышленных предприятиях, обнищании крестьянства.

До нас дошло большое количество источников о деятельности органов земского и городского «самоуправления». Функции этих органов были ограниченные и постоянно урезывались правительством. В фондах губернских и земских управ (1864—1918) отложались материалы о состоянии крестьянских хозяйств и дворянских имений, кустарных промыслах, организации школ, расслоении крестьянства; сборе повинностей и др. Некоторые материалы земств (отчеты о их деятельности, статистические ведомости), освещающие положение сельского хозяйства, были опубликованы, и В. И. Ленин использовал их в работе «Развитие капитализма в России».

В архивах городских дум и управ (1870—1918) концентрировались документы о городском хозяйстве, росте числа торговых и промышленных предприятий, деятельности учреждений просвещения и здравоохранения, а также ведомости о ценах, материалы о положении различных слоев населения и др.

В 80-е годы были учреждены фабричные инспектора, которые находились в ведении Министерства финансов (с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности). Они должны были следить за выполнением заводчиками фабричных законов, но фактически их деятельность сводилась к проведению статистических обследований промышленных предприятий. В их фондах находятся источники о положении рабочих, условиях труда, продолжительности рабочего дня, штрафах и обчетах рабочих. Особого внимания заслуживают материалы о росте рабочего движения и руководящей роли большевистских организаций в борьбе пролетариата.

Документы местных учреждений, несмотря на их большое научное значение, хранились в плохих условиях, что приводило к их гибели. Большое количество таких материалов было уничтожено сознательно в дореволюционный период. Поэтому во многих документальных комплексах имеются «пробелы».

Исторические архивы. В этот период сильно возросло значение исторических архивов. Их материалы особенно интенсивно использовались историками, подавляющее большинство опубликованных документов составляли источники этих архивных учреждений. По-прежнему велика была роль исторических архивов дипломатического ведомства.

Московский главный архив МИД. Новое положение о МИД, утвержденное в 1868 г., привело к сильному сокращению штатов. Затронуло это и архивы. Например, в Московском главном архиве МИД были сокращены должности переводчиков. Вообще штаты архива не превышали 8—10 человек. До 1873 г. его продолжал возглавлять опытный архивист и большой энтузиаст М. А. Оболенский. Но после его смерти вплоть до победы Великого Октября директорами архива являлись люди, далекие от архивного дела и исторической науки: барон Ф. А. Бюлер, кн. П. А. Голицын, кн. В. Е. Львов, крупный чиновник МИД П. Б. Мансуров. Знаменательно, что с конца XIX в. архив фактически возглавлял С. А. Белокуров, постоянно замещающий директоров во время их отпусков, командировок или смены руководства. Директором он стал лишь в январе 1918 г.

Кадры в этом архиве были довольно квалифицированные, по образовательному уровню они превосходили работников большинства других архивов. Но подлинных энтузиастов архивного дела, таких, как С. А. Белокуров и С. К. Богоявленский, было немного.

Архив испытывал трудности с помещением. Старое здание в Хохловском переулке, где он размещался около 100 лет, из-за сырости стало непригодно для хранения источников. В 1868 г. архиву передали здание бывшего Горного правления (угол Воздвиженки и Моховой). После перестройки и ремонта архив переехал в это здание в 1874 г. Но с переездом явно поторопились. Современники отмечали, что здание было плохо просушено и в некоторых помещениях стоял «туман от сырости. Обои уже сгнили.

Соловьев острит, утверждая, что последний том его «Истории» никак не может быть сух, так как он работал над ним в архиве»³. Лишь через несколько лет эту сырость удалось преодолеть благодаря «усиленной вентиляции».

Комплектование архива продолжалось замедленными темпами. Сюда передавались некоторые материалы из Петербургского архива МИД и документы ряда миссий (Венской, Лондонской, Парижской, Гамбургской и др.) в основном за XVIII в., что соответствовало профилю архива. Однако хронологические рамки некоторых комплексов дел выходили за период, обусловленный положением об архиве. Так, поступившие источники из Константинопольской миссии относились к первой половине XIX в. Передавались сюда также материалы частных лиц. В 1876 г. в архив поступила коллекция иркутского купца В. Н. Баснина (иркутская летопись за 1652—1781 гг., документы о торговле с Китаем за первую половину XIX в. и др.). В результате архив в 80-е годы был заполнен до предела. Одновременно он испытывал нехватку оборудования.

Более интенсивно комплектовалась библиотека архива. После смерти М. А. Оболенского сюда передали собрание славянорусских и иностранных рукописей XIII—XVIII вв., личную, ученую и служебную переписку. В 1877 г. в архив поступила библиотека братьев Н. А. и В. А. Мухановых, в которой насчитывалось более 2100 книг на различных языках и 16 географических атласов, планов и карт. К концу XIX в. в библиотеке Главного архива МИД насчитывалось свыше 32 тыс. книг, карт, планов и рукописей, в том числе две тысячи рукописей X—XVIII вв. на иностранных языках. По богатству материалов она занимала одно из первых мест в России. Для информации научной общественности о хранящихся здесь книгах и других материалах публиковались различные справочные пособия⁴. Благодаря этому библиотеку хорошо знали в России и за рубежом. Книжный фонд был упорядочен, имелись алфавитные и систематические каталоги, что позволяло в короткие сроки найти любое издание.

В Московском главном архиве МИД разрабатывались квалифицированные справочники. Архив имел давние традиции и большой накопленный опыт в их разработке. К концу XIX в. здесь имелся разветвленный и добротный научно-справочный аппарат (380 описей, реестров и алфавитов).

После переезда во вновь отремонтированное здание на Воздвиженке руководство архивом добивалось передачи сюда материалов Государственного древлехранилища хартий и рукописей. При этом основной мотивировкой было то, что условия хранения ценнейших источников в Кремле оставляли желать много лучшего и эти документы практически не использовались исследователями. В октябре 1882 г. было получено разрешение на перевозку материалов Государственного древлехранилища (кроме монет и медалей) в новое здание архива, а в 1883 г. она была завершена.

В архиве Оружейной палаты осталось семь единиц хранения (в том числе столбец 1589 г. об учреждении в России патриаршего престола). В Главный архив поступили некоторые ценнейшие источники, например подлинник Соборного Уложения 1649 г., который до этого находился в Оружейной палате. После переезда в здание Московского главного архива МИД Государственное древлехранилище прекратило свое самостоятельное существование.

Государственный архив МИД. Этот исторический архив в 1864 г. был объединен с Петербургским архивом МИД. Вновь созданное хранилище документов получило наименование Государственный и С.-Петербургский главный архив МИД. Оба архива в значительной мере сохранили свою автономию. Они по-прежнему хранили те же материалы, самостоятельно проводили работу по приему дел, их упорядочению, составлению справочников и использованию документов. Правда, теперь оба архива находились под управлением одного директора К. К. Злобина, имели общий штат и единый бюджет. По штатам 1864 г. здесь насчитывалось одиннадцать сотрудников, но уже в 1868 г. их численность сократилась до шести человек. На развитие этого архивного учреждения ежегодно отпускалось 1250 руб., что позволяло привлекать несколько нештатных сотрудников. Среди архивных чиновников преобладали люди квалифицированные, исполнительные, но глубоко безразличные к судьбам источников. Исключение составляли лишь единицы (Н. Гиббенет, С. Горяинов и др.).

Комплектование Государственного архива МИД шло вяло. Из кабинетов Александра II, Александра III и других членов дома Романовых сюда передавались в основном второстепенные источники. Из дипломатических архивов поступали документы до 1911 г. В 60—70-е годы Государственный архив принял переписку русских послов А. П. Бутенева, И. М. Смолина, документы дипломатического характера из канцелярий адмирала Д. Н. Сенявина и фельдмаршала Витгенштейна, материалы К. В. Нессельроде и др. В конце XIX в. из первого департамента МИД были получены подлинные планы и карты районов, прилегающих к государственной границе. В связи с большими размерами этих материалов для них позднее было изготовлено 30 футляров, в которых они хранились, свернутые в трубки.

Ряд источников поступил из местных хранилищ. Из архива Кавказского наместничества в 1873 г. передали подлинные указы царей и рескрипты кавказским наместникам за 1802—1843 гг.; из архива оренбургского губернского правления в 1881 г. — царские указы оренбургским генерал-губернаторам за 1798—1803 гг.

Комплектование сильно сдерживала нехватка помещения. Архив был настолько переполнен, что ряд шкафов с несекретными делами располагался на лестнице. Все документы помещались в специальных картонных коробках, а последние — в ясеневых шкафах. К Государственному архиву как хранилищу важнейших

документов проявляли интерес сановники, члены дома Романовых и даже цари. Они неоднократно посещали его.

Материалы Государственного архива надежно охранялись. На окнах кроме железных решеток и металлической сетки имелись еще железные ставни, двери были металлические или обиты железом.

Многие древние документы нуждались в реставрации. С 1877 г. стала проводиться работа по снятию копий: «С ветхих бумаг снимались копии и вкладывались вместе с оригиналами», — причем порой исследователям выдавали вместо подлинников копииные материалы⁵.

В Государственном архиве проводилась определенная работа по упорядочению дел. Однако имеющиеся справочники часто далеко не точно отражали содержание материалов. Разработка справочного аппарата усложнялась тем, что ряд источников хранился в запечатанных пакетах и архивисты подчас не знали, какие материалы они хранят.

Московский архив Министерства юстиции. Во второй половине XIX в. этот архив превратился в научно-методический центр и занял ведущее место среди других архивных учреждений. Это было обусловлено рядом причин. Во главе архива стояли высококвалифицированные специалисты. Много полезного сделал для архива его первый директор П. И. Иванов (1852—1864), обладавший большим опытом архивной работы. Затем архив возглавляли Н. В. Калачов (1865—1885), Н. А. Попов (1885—1892), Д. Я. Самоквасов (1892—1911) и Д. В. Цветаев (с 1912 г.), являвшиеся видными архивистами и крупными учеными. Они были профессорами Московского университета, а Н. В. Калачов в 1883 г. избран академиком. Калачов и Самоквасов были авторами наиболее последовательных и продуманных проектов реорганизации архивного дела, которые оказали значительное влияние на развитие архивного дела в дореволюционный и советский периоды. Одним словом, все крупные проекты реорганизации архивного дела вышли из стен Московского архива Министерства юстиции.

Руководители архива стремились повысить общеобразовательный уровень сотрудников. Особенно велика в этом роль Калачова. До его прихода архив обслуживался канцеляристами, «зачастую не умевшими правильно писать»⁶. Калачов много сделал для того, чтобы привлечь к работе в архиве людей с высшим образованием (А. А. Востоков, Д. М. Мейчик, Н. Н. Оглоблин и др.). Эту традицию продолжали последующие руководители архива.

Московский архив Министерства юстиции первый из отечественных хранилищ получил новое специальное здание. Сперва он помещался в Кремле. Здесь документы сильно «страдали» от сырости, холода и большой скученности. В 1875 г. документы переместили в здание быв. Межевого института на Басманной улице. Но для того, чтобы приспособить его под архив (ремонт, усовершенствование системы отопления, устройство полов и шка-

фов и пр.), по смете потребовалось более 450 тыс. руб. Калачов взялся построить под архив новое здание за меньшую сумму. Из собственных средств он выделил суммы на премии за лучшие проекты здания, что способствовало выработке наиболее удачного, как тогда понимали, проекта «магазинного типа». Калачов заручился также поддержкой московской администрации, пообещав принять на хранение во вновь построенном здании материалы московских городских учреждений. За это под строительство архива был выделен участок земли на Девичьем поле. Калачов постоянно совещался с подрядчиками и архитекторами, осуществлял надзор за работами, делал все возможное, чтоб ускорить сооружение здания. Но оно было сдано в эксплуатацию в 1886 г., уже после смерти Калачова. Сейчас в нем размещается ЦГАДА.

Архив комплектовался весьма интенсивно. Крупное поступление было осуществлено после Судебной реформы 1864 г., которая упразднила старые судебные учреждения. Руководство архива выступило с инициативой, чтобы дела судебных учреждений (а в этих комплексах имелись материалы приказных изб, губернских и провинциальных канцелярий, ратуш и др.) передавались именно в Московский архив Министерства юстиции, что позволило спасти от гибели около миллиона дел. В 1872 г., после упразднения 6-го и 7-го департаментов Сената, к этому архиву были присоединены фонды Московского сенатского архива. В конце 80-х годов архив принял материалы ряда московских учреждений (Московской управы благочиния за 1783—1862 гг., шестигласной думы за 1782—1861 гг., московской городской полиции за 1822—1880 гг. и др.). В 1887 г. из Петербургского сенатского архива передали Литовскую Метрику, т.е. архив бывшего великого княжества Литовского за XIV—XVIII вв. В последующем не было крупных поступлений. Архив в основном закончил свое комплектование. Здесь насчитывалось свыше 2,5 млн. дел. Это был второй по величине (после Лефортовского) исторический архив России.

В исторических архивах уничтожение документов практиковалось гораздо реже, чем в других архивных учреждениях. Однако и здесь порой сознательно уничтожались ценные источники. Например, в начале 60-х годов в Московском архиве Министерства юстиции обрекли на гибель «несколько тысяч документов, коих утрата внесла невосполнимый пробел в историю финансов России»⁷. Было уничтожено 140 книг и 3147 вязок Ревизион-коллегии, 3465 книг и 1376 вязок Камер-коллегии, и собирались уничтожить «дела под известным титулом» за 1740 г.⁸ После прихода в архив Калачова такая практика была прекращена. Например, в 1865 г. в одном из помещений сенатского здания в Кремле обнаружили комплекс материалов XVIII в., находившихся в очень плохом состоянии. Их решено было уничтожить. Но Калачов назначил архивиста для разбора документов, и ряд материалов Сенатского архива, Раскольничьей конторы, дела по межеванию

и другие были спасены от уничтожения и переданы в Московский архив Министерства юстиции.

В эти годы Московский архив Министерства юстиции стал научно-методическим центром для многих других архивных учреждений. С сотрудниками архива консультировались по вопросам архивной работы другие архивы. Например, в 1884 г. в ответ на запрос Киевского архива древних актов архив Министерства юстиции сообщил ему сведения о методике подготовки архивных справочников.

В самом Московском архиве Министерства юстиции работа по описанию документов постоянно развивалась и совершенствовалась. Определенные успехи в этой области были достигнуты после прихода Калачова, у которого имелся значительный опыт: он участвовал в составлении и издании описаний архивов Государственного совета, Комитета министров и др. В апреле 1865 г. в рапорте министру юстиции Калачов отмечал, что в архиве качество описей низкое и многие материалы совсем не описаны. Он предлагал составить инвентарную опись ко всем делам для внутренних нужд архива. Одновременно, по его мнению, следовало осуществить и такой способ описания: «Подразделение описываемых материалов на разряды по их содержанию и довольно подробное изложение каждого разряда дает точное понятие о них и указывает отыскивающему нужную справку или сведения прямо на тот разряд, к которому он должен обратиться»⁹. Такое описание, сопровождавшееся цитированием архивных документов, предначало для исследователей, и его «как систематическое и ученое» следовало опубликовать. Определенная работа в этом направлении проводилась. Калачов и Попов являлись сторонниками подробного описания с обильным цитированием текста источников. Под их руководством архивисты подготовили также обзоры на материалы Сысского приказа, на некоторые комплексы документов 1740—1741 гг. (так называемых дел с известным титулом) и др.

Составление кратких описей занимало вплоть до 90-х годов незначительное место в общем объеме рабочего времени. Объясняется это тем, что руководство архива, стремясь заинтересовать молодых людей с высшим образованием, разрешало им разрабатывать и публиковать в изданиях архива собственные исследования, которыми фактически являлись названные обзоры. Здесь еще с 1869 г. стал выходить периодический орган «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». В первом томе «Описания...» были опубликованы описи, ведомости о хранящихся документах, краткие исторические справки об учреждениях-фондообразователях. Начиная со второго тома «Описание...» все в большей степени заполняется научными статьями. Это делалось для того, чтобы привлечь квалифицированных сотрудников, и для того времени такой способ был оправдан. Ведь в предшествующий период очень плохо обстояло

дело с архивными кадрами. Разработанные описи часто не соответствовали своему назначению, так как составлялись «по одной первой странице или даже по одним первым строкам документа». В то же время на архивистов смотрели с пренебрежением, им выплачивалось нищенское жалование. В Московском архиве Министерства юстиции много сделали для повышения престижа архивной службы. Несклько улучшилось также материальное положение сотрудников. В архиве умышленно не заполнялись полностью штаты, чтобы из сэкономленных средств (у управляющего архивом было такое право) выдавать дополнительное вознаграждение архивистам. Благодаря этому состав сотрудников в 60—80-е годы изменился в лучшую сторону, «среди них укрепились самые лучшие традиции ...составляющие гордость архива»¹⁰.

В 90-е годы работа по описанию материалов архива была коренным образом перестроена. Назначенный в 1892 г. управляющим Д. Я. Самоквасов, убедившись в низком уровне учетно-справочного аппарата, пришел к выводу о необходимости составлять лаконичные архивные описи, которые должны содержать сведения о номере дела, хронологических рамках, количестве листов, содержании, дефектах и месте хранения. Составление таких справочников, как справедливо считал Самоквасов, значительно ускорит упорядочение материалов, обеспечит сохранность дел и улучшит работу по использованию архивных источников. В архиве был составлен проект «Правил для описания столбцов Разрядного приказа». Осенью 1894 г. этот проект обсуждался всеми сотрудниками, занятыми описанием документов. После этого «Правила...» были приняты. Согласно «Правилам», источники следовало группировать в соответствии с их содержанием. Обязательным являлось составление именного указателя.

В архиве Министерства юстиции имелась обширная библиотека, основанная в 1865 г. Она комплектовалась за счет покупки книг, пожертвований исследователей и научных обществ. Сотрудники архива часто жертвовали свои произведения или завещали научные библиотеки. Так сделал, например, управляющий Н. А. Попов. Н. В. Калачов завещал свою библиотеку Петербургскому археологическому институту, директором которого он одновременно являлся.

Межевой архив также находился в ведении Министерства юстиции. В пореформенный период он продолжал оставаться одним из наиболее ценных хранилищ для дворянства и государственного аппарата. Архив продолжал располагаться в Кремле. В 60-е годы он получил новое оборудование. Чертежный архив приобрел ясеневые шкафы, для Писцового архива изготовили открытые стеллажи. Это оборудование служило долгие годы и даже после победы Великой Октябрьской революции считалось образцовым.

В послереформенный период Межевой архив принимал ежегодно около 6—7 тыс. дел. Особо следует отметить передачу

в архив крупного комплекса источников, который возник в результате работы по составлению атласа России. Эта работа проводилась под руководством начальника геодезического отделения Генерального штаба генерала А. И. Менде в 30—60-е годы. В ходе этой работы были составлены экономические примечания на 10 центральных губерний Европейской России. Примечания составлялись на отдельные селения и на уезды или волости. Они были полнее аналогичных экономических примечаний, возникших при проведении генерального межевания. Однако такая работа требовала больших материальных затрат, вследствие чего в 60-е годы она была прекращена¹¹.

В Межевой архив передавались также дела по специальному и коштному межеваниям. Кроме того, ~~с 1868 г. на местах стали создаваться межевые архивы при губернских чертежных,~~ в которых концентрировались копии планов и межевых книг, незаконченное «письменное производство», плановые материалы периода реформы 1861 г. и последующих десятилетий. Большинство из этих документов хранилось на местах, а в Межевой архив отправляли в основном обобщающие источники, так называемые специальные дела. В совокупности материалы Межевого архива показывают, что принесла реформа 1861 г. крестьянству, как его «освободили» от земли. Эти документы являются яркой иллюстрацией к высказыванию В. И. Ленина о том, что «пресловутое «освобождение» было бессовестным грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹².

В 1895 г. в чертежном отделении находилось более 530 тыс. планов и свыше 488 тыс. межевых книг, т.е. около 1 млн. 20 тыс. единиц хранения, в том числе 372 тома экономических примечаний. В пидцовом отделении хранилось около 595 тыс. дел. Несмотря на большую ценность, документы Межевого архива уничтожались. На гибель обрекались такие категории дел, как следственные материалы, недоимочные реестры, мелочные дела, спорные и другие дела, имеющие значительную ценность.

В архиве был ~~неплохо налажен учет.~~ Имелась широкая система справочников (описей и алфавитов), что позволяло хорошо ориентироваться в огромном документальном массиве. Тем не менее широкая волна хищений, охватившая отечественные хранилища, затронула и Межевой архив. Здесь материалы похищались не коллекционерами, как в других архивах, а лицами, заинтересованными в присвоении чужой собственности, или их клиентурой. В 90-е годы было выявлено организованное хищение архивных источников. Расследование этого дела поручили вести следователю по особо важным делам Громову. Однако оно было «замято», очевидно, замешанным в него всесильным тогда Ф. Плевако¹³. Таким образом, положение с обеспечением сохранности документов оставляло желать лучшего, хотя архив хранил очень важные источники. Их значение постоянно возрастало. Это яви-

лось причиной того, что в 90-е годы он получил наименование Главного межевой архив.

Военные исторические архивы. Ценная военная документация была сосредоточена в Архиве Военно-топографического депо, который в 1863 г. переименовали в Военно-исторический и топографический архив. Это не затронуло ни внутреннюю структуру, ни функции архива. В 1867 г. было принято решение разделить этот архив на два учреждения: Военно-ученый архив Главного штаба, который хранил «дела, документы, карты и все материалы, относящиеся до военной истории, географии, администрации и статистики, а также донесения и журналы о военных действиях... и Военно-топографический склад»¹⁴. Для разбора и упорядочения дел Военно-ученого архива была создана комиссия под председательством военного историка генерала М. И. Богдановича, в состав которой входило шесть человек. Членам комиссии и четырем штатным сотрудникам архива предстояло проделать большую работу. Чтобы разбор и описание дел не затянулось, к Военно-ученому архиву в 1867 г. прикомандировали шесть офицеров Главного штаба. Отметим, что прикомандирование офицеров Главного и Генерального штабов, слушателей и выпускников Академии Генерального штаба к архиву для разбора и описания дел было частым явлением. Как правило, это были добросовестные люди с неплохим военно-историческим кругозором.

Комиссия провела работу по выявлению дублетных и непрофильных дел. В Военно-топографический склад передали свыше 98 тыс. карт, планов, съемок, маршрутов, книг и т.д. Ряд источников отправили в Петербургскую публичную библиотеку, Петербургский университет, Академию наук, Русское географическое общество, Морское министерство, Министерство путей сообщения и др.

Большое внимание уделялось описанию дел. Благодаря прикомандированным офицерам эта работа была завершена в 1870 г.

Комиссия также разработала правила экспертизы ценности материалов Военно-ученого архива. Уничтожению подлежали старые разносные книги, дублетные картографические материалы и др. Сейчас трудно сказать о научной ценности уничтоженных источников. Однако комиссия уничтожила журналы входящих документов, что затрудняет изучение комплектования этого архива.

После создания Военно-ученого архива характер его комплектования сильно изменился. Поступление карт и планов резко сократилось, и одновременно возрос процент сдаваемой текстовой документации. В архив передавались военно-оперативные источники, материалы военных теоретиков, историков и др. Много таких дел было принято из Военно-ученого комитета, а также структурных частей Главного штаба. Крупный массив важных документов был принят после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Кроме того, комиссия по описанию этой войны

сдала в Военно-ученый архив около 6000 дел. Он сохранил также старые традиции комплектования, приобретая ценные источники путем покупки или пожертвований.

Ряд ценных документов был похищен из архива. Например, в отчете говорилось, что «очень часто в полковых музеях можно встретить в рамках на стенах тот или иной документ с клеймом архива. Так как подобные приобретения делались для блага родного музея, то и деяния эти не считались преступными, как принято среди многих коллекционеров»¹⁵. Поэтому архивисты практически были бессильны прекратить расхищение источников.

Московское отделение архива инспекторского департамента продолжало размещаться в Кремле, где условия хранения были очень плохими. Например, часть документации «от сырости... сгнила в такой степени, что с разрешения начальства уничтожена»¹⁶. В 1865 г. материалы перевезли в бывший дворец Лефорта, который являлся собственностью Военного министерства. В связи с этим архив часто именовался Лефортовским. Здесь ему выделили около 130 комнат, оборудованных под архивохранилища. Архив был обеспечен специальными четырех- и пятиполочными стеллажами, общая протяженность которых составляла почти 30 км. Условия хранения в новом помещении были несравненно лучше. В то же время в хранилищах нижнего этажа наблюдалась повышенная влажность.

В 1865 г. произошли изменения в системе центрального аппарата Военного министерства, был ликвидирован Инспекторский департамент и образован Главный штаб. В связи с этим архив получил наименование: Московское отделение Общего архива Главного штаба.

Штаты архива по-прежнему были малочисленны: два чиновника и четыре писаря. По аналогии с Военно-ученым архивом сюда по распоряжению начальника Главного штаба в 1862—1863 гг. были прикомандированы офицеры некоторых полков, дислоцировавшихся в Москве. Однако обычные армейские офицеры обладали ограниченным кругозором, не имели должных знаний и навыков архивной работы. Поэтому от их помощи пришлось отказаться. Столь же неудачной была попытка привлечь к упорядочению дел полковых писарей.

Лефортовский архив комплектовался быстрыми темпами. В него поступали материалы Главного штаба, структурных частей Военного министерства, военных округов, крепостей и др. Документы передавались тысячами и десятками тысяч пудов. Много источников принял архив после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Несколько сотрудников не могли упорядочить огромный документальный массив. Справочный аппарат находился на низком уровне, многие фонды не имели описей. К составлению архивных справочников архивисты приступили в 60-е годы, но работа продвигалась крайне медленными темпами. В начале 70-х годов

имелось всего 365 описей, причем подавляющее большинство из них было очень низкого качества («сдаточные описи» XVIII—XIX вв.). Важное значение для Лефортовского архива имели алфавитные указатели. Они составлялись преимущественно на те фонды, по которым выдавалось больше всего справок (Армейское повытье и др.). В начале 70-х годов насчитывалось 77 алфавитов. Характерно, что в Военно-ученом архиве, где справочная работа занимала незначительное место, алфавитные указатели не составлялись.

Требования со стороны военных историков, многие из которых работали над документами по «высочайшему повелению» и потому пользовались большими льготами, делали необходимым приведение в порядок ряда комплексов важных источников. Такая попытка была предпринята профессором академии Генерального штаба Д. Ф. Масловским. Он приехал в архив для изучения источников по истории отечественного военного искусства, но нашел документы в большом беспорядке и взялся за их упорядочение. Под его руководством были разобраны и описаны материалы по семи описям и издан каталог¹⁷. Опубликованный каталог был далек от совершенства. Заголовки были или излишне громоздкими, или же чересчур лаконичными и не раскрывали содержания материалов. К тому же работы по составлению каталога и приведению архива в порядок велись несогласованно. В результате проаннотированные в справочнике источники были перепутаны, что сделало затруднительным использование каталога.

В 60-е годы в Лефортовском архиве началось массовое уничтожение дел. Только за 1861—1873 гг. было обречено на гибель более 500 тыс. единиц хранения. Наибольшее количество документов выделялось к уничтожению в те годы, когда в разборе архивных дел участвовали офицеры и писари московских полков. Это свидетельствует об их полном равнодушии к историческим ценностям и подтверждает нежелательность привлечения таких лиц к архивной работе.

Московский дворцовый архив начал функционировать в 1872 г. в Троицкой башне Кремля, которую приспособили под архивохранилище. Сюда перевезли материалы Оружейной палаты, Московской конюшенной конторы, Московской дворцовой конторы и другие, которые и составили основу нового архива. Возглавил его видный архивист Г. В. Есипов. Что касается Петербургского отделения архива Министерства двора, то дело с его созданием затянулось. Оно было учреждено в 1882 г. и размещалось в Зимнем дворце. Этот архив комплектовался делами Кабинета е.и.в., канцелярии Министерства двора и упраздненных контор: придворной, конюшенной, егермейстерской. Сюда же поступили фонды капитула орденов и Главного управления уделов. В 1888 г. Московский и Петербургский дворцовые архивы объединили в один, который получил наименование Общий архив Министерства двора.

Должность заведующего Московским дворцовым архивом была временной и не включалась в штат. По штатам в архив числились архивариус, его помощник и писец. Затем количество сотрудников возросло до шести человек. Архив должен был хранить материалы за период до провозглашения России империей, т.е. с XVI в. до 1721 г. Сначала этот принцип выдерживался. Вместе с документами Оружейной палаты передали фонды приказов: Казенного, золотого и серебряного дела, Большого дворца и др. Однако уже с фондом Московской дворцовой конторы архив принял источники XVIII в. После реформы дворцового управления в 1886 г. в архив передали материалы упраздненных дворцовых учреждений также за XIX в. Из Петербурга перевезли источники Кабинета е.и.в., Главной дворцовой канцелярии за XVIII в. и др. К концу XIX в. в Московском дворцовом архиве было сконцентрировано около 150 тыс. единиц хранения, в том числе свыше 50 тыс. столбцов и книг XVI—XVII вв. Но отношение к этим ценным источникам оставляло желать лучшего. Огромное количество дел выделялось к уничтожению, главным образом продавалось бумажным фабрикантам. Лишь в самом конце XIX в. прекратилось уничтожение дел, поскольку они имели большое справочное значение и являлись ценными историческими источниками.

В первые годы существования Московского дворцового архива практически все материалы были упорядочены и на них составлены различные справочники. В этом большая заслуга Г. В. Есипова, под руководством которого проводились работы по описанию дел. Однако впоследствии положение ухудшилось, так как описательные работы значительно отставали по темпам от поступлений документов. Тем не менее ряд комплексов дел был описан весьма квалифицированно, были изданы архивные справочники. Велик вклад известного архивиста, археолога и библиографа А. Е. Викторова в дело описания записных книг дворцовых приказов¹⁸. Позднее эту работу продолжил А. И. Успенский. Структура архива была несложной. Вскоре после его создания материалы распределили по трем отделениям, каждое из которых хранило в целом родственную документацию. В первом отделении концентрировались источники московских дворцовых учреждений XVI—XVIII вв.; во втором — дела Московской дворцовой конторы и Московского дворцового управления XIX в. (отметим, что в этом отделении отлагались бумаги постоянного и временного хранения); в третьем — документы и планы за 1717—1838 гг., присланные из Петербурга.

Поступление новых материалов привело к усложнению структуры Московского дворцового архива. В 90-е годы его дела были распределены по шести отделам. Первый отдел хранил 52 058 дел, переданных из бывшего архива Оружейной палаты (столбцы XVI—XVII вв.); второй — 19 192 дела упраздненной Московской дворцовой конторы, а также материалы некоторых других учреж-

дений, которые хранились в архиве конторы (в основном источники «всегдашнего хранения» за 1661—1867 гг.); третий — 5467 дел Московской дворцовой конторы и Московского дворцового управления постоянного и временного хранения за вторую половину XIX в.; четвертый — всего 57 дел временного хранения из упраздненного Московского конюшенного управления за 1830—1864 гг.; пятый — 302 дела и восемь описей из Московского отделения контроля и кассы Министерства двора (документы постоянного и временного хранения); шестой — 42 407 дел различных дворцовых учреждений за 1717—1838 гг., 80 планов и чертежей и 197 описей, поступивших из Петербургского отделения Общего архива Министерства двора¹⁹. Такое расчленение материалов вряд ли можно признать оправданным. Источники четвертого и пятого отделов целесообразно было объединить с более крупными отделами.

Местные исторические архивы, сконцентрировавшие ценные источники по истории Украины, Белоруссии и Литвы, сыграли заметную роль в архивном деле дореволюционной России. Серьезные трудности испытывали Киевский, Виленский и Витебский архивы древних актов с кадрами. Архивариусом Киевского архива стал библиотекарь университета А. Я. Красовский, Виленского — Н. И. Горбачевский, затем И. Я. Строгис, Витебского — А. М. Сазонов. Это были добросовестные, знающие и квалифицированные работники, которые внесли весомый вклад в становление и развитие местных архивов. Хуже обстояло дело с помощниками архивариусов. Требования к ним были высокие: знание языков, истории, вспомогательных исторических дисциплин, архивного дела. Но их оклады составляли всего от 350 до 500 руб. в год. Даже выпускники гимназий шли сюда неохотно, не говоря о людях с высшим образованием. К тому же после приобретения некоторых навыков в работе они переходили на более высокооплачиваемые должности. Отсюда постоянная текучесть кадров, что отрицательным образом сказывалось на всех направлениях архивной работы. Только к концу XIX в. оклады сотрудникам древних актов были несколько повышены.

В 60-е годы случаи подделки древних документов с целью получения дворянства были частым явлением. В Киеве создали даже следственную комиссию для расследования фальсификаций. Она рассмотрела только четыре дела, но обнаружила в них «огромное количество фальшивых актов», которые были сделаны «довольно искусно». Подобные фальсификации без содействия или даже участия архивных чиновников были бы невозможны. Но со свойственной государственному аппарату царской России волокитой комиссия тянула это дело 22 года, «не обнаружив ни времени совершения подлогов, ни лиц, виновных в том, и за смертью обвинявшихся в подлогах дело об этом было прекращено»²⁰. Таким образом, одна из основных задач, которую ставило правительство при создании архивов древних актов, — прекращение

фальсификаций документов — не была выполнена, и подделка старинных материалов продолжалась. В связи с этим царизм был вынужден «прекратить» все дела о «даровании дворянского звания» в регионе на основе архивных документов.

Положение с помещениями у этих архивов было различным. Киевский архив сразу же разместился в здании университета, руководство которого проявляло о нем заботу. Так, для него изготовили шкафы из ясеневых дерева, в которых находились 5883 актовые книги. Разрозненные документы и книги с истлевшими переплетами хранились в специальных картонных папках.

Виленскому архиву весной 1853 г. отвели несколько комнат, в том числе два полуподвальных помещения, в здании бывшего Виленского университета. Полуподвальные комнаты не были приспособлены под архивохранилища, в них было сыро и холодно. Только после настойчивых просьб руководства архива удалось постепенно (в 1865—1875 гг.) переместить документы на третий этаж. Здесь было выделено пять комнат и коридор, которые оборудовали простыми деревянными стеллажами. Архив теперь размещался в одном месте, но появилась другая опасность. В этом же здании находились жилые помещения, отапливаемые газом, что создавало опасность пожара.

Витебский архив начал свою деятельность лишь в 1863 г., когда для него и двух других архивов (канцелярии генерал-губернатора и губернского правления) выделили здание бывшего костела. Его переоборудовали и разделили на два этажа, причем холодный и сырой нижний этаж достался архиву древних актов. Это характерная черта для архивного дела дореволюционной России. Исторические источники не имели для администрации ценности, и преимущественно пользовались бумаги, необходимые в справочных целях. В Витебском архиве древних актов (как и в других аналогичных архивах) оборудовали комнату для работы исследователей. Но здесь была такая сырость и было так холодно, что даже в жаркие летние дни трудно было просидеть несколько часов подряд. Недалеко от архива находились ветхие деревянные постройки, что создавало опасность в случае пожара. Плохо обстояло дело с оборудованием. В архиве насчитывалось 1823 актовые книги, и все они хранились на открытых полках. Документы располагались по территориальному признаку, в зависимости от местности, откуда они попали в архив (Витебские, Оршанские и др.).

Архивы древних актов комплектовались около 10 лет. Последним завершил эту работу Витебский архив в 1864 г. В архивы должны были поступать источники начиная с конца XV в. по 1799 г. В основном сюда передавались материалы судебных и административных учреждений. Большинство документов содержалось в актовых книгах, объем которых был различен: от 10 до 2000 листов. Значительная часть книг была переплетена (перепле-

ты кожаные или холщевые с кожными корешками), но многие из них представляли собой просто связки документов.

Учреждения-сдатчики, стремясь разгрузить свои переполненные архивы, порой присылали в архивы древних актов материалы XIX в. Но наблюдалась и противоположная тенденция, когда учреждения оставляли у себя старые источники, в том числе XV—XVI вв. (например, архив приказа общественного призрения в Витебске). Тем не менее в архивах древних актов удалось сконцентрировать основную массу источников, возникших в результате деятельности судебно-административных учреждений Украины, Белоруссии и Литвы. Эти материалы отражают многие стороны политической, социально-экономической и культурной жизни региона, развитие торговли, сельского хозяйства, ремесел и др. Концентрация важных документов в трех этих архивах имела положительное значение, так как в них уничтожение дел было запрещено.

Упорядочение и описание архивов древних актов продвигалось медленно. Маленькие штаты, текучесть кадров, сложные источники, выполненные на польском, латинском и других языках, — все это сильно затрудняло составление справочников. Архивы должны были составлять краткие инвентарные описи и публиковать их. Но во второй половине XIX в. среди архивистов преобладало мнение о преимуществах подробного («научного» или «систематического») описания источников. Хотя правительство настаивало на составлении инвентарных описей, в Киевском и Виленском архивах проводилась работа по составлению «систематических» описаний. В Киевском архиве в 1890 г. хранилось 5885 актовых книг и около 455 тыс. отдельных документов, а работало всего четыре сотрудника. По подсчетам Д. Я. Самоквасова, на «научное» описание всех материалов архива потребовалось бы около двух тысяч лет²¹. Поэтому Самоквасов рекомендовал провести инвентарное описание с одновременным составлением алфавитных указателей, а затем уже систематическое научное описание. Но сотрудники местных архивов древних актов не учитывали справедливых пожеланий видного архивиста.

Слабо разрабатывались описи и в Витебском архиве. Здесь штат был сокращен до одного сотрудника, который в свободное от справочной работы время занимался в основном составлением именных алфавитов.

Сотрудники местных исторических архивов участвовали в форумах ученых и архивистов. Довольно активно был представлен на них Виленский архив. Его архивариус И. Я. Строгис в выступлении на IX Археологическом съезде дал Виленскому хранилищу такую характеристику: «Архив огромный, как море, и беспомощный, как ребенок». Эту характеристику в полной мере можно отнести к другим архивам древних актов.

Харьковский исторический архив был создан в 1880 г. Инициатором его образования выступило Историко-филологическое об-

щество при Харьковском университете. В 1879 г. оно обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой о передаче ему источников по истории Левобережной Украины. Министерство согласилось, и на следующий год документы из архива Черниговского губернского правления перевезли в Харьков. Эти материалы сильно пострадали еще в пожаре 1784 г. Кроме того, много дел погибло от плохих условий хранения. Но и уцелевшие бумаги Генеральной малороссийской архивы были собраны в Харькове далеко не полностью: одни материалы, изъятые раньше Киевской археографической комиссией, попали в Киевский архив древних актов; другие поступили в Военно-ученый архив; часть дел осталась в Чернигове.

В конце 80-х годов в Харьковский исторический архив передали документы из Полтавского архива губернского правления, где находилась часть источников Второй Малороссийской коллегии, и из архива Новгород-Северского полицейского управления, в котором имелись дела периода гетманщины. Архив получил также материалы по истории Слободской Украины из Харьковского губернского правления. Кроме того, в нем были сконцентрированы личные фонды и коллекции украинских ученых и общественных деятелей.

В общей сложности в Харьковском историческом архиве было собрано около 750 тыс. дел и 2,5 тыс. книг. Это был значительный комплекс ценных источников по истории Левобережной и Слободской Украины. Но архив от царской администрации ассигнований не получал, а существовал на пожертвования частной благотворительности и на незначительные дотации от Харьковского университета. Правительство склонно было считать его обычным архивом губернской ученой архивной комиссии, хотя по богатству своих материалов Харьковский архив выгодно отличался от архивов этих комиссий.

Из-за нехватки средств Харьковский архив переживал определенные трудности. Плохо обстояло дело с кадрами: На протяжении всей истории архива единственным архивариусом являлся Е. М. Иванов, квалифицированный работник, много сделавший для упорядочения его дел. Он помогал большевикам, которые использовали почту архива для посылки своих документов на хранение в библиотеку Академии наук и Румянцевский музей.

В разборе дел участвовал слушатель Петербургского археологического института Н. П. Рогозин и отчасти его директор Н. В. Калачов. Однако помощь носила эпизодический характер, и разборка и описание материалов производилась в основном своими силами. Документы архива были разделены на четыре отдела: Малороссийский, Слободско-Украинский, Рукописей местных деятелей, Фамильных фондов.

В целом деятельность местных исторических архивов заслуживает положительной оценки. Материалам, вошедшим в их состав, от плохих условий хранения и хищений грозило полное уничтоже-

ние. В том, что эти источники дошли до нас, есть немалая заслуга сотрудников местных исторических архивов.

Уничтожение архивных дел. Буржуазные реформы 60—70-х годов вызвали оживление в деятельности архивов. Им в огромных размерах передавались материалы упраздненных и преобразованных учреждений. Такое интенсивное комплектование впервые в истории отечественного архивного дела проходило в период, когда было разрешено уничтожать архивные источники. Поэтому ведомства оперативно продолжались разрабатываться правила «О порядке разбора и уничтожения решенных дел». Министерство государственных имуществ издало их в 1862 г., Министерство финансов — в 1864 г., Министерство внутренних дел — в 1865 г., Министерство юстиции — в 1871 г.

Аналогичные правила издавались для местных учреждений: для архивов дореформенных судов — в 1866 г.; приказов общественного призрения — в 1869 г.; судебных палат, окружных судов и мировых судей — в 1885 г.; присутствий по крестьянским делам — в 1889 г. Одновременно расширялись права местной администрации в области архивного дела. Так, в 1867 г. губернаторы получили право самостоятельно решать вопрос об уничтожении документов в учреждениях, подведомственных Министерству внутренних дел.

Разработанные ведомствами правила об уничтожении архивных материалов имели некоторые общие черты. Документы, как правило, делились на три разряда: «всегдашнего» хранения, временного хранения (в основном от трех до 20 лет) и бумаги, которые подлежали уничтожению. В вопросах экспертизы постоянно прослеживается классовый подход. На «всегдашнее» хранение оставлялись дела, содержавшие «высочайшие повеления» и отвечающие интересам самодержавия и дворянства. Но эти правила иногда подвергались корректировке. Например, в Московском дворцовом архиве в 80-е годы выделили к уничтожению документы о приобретении оборудования для проведения религиозных культов. Однако по распоряжению Министерства двора эти материалы, не имеющие научной ценности, были оставлены на постоянное хранение. В то же время на гибель обрекались важные источники. Так, в 1892 г. были уничтожены дела «Об усилении полицейского надзора за кремлевскими дворцами и зданиями. 1880 г.» (в этом году Александр II приезжал в Москву и жил в Кремле), «На производство ремонтных работ в доме бояр Романовых и других зданиях. 1875 г.» (знакомство с этими документами было бы полезно современным реставраторам) и др.

На временное хранение оставлялись источники, необходимые для справок: полугодовые и месячные отчеты, дела по личному составу и др. Характерно, что материалы о тяжелом положении «нижних чинов», их большой смертности хранились очень короткое время.

Немедленному уничтожению (после завершения производ-

ством) подлежали адресные книги, книги разносные, дела о швейцарах, курьерах и др. Но в эту категорию дел попадали материалы, в хранении которых правительство не было заинтересовано. Особенно широко уничтожались источники, освещающие жизнь и быт народов, вошедших в состав России. Такова была политика царизма в отношении культурных ценностей присоединенных народов.

«Эпоха реформ» одновременно явилась периодом массового уничтожения архивных дел. Сформулированный Н. В. Калачовым тезис: «Пусть лучше лишнее хранится, чем полезное уничтожается» — полностью игнорировался. Д. Я. Самоковасов позднее отмечал, что «все министры стали подписывать смертные приговоры архивам... своего ведомства, виновным в том, что они требовали помещения для своего существования»²².

Многие видные архивисты выступали против того, чтобы архивы продавали выделенную к уничтожению документацию, справедливо считая, что «материальная заинтересованность» может привести к продаже ценных источников. Но администрация не учитывала это законное требование. Инструкции, выработанные ведомствами, подписывали секретные материалы сжигать, а не секретные — продавать с публичных «торгов или другим законным порядком», предварительно разрезав бумаги на мелкие части. Делалось это для того, чтобы нельзя было ознакомиться с содержанием документов. Однако такое правило часто нарушалось, так как неразрезанная бумага стоила значительно дороже. Вырученные средства (а они часто были очень крупными, так как продавались тысячи и десятки тысяч пудов бумаги) поступали в казну. Позже Министерство финансов специальным распоряжением выделило часть сумм на улучшение оборудования и материальное поощрение «отличившихся» чиновников. В 1891 г. была установлена точная сумма — 50% от вырученных средств передавалась на «устройство» архива и награды чиновникам. Это, конечно, усилило заинтересованность служащих в уничтожении архивных дел.

Ряд ценных источников был уничтожен в исторических архивах. Уничтожение затронуло Государственный архив МИД, в котором хранились важные документы. До 80-х годов они сознательно не уничтожались, но затем директор архива получил право самостоятельно решать вопрос об уничтожении дел недипломатического характера. В результате ряд материалов был обречен на гибель. Например, военный историк Н. Ф. Дубровин писал в 1884 г., «что некоторые дела, из которых я заимствовал многие сведения, уже уничтожены, как неважные»²³. В настоящее время такие лакуны частично могут восполнить труды дореволюционных историков.

Большое число документов гибло от плохих условий хранения, пожаров, наводнений и других бедствий. Огромный урон архивам наносили невежественные чиновники. Например, архивы Министерства двора, в которых имелись источники XVI в., разбирала

группа чиновников. Чтобы облегчить и ускорить свою работу, они топили печи связками древних документов. Чиновники Московского дворцового архива дарили посетителям столбцы «на память»²⁴.

Еще более энергично и бесконтрольно уничтожались материалы на местах. В архиве уездного суда в Клину были сожжены древние столбцы. В архивах судов Бреста и Гродно топили печи актовыми книгами, причем ряд сгоревших источников относился к XVI в.²⁵ Многочисленные случаи хищения архивных документов и широко развернувшаяся на Украине, в Белоруссии, Литве и Закавказье фальсификация древних грамот также нанесли непоправимый урон источниковой базе исторической науки.

Массовая гибель материалов, имеющих большую научную и практическую ценность, обеспокоила научную общественность, которая выступила в защиту сохранения архивов, поставив вопрос о реорганизации архивного дела в стране. Предпосылкой разработки архивной реформы явились также рост в господствующих классах интереса к историческим источникам как одному из средств реабилитации крепостнического прошлого, заинтересованность правительства в поднятии архивного дела как орудия в борьбе за незабываемость устоев самодержавия.

Научная общественность проявила пристальное внимание к проблемам архивного дела и археографии. Эти вопросы регулярно обсуждались на археологических съездах, которые стали созываться с 1869 г. Наряду с археологическими сюжетами здесь были рассмотрены многие вопросы архивного строительства: реорганизация архивного дела в стране, деятельность отдельных архивов, проблема архивного образования и др. Поэтому в работе съездов (их было в дореволюционный период 15) вместе с археологами, представителями ученых обществ, университетов и других учебных заведений принимали активное участие руководители крупнейших архивов, видные архивисты, а с 80-х годов — и представители губернских ученых архивных комиссий. Русская научная общественность в целом положительно относилась к проектам реорганизации архивного дела.

Деятельность Н. В. Калачова. Выразителем интересов исторической интеллигенции, выступившей в защиту архивных материалов, стал видный архивист и ученый Н. В. Калачов (1819—1885). Он родился во Владимирской губернии в богатой помещичьей семье. После окончания юридического факультета Московского университета в 1840 г. Калачов по рекомендации М. П. Погодина был назначен в Археологическую комиссию. В 1846—1848 гг. стал библиотекарем Московского главного архива МИД. Здесь он познакомился с тематической классификацией документов, поверил в ее преимущества и сохранил этот ошибочный взгляд на всю жизнь. Калачов, еще будучи студентом, опубликовал несколько статей и рецензий (о Судебниках 1497 и 1550 гг. и др.), а в 1846 г. защитил магистерскую диссертацию, посвященную «Русской Правде». Его исследования по данной проблематике

получили высокую оценку современников.

Положительно характеризуются они и в трудах советских авторов.

Круг научных интересов Калачова был широк и подчинялся общей концепции юридической школы. Всю сознательную жизнь он много и продуктивно работал в столичных и местных архивах в качестве исследователя. Это принесло ему известность блестящего знатока различных источников. С. О. Шмидт оценивает его как «едва ли не самого авторитетного в те годы специалиста по документации истории России XVI—XVIII вв.»²⁶.

В 1848—1852 гг. Калачов — профессор кафедры истории русского законодательства в Московском университете. В летние месяцы 1852—1854 гг. он совершил археографические экспедиции, обследовав хранилища ряда центральных губерний России. Им было подготовлено несколько документальных публикаций, не потерявших своего значения и в настоящее время.

Активно участвовал Калачов в подготовке реформы 1861 г. и Судебной реформы 1864 г. в качестве члена редакционных комиссий. Органы политического сыска проявляли определенный интерес к деятельности Калачова. Так, на его публичной лекции «Быт великорусских крестьян в XVII в.», прочитанной в марте 1863 г., присутствовал тайный агент III отделения, который доносил: «Главной целью Калачова было усиление провести идею о том тяжком положении крестьян XVII в., в которое они поставлены были несоразмерными податями, поборами и притеснениями правительственных лиц, доведших народ до того, что он бежал и составлял разбойничьи шайки»²⁷.

Тем не менее Калачов успешно продвигался по служебной лестнице. Это можно объяснить его исключительными способностями и трудолюбием. В феврале 1865 г., уже будучи сенатором и тайным советником, он был назначен управляющим Московского архива Министерства юстиции.

Еще до прихода в Московский архив Министерства юстиции Калачов уделял пристальное внимание архивному делу, теперь же оно стало его профессией. Этот архив явился базой для замыслов и проектов Калачова. Детально изучив его внутреннюю жизнь и деятельность, Калачов пришел к выводу о необходимости радикального улучшения архивного дела в стране. Он настойчиво стремился привлечь внимание правительства и ученых к архивному строительству (рапорты и докладные записки в вышестоящие инстанции; выступления на заседаниях Комитета министров, куда его приглашали как специалиста в области архивного дела; статьи о положении архивов в печати; доклады на археологических съездах; беседы с крупными чиновниками о необходимости провести реорганизацию архивного дела при личных контактах и др.). Однако научная общественность не была еще готова к обсуждению этого вопроса. На I Археологическом съезде (1869) не было ни одного представителя от архивных учреждений. Сам Калачов являлся делегатом от Московского археологического

общества. Но уже на этом форуме ученых раздался голос в защиту архивов. Калачов предлагал создать в губерниях центральные исторические архивы, улучшить описание дел, прекратить хищническое уничтожение документов, расширить допуск ученых в архивы и т.д. Хотя доклад Калачова даже не обсуждался «по недостатку времени» и по нему не было принято никакого решения, сама постановка вопроса сыграла положительную роль.

В это время в большинстве европейских государств уже была произведена буржуазная централизация архивного дела. Проект архивной реформы, предложенный Калачовым II Археологическому съезду в 1871 г., также носил буржуазный характер. Он предложил создать следующую сеть архивов. Все архивы должны были подразделяться на текущие, справочные при учреждениях и центральные исторические. Последние делились на две группы: центральные архивы при высших правительственных учреждениях и министерствах и центральные архивы для каждой губернии. Дела, потерявшие практическое значение, передавались в губернские исторические архивы. В этих архивах функционировали комиссии, составленные из чиновников учреждений и местных знатоков старины, которые отбирали дела, имеющие научное значение, для постоянного хранения. Большинство таких материалов следовало затем передавать в центральные архивы высших правительственных учреждений и министерств. Калачов предложил ряд мер, которые свели бы до минимума возможность гибели ценных источников. К тому же документы могли уничтожаться лишь с разрешения Главной архивной комиссии, подчинявшейся Министерству народного просвещения. Эта комиссия должна была возглавить всю архивную сеть, т.е. ставился вопрос о создании единого руководящего архивного органа.

II Археологический съезд просил правительство создать особую Временную комиссию об устройстве архивов, которая с 3 февраля 1873 г. стала функционировать под председательством Калачова. Она была учреждена при Министерстве народного просвещения. В нее входили 28 представителей различных ведомств и ученых учреждений, в том числе известные в то время ученые и архивисты А. Ф. Бычков, А. Я. Гюббенет, Г. В. Есипов, К. К. Злобин, М. И. Семевский и др. В первые годы комиссия действовала интенсивно. Она разработала проект «Положения» о Главной архивной комиссии, командировала для изучения зарубежного опыта ряд своих членов за границу (А. Ф. Бычкова, Н. В. Калачова и др.), провела анкетное обследование положения архивов в центре и на местах. Вообще анкетирование являлось довольно распространенным способом получения сведений о состоянии архивов, особенно местных. К помощи анкет прибегали позднее Московское археологическое общество, Русское историческое общество и др.

Комиссии приходилось работать в обстановке полного равнодушия верховной власти и безразличия со стороны архивов.

Например, на вопрос разосланной анкеты «Какие меры и средства необходимы для лучшего устройства архива?» часто следовал ответ: «Никаких!», — хотя положение архивов, особенно на местах, было тяжелое. С середины 70-х годов деятельность комиссии затухает, а затем вовсе прекращается. Тем не менее Калачов постоянно действовал от ее имени и сумел временно в 1875—1885 гг. приостановить уничтожение документов, организовал первое в России учебное заведение для подготовки архивистов — Петербургский археологический институт, активно содействовал созданию местных научных обществ — губернских ученых архивных комиссий. Это не исчерпывает значения его деятельности в области архивного дела. Его беспредельная преданность и увлеченность архивным делом, горячая пропаганда научного и практического значения архивов снискали глубокое уважение не только современников, но и последующих поколений архивистов. «Калачовским архивным временем» называли они период активной деятельности Калачова, вкладывая в эти слова возвышенный и полный благодарности смысл. Круг научных интересов ученого был широк: он являлся авторитетным историком, источниковедом, признанным специалистом в области русского права. В апреле 1883 г. Калачов был избран академиком. Но прежде всего он был выдающимся архивистом, который сумел привлечь внимание общественности к положению архивов, показать их научное значение. До него это понималось лишь узким кругом ученых.

Начало реформаторской деятельности Калачова относится к годам либеральных реформ, но к тому периоду, когда их подъем уже кончился. На этой невысокой волне ему удалось сделать гораздо меньше, чем он хотел. Правительство, заинтересованное в спасении архивных материалов, пошло на незначительные уступки. В то же время оно не хотело проводить архивную реформу в духе централизации, предпочитая оставить архивы в руках дворянской бюрократии. Архивная реформа в ряду буржуазных реформ 60—70-х годов не состоялась. Тем не менее реформаторская деятельность Калачова дала своеобразный импульс разработке новых проектов реорганизации архивного дела. Определенное влияние она оказала и на развитие архивного дела в годы Советской власти.

Архивные кадры. Положение с архивными кадрами в этот период было тяжелое. Архивная служба даже в крупных столичных архивах не считалась престижной, оклады были значительно меньше, чем у других чиновников. На местах же, как правило, в архивы назначались работники «нарочно самые старые, едва не выжившие из ума и потому неспособные быть в чем-либо полезными в самом учреждении, где они служат»²⁸. Между тем служба в архивах лишь тогда могла быть успешной, когда сотрудник имеет исторический кругозор, прекрасно знает вспомогательные исторические и архивоведческие дисциплины. Еще на I Археологическом съезде Калачов сформулировал требования к архивистам;

которые не потеряли своего значения до настоящего времени. [Сотрудники архивов, по мнению Калачова, должны любить архивное дело, иметь по возможности университетское образование и отличаться честностью, так как «иногда оказывается, что ученые, знающие вполне архивное дело, до того пристрастны к документам, что желают... важнейшими из них не только пользоваться, но и обладать». Для подготовки квалифицированных сотрудников необходимо было специальное учебное заведение, вопрос о создании которого ставился в России еще в начале XIX в. Вообще в XIX столетии в европейских странах усилились требования к профессиональной подготовке архивистов. Поэтому был создан ряд архивных учебных заведений: Школа хартий (Франция), Венский институт исторических исследований (Австро-Венгрия), Мюнхенская и Марбургская школы (Германия). Общей чертой для них являлось то, что преподавание всех предметов ориентировалось на изучение средневековых источников. Это соответствовало основной ориентации исторической науки того времени. Не являлся исключением и Петербургский археологический институт, «Положение» о котором было утверждено в 1877 г., а функционировать он стал в январе 1878 г. Правительство с большой неохотой дало согласие на его создание. Институт открывался как опытное учебное заведение, т.е. его могли в любое время закрыть, и государство отказывало ему в какой-либо помощи. Первые годы он работал на петербургской квартире Калачова и на средства частной благотворительности. Лишь с 1883 г. была назначена правительственная субсидия размером 6000 руб. в год. Позднее она была увеличена.

Петербургский археологический институт создавался для подготовки «специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных»²⁹. Его цель заключалась в том, чтобы восполнить недостатки университетского преподавания исторических и специальных дисциплин и таким образом подготовить специалистов-профессионалов. Лица, имеющие высшее образование, принимались в действительные студенты с двухлетним сроком обучения; без высшего образования — в вольнослушатели с трехлетним сроком обучения. Вольнослушатели также должны были вносить за обучение ежегодно 30 руб. Директором института и заведующим кафедрой архивоведения стал Калачов. Он читал большой курс (23 лекции), посвященный «основаниям науки об архивах». Четвертая часть лекционного курса была посвящена истории отечественных архивов, «теории архивного дела и литературе предмета», в том числе характеристике архивных справочников. Основная часть лекций отводилась на «детальную оценку всех старинных и более новых актов по XVIII в. включительно»³⁰, т.е. архивоведение сочеталось с дипломатикой, причем последняя излагалась более основательно.

В институте преподавалось 12 дисциплин: палеография, хронология, нумизматика, древняя география и др. Лекции читали

известные специалисты А. И. Соболевский, Н. П. Лихачев, И. Е. Андреевский, А. П. Воронов и др. В первые годы институт готовил исключительно архивистов. Преподаванию археологии уделялось незначительное внимание. Изредка также предпринимались поездки на раскопки. Количество выпускников было невелико: от 15—20 до нескольких человек ежегодно.]

Вскоре после открытия институт столкнулся с большими финансовыми трудностями. На его совете весной 1878 г. даже ставился вопрос о закрытии института, и лишь материальная помощь со стороны Калачова предотвратила его ликвидацию³¹.

Директор института вместе со слушателями неоднократно совершал поездки в другие города для разборки различных архивов. Это было вызвано тем, что в Петербурге фактически негде было проводить практические занятия. Здесь располагались два исторических архива (Государственный архив МИД и Военно-ученый), но слушателей в них не допускали. В других же петербургских архивах практически не было древних источников, на изучение которых было ориентировано обучение в институте.

Институт не оправдал возлагавшихся на него надежд: контингент слушателей был мал и большинство из них по окончании вуза не собирались работать в архивах. К тому же выпускники института не имели права государственной службы, и некоторые ведомства (например, МИД) категорически отказывались от приема их в свои архивы.

Положение с кадрами, особенно на местах, оставалось мало-перспективным. У Калачова возникла мысль о необходимости создания еще одного Археологического института при Московском архиве Министерства юстиции. После учреждения вуза штат архива предполагалось уменьшить в четыре раза. Такое сокращение было возможно потому, что слушатели должны были помогать в упорядочении дел, а выпускникам следовало отработать в архиве еще два года. Эти так называемые архивисты-практики закрепляли бы теоретические знания, полученные в институте, и приобрели бы архивный опыт. Калачов хотел привлечь слушателей и выпускников института к составлению описей, что улучшило бы справочный аппарат архива. Калачов был так уверен в успехе, что уже отвел для института залы второго этажа строящегося здания архива. Над входной дверью в эти залы была сделана рельефная надпись «Археологический институт», устроена кафедра, с которой предполагалось читать лекции. Но в связи со смертью Калачова дело об открытии в Москве института приостановилось. Видимо, просто не нашлось авторитетной и энергичной личности, столь же заинтересованной в этом деле.

Губернские ученые архивные комиссии. Дореволюционные авторы называли эти комиссии, которые начали создаваться с 1884 г., «любимым детищем Калачова». Фактически же их возникновение явилось результатом неудачной попытки добиться в России проведения общей архивной реформы. Впервые с идеей

создавать на местах исторические общества Калачов выступил на III Археологическом съезде в 1874 г. Основания для этого были: развивалось краеведение, среди интеллигенции возрастал интерес к прошлому. Выдающийся архивист стремился привлечь «местных любителей старины» к работе в исторических обществах. Однако необходимой предпосылкой к их организации должно было стать наличие исторических архивов во главе со специалистами архивного дела. Калачов разграничивал функции архивов, которые следовало учреждать «для собирания и хранения исторических документов», и исторических обществ, задачей которых являлось «приведение их в известность и разработка». Позднее, потеряв надежду на проведение в скором времени архивной реформы и организацию в губернских центрах исторических архивов, он предложил в качестве временной меры образовать сперва исторические общества — губернские ученые архивные комиссии. На них возлагалась задача по спасению документов, ненужных местным учреждениям, и созданию из них исторических архивов. Эти губернские комиссии учреждались на основании «Положения» о них от 13 апреля 1884 г. Сперва «в виде опыта» были учреждены комиссии в Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тверской губерниях. Эти регионы наметил сам Калачов, так как здесь имелись помещения для архивов и сравнительно лучше обстояло дело с кадрами исторической интеллигенции, из которой должны были комплектоваться будущие комиссии. В 1885 г. открылась архивная комиссия в Костроме, причем Калачов использовал для этого родственные связи: его родной брат являлся местным губернатором и оказывал комиссии большую помощь. Затем постепенно архивные комиссии открылись еще в 36 губерниях. По «Положению» 1884 г. они были образованы для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении», а также для «приведения в порядок означенных архивных дел и документов». Однако здесь ничего не говорилось о правах комиссий, что негативно отразилось на их работе. Плохо обстояло дело с финансами, помещениями, кадрами. Правительство очень слабо финансировало их деятельность. Так, первым членам архивных комиссий было выделено по 500 руб. каждой, изредка ассигновывались небольшие суммы (200—300 руб.) и позднее. Комиссии существовали в основном за счет пожертвований частных лиц, земств, городских дум. Возможно, что Калачову удалось бы добиться для комиссий (так же как для Петербургского археологического института) постоянных ассигнований, тем более что они в целом проводили в области архивного дела политику, отвечающую интересам правительства, но он вскоре ушел из жизни. Недостаток средств отрицательно влиял на все стороны деятельности этих обществ. Плохо обстояло дело с помещениями: заброшенные сараи, полуразрушенные здания, сырые и холодные

подвалы, тесные непригодные комнаты — такими являлись часто хранилища комиссий.

Численность ряда комиссий достигала 200—300 человек, но активно участвовали в их работе буквально единицы. Эти архивные общества комплектовались из верхушки местного чиновничества и губернской интеллигенции. Губернаторы обязательно являлись их покровителями, т.е. они подчинялись местной администрации и в конечном итоге Министерству внутренних дел. По соглашению директора Петербургского археологического института, который на первых порах был методическим центром комиссий, с местным губернатором в их состав включались как чиновники, так и частные лица, которые могли быть полезны «своими познаниями и усердием к делу». Как правило, члены комиссий не имели необходимых знаний и опыта архивной работы, обладали узким историческим кругозором. Вместе с тем в работе комиссий участвовали видные ученые В. И. Пичета, А. Д. Повалишин, А. В. Селиванов, В. Н. Сторожев и др., писатели А. М. Горький, В. Г. Короленко и др.

Комиссии должны были разбирать дела местных учреждений, предназначенных к уничтожению, т.е. их функции были очень ограничены и они создавали не архивы, а коллекции. Из-за недостатка средств и помещений только отдельные комиссии удалось собрать значительное количество дел (Нижегородской, Саратовской, Рязанской, Тамбовской и некоторым другим). Кроме того, Орловская и Рязанская комиссии получили из Московского архива Министерства юстиции некоторые дублетные материалы (переписные и дозорные книги и др.). Члены комиссий составляли к отобранным материалам описи и указатели, располагали документы в таком порядке, чтобы они были доступны исследователям. Однако, как правило, такая работа была малорезультативна.

Археологический институт, по мнению Калачова, должен был руководить работой комиссий. Сначала эта задача выполнялась. Калачов присутствовал при открытии комиссий, выступал с речами, давал напутствия и стремился оказать материальную помощь в их деятельности. Комиссии посылали в институт копии подготовленных архивных справочников и ежегодные отчеты о своей деятельности, а он в свою очередь представлял сводный отчет в Академию наук. Однако отчеты вскоре стали отправляться в институт крайне нерегулярно, а поступление копий справочников вообще прекратилось. Губернские комиссии оказались в подчинении двух ведомств: внутренних дел и народного просвещения.

Члены комиссий практически не имели права доступа в государственные учреждения и их архивы, не говоря уже о частных архивах. Их деятельность фактически сводилась к тому, что им на просмётр присылали описи (составленные, как правило, весьма некачественно), на основании которых члены комиссий решали, какие дела оставить на хранение и передать в их архивы,

а какие бумаги можно уничтожить. Такая работа, конечно, не могла способствовать спасению местных источников.

Архивные комиссии организовывали также библиотеки и музеи, занимались сбором этнографического материала, проводили археологические раскопки. Таким образом, они стали своеобразными культурными центрами на местах, которые способствовали распространению исторических знаний. Архивные комиссии при всех их недостатках сыграли положительную роль в деле публикации некоторых ценных источников, консолидации сил местной исторической интеллигенции, развитии краеведения.

Сама идея Калачова о создании в губернских центрах архивных комиссий была прогрессивной. С их помощью привлекались силы общественности к разработке местных материалов, которые были необходимы для изучения многих важных вопросов. Таким образом, идея Калачова отражала потребности исторической науки. Но она осуществлялась в период, когда «второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибой была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией...»³².

Проект реформы Калачова по своей классовой сущности был буржуазным. Но поскольку ключевые посты в государственном аппарате занимали представители дворянства, а Археологический институт и архивные комиссии стали создаваться в период реакции, они являлись в основном проводниками политики дворянства в области архивного дела.

Изменения в области архивного дела. В рассматриваемый период произошли значительные изменения в архивном строительстве, которые затронули буквально все стороны архивного дела. В первой половине XIX в. экспертиза ценности рассматривалась в основном как средство определения практического и справочного значения материалов. О научной ценности источников вопрос поднимался лишь в единичных случаях. Н. В. Калачов далеко не случайно выдвинул идею о разделении архивов на текущие, или справочные, и исторические. Он впервые в отечественном архивоведении сформулировал две основные задачи экспертизы ценности: выяснение справочного значения материалов в текущих архивах и научного значения в исторических. Для более верного определения исторической значимости документов Калачов предлагал включать в разборочные комиссии местных краеведов. Вопросы экспертизы ценности привлекали пристальное внимание Временной комиссии об устройстве архивов, созданной в 1873 г. Комиссия признала обоснованным распределение дел на три разряда (постоянного хранения, временного хранения и подлежащих уничтожению), которое получило повсеместное распространение и было проверено практикой. Однако комиссия правильно считала, что распределять источники по разрядам должны архивисты, т.е. лица, лучше понимающие научную ценность документов. Установление же конкретных сроков хранения дел второго

разряда (т.е. временного хранения) должно было осуществляться канцелярскими работниками, более компетентными в этой области.

Временная комиссия и сам Калачов резко выступали против хищнического уничтожения материалов. Такую позицию можно отчасти объяснить законной реакцией видных историков и архивистов на длительное и бесконтрольное уничтожение дел. В пылу полемики Калачов порой терял чувство реального. Например, нельзя признать обоснованным его требование при проведении экспертизы просматривать единицу хранения «от листа до листа». Спорен тезис Калачова о том, что нельзя уничтожать секретные материалы. В них, как известно, было немало бумаг, не имеющих ни научной, ни практической ценности. В то же время представляет интерес его рекомендация не уничтожать документы, не подлежащие хранению, а продавать их с публичных торгов, так как эти материалы все-таки «нельзя признать бесполезными и в ученом отношении вполне негодными». Обоснованно его мнение о том, что дублетные источники вместо уничтожения целесообразно передавать в библиотеки и другие хранилища. Важное значение имел тезис, что материалы нельзя уничтожать до их сдачи в архивы. Основываясь именно на нем, в период с 1875 по 1885 г. удалось временно приостановить уничтожение источников ведомствами.

Описание архивных дел в это время достигло определенных успехов. Раньше архивы занимались в основном комплектованием, теперь же в значительных размерах (особенно в архивах высших и центральных учреждений) стала проводиться работа по упорядочению и описанию дел. Это явилось одной из основных задач. У поступивших и продолжавших поступать комплексов материалов справочники (описи и алфавиты) порой отсутствовали или были выполнены очень примитивно, не раскрывали содержание источников, часто содержали ошибки и описки. В результате в архивах царил беспорядок. Например, даже в Петербургском сенатском архиве в 60-е годы документы не разбирались, их просто сваливали грудой. Архивисты не знали, сколько дел находилось в этом архиве. Хаотическое состояние материалов и низкий уровень справочного аппарата затрудняли работу по выполнению запросов учреждений, частных лиц и научные изыскания исследователей. Историческая наука стала все настойчивее предъявлять требования к архивам, особенно к их справочникам. Как следствие этого в ряде архивов наблюдается процесс превращения учетно-справочного аппарата в научно-справочный. Наиболее распространенными и информативными справочниками в это время являлись описи, обозрения и путеводители. В составлении описей замечен известный прогресс. Аннотации стали более емкими и насыщенными, к справочникам часто разрабатывались различные указатели. Описи отличались друг от друга по системе своего построения. Аннотации на дела группировались по делопроизводственным формам источников. В качестве примера приведем опубликованную «Опись документов архива дирекции

императорских театров» (СПб., 1892). Описи строились также по наименованиям территорий [например, составленный Н. Горбачевским «Каталог древним актовым книгам губерний Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской» (Вильно, 1872)]. Аннотации группировались по хронологическому, структурному и другим признакам. В зависимости от описания дел такие справочники были краткими, подробными или комбинированными.

Широко практиковалось в архивах составление обзрений. Они разрабатывались в основном на неупорядоченные или плохо упорядоченные комплексы дел, а таких фондов было много. Обозрения содержали, как правило, сведения по истории фондообразователя, обстоятельные аннотации на дела с обширным цитированием текстов документов, указатели и оглавление. Составление обзрений требовало значительно больше времени, чем разработка описей. Задача обзрений в конечном счете заключалась в том, чтобы довести до исследователя содержание источников. Сторонником составления таких справочников являлся Н. В. Калачов. Историки отдавали им явное предпочтение. Причины этого раскрыл видный советский архивист М. С. Вишневский в январе 1935 г. Он, в частности, отмечал, что С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и другие историки вставляли в свои труды обширные цитаты из этих обзрений. Таким образом, резюмирует М. С. Вишневский, сторонники обзрений «на самом деле видят пользу для себя в таких материалах»³³.

В качестве примера такого вида справочника можно назвать подготовленное видным архивистом Н. Н. Оглоблиным «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (М., 1895—1901. Ч. 1—4). Оглоблин начал работу над ним в 1887 г., что было связано с 300-летним юбилеем присоединения Сибири. Оно предназначалось для «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», но Д. Я. Самоквасов отказался поместить обозрение. Автору удалось опубликовать этот справочник при помощи В. О. Ключевского. Хотя многие дореволюционные и советские архивисты отрицательно относились к обозрениям, обозрение Н. Н. Оглоблина оценивалось очень высоко. Это свидетельствует о том, что качество справочника зависит не столько от вида описания, сколько от знаний, квалификации и способности его автора.

В этот период продолжали издаваться путеводители по архивам, которые именовались в основном «памятными книжками». В 1875 г. вышла «Памятная книжка архива Московского окружного суда», которая являлась скорее топографическим указателем документальных источников. По своей информационной емкости этот справочник гораздо ниже путеводителей, разработанных в предшествующий период П. И. Ивановым.

Образцовым для своего времени путеводителем стала «Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции» (М., 1890). Для ее разработки был специально приглашен профессор

Московского университета Н. А. Попов, впоследствии директор этого архива. Выход путеводителя стремились приурочить к переезду архива в новое здание (1886), но его составление несколько задержалось. В справочнике освещалась история, современное состояние и деятельность архива и давалась характеристика документальным источникам.

Все эти справочники характеризует ярко выраженная классовая направленность. В них замалчивались сведения о документах, освещающих развитие русской общественной мысли, антифеодальные выступления трудящихся масс и др. Когда же они приводятся, то именуются «бунтами» или «беспорядками», а их участники — «бунтовщиками». Справочники содержали значительное количество фактических ошибок и неточностей. Тем не менее их опубликование имело положительное значение. Они информировали научную общественность о документальных богатствах архивов и способствовали притоку исследователей в читальные залы. Составленные в то время описи, обозрения и другие справочники (опубликованные и неопубликованные) до сих пор используются в ЦГАДА, ЦГВИА СССР и других архивах.

Организация хранения документов. Перегруппировка архивных дел по принципу принадлежности получила дальнейшее развитие. Таких взглядов придерживались видные архивисты того времени. На этих позициях в вопросах классификации стоял Н. В. Калачов, считая тематическое деление теоретически наилучшим. «Подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору, — отмечал он, — значит распределить их на отделы или разряды по различию их содержания»³⁴. Принципа происхождения Калачов не знал и им не интересовался. Влияние традиций других исторических архивов (прежде всего Московского главного архива МИД), где материалы были разбиты по тематическим рубрикам, и общий строй научного мышления сыграли в этом основную роль. Принцип принадлежности в вопросах организации хранения документов не только соответствовал опыту личной исследовательской деятельности Калачова, но и отвечал научным представлениям юридической школы, к которой он принадлежал³⁵. Такой же взгляд на организацию хранения материалов был у Д. Я. Самоквасова, но вскоре после прихода в Московский архив Министерства юстиции в 1892 г. и детального знакомства с устройством архива он перешел на позиции провинциенции.

Перегруппировка дел затронула только исторические архивы, в том числе Государственный архив МИД. Его документы редко представляли собой законченные фонды. В большей части это были коллекции, подборки материалов или даже отдельные акты, что создавало серьезные трудности при систематизации источников. Еще в 30—40-е годы предпринимались попытки разделить документы архива по формально-логическому принципу. В результате последующих поступлений объем источников возрос, ха-

рактер материалов не соответствовал тем схемам, которые были разработаны в предшествующий период. В 60-е годы в архиве имелось около 300 самостоятельных комплексов документов. В 1864—1870 гг. в Государственном архиве МИД проводилась работа по пересистематизации материалов: из 60 тыс. дел были сформированы 13 132 единицы хранения.

Тогда же документы архива были распределены по 28 предметно-тематическим группам — «разрядам». Позднее прибавилось еще три разряда. Характерно, что директор Московского главного архива МИД М. А. Оболенский предостерегал директора Государственного архива МИД К. К. Злобина от такой перегруппировки дел, но последний не прислушался к советам Оболенского. Материалы были распределены по таким разрядам, как «Дела, относящиеся до императорской фамилии», «Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ», «Переписка высочайших особ с частными лицами», «Кабинет Петра I», «Кабинет Екатерины II», «Дипломатический отдел», «Дела военные» и др.

Аналогичная работа по перераспределению материалов была проведена в Военно-ученом архиве комиссией под руководством генерала М. И. Богдановича. В соответствии с новой системой каталогизации документы разделили на 52 тематические коллекции — «отдела» (позднее организовали 53-й — сборный). Внутри отделов источники располагались в хронологической последовательности. Первый отдел составили материалы по истории России XVI—XIX вв. В нем находилось около 2000 дел, освещающих внешнюю политику России, антифеодалные выступления масс, движение декабристов. Во втором отделе были сосредоточены источники о войнах XVIII—начала XX в., которые вела Россия. Здесь имелось также небольшое количество документов XVI—XVII вв. В третьем отделе были сконцентрированы материалы XVII—начала XX в., содержавшие сведения об управлении русской армией и ее занятиях в мирное время. В четвертом отделе отложились материалы по теории военного искусства и устройству вооруженных сил России в XVIII—начале XX в. (проекты на случай возможных войн и заметки военного характера, составленные П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым, М. И. Кутузовым; военно-теоретические труды А. Жомини, М. И. Драгомирова, Г. Е. Лера; дела по военной технике и военному строительству и др.). Пятый отдел составили статистические сведения за XVIII в. В шестом—двадцатом отделах были сконцентрированы генеральные и землемерные карты России, планы крепостей и городов, геодезические и астрономические работы, а также карты частей света и др. Здесь находились журналы и описания путешествий по Ледовитому и Тихому океанам, сведения о реках, озерах и каналах России, чертежи дворцов и других зданий Москвы, Петербурга и т.д., в том числе автографы архитекторов М. Ф. Казакова, И. Е. Старова и В. И. Баженова. Сейчас ведется работа по усовершенствованию автоматизированной информационно-по-

исковой системы «История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов», одним из разработчиков которой является ЦГВИА СССР. Материалы этого архива призваны сыграть большую роль в разработке и совершенствовании этой системы.

В двадцать первом—пятьдесят первом отделах находились географические карты частей света и государств, атласы, планы иностранных городов, топографические и статистические описания различных стран и другие материалы XVI—начала XX в. Значительное количество картографических материалов относилось к Западной Европе: планы и описания городов и крепостей, карты и таблицы путей сообщения и связи в Европе и др. Пятьдесят второй отдел содержал источники об иностранных войнах XVII—начала XX в., в которых Россия не участвовала.

Проведенная в 60-е годы работа по распределению источников по тематическим коллекциям явилась шагом назад в деле организации документов. Было нарушено пофондовое хранение материалов, что вызвало дополнительные серьезные трудности в налаживании учета, обеспечении сохранности и использовании источников.

Весьма своеобразной была организация хранения дел в Московском дворцовом архиве. Сперва источники хранились по фондам. Но затем интенсивное поступление документов (особенно после реформы дворцового управления в 1886 г.) различных учреждений привело к тому, что небольшое количество сотрудников не смогло справиться с систематизацией материалов. Известную роль также сыграл руководитель архива Г. В. Есипов, который являлся активным членом Временной комиссии по устройству архивов (1873) и разделял теоретические взгляды ее руководителя Н. В. Калачова по вопросам организации хранения дел. Поэтому Есипов не считал целесообразным хранить источники по фондам и принцип провинциализации был нарушен. Однако маленькие штаты архива, большое количество документов и краткость пребывания Есипова на посту управляющего Московского дворцового архива (вскоре его перевели в Петербург) не позволили ему воплотить в жизнь свои теоретические построения. Тем не менее пофондовое хранение дел было нарушено, все поступающие материалы заносились в общую опись и числились под общим валовым номером, в порядке очередности передачи в архив. Таким образом, здесь отказались от принципа происхождения, но разделить источники по тематическим коллекциям сотрудники не смогли. Несмотря на квалифицированный справочный аппарат, составленный к значительной части материалов, ориентироваться в этом большом документальном массиве было сложно.

Положительной чертой в организации источников Московского архива Министерства юстиции являлось то, что дела хранились так, как они отложились в учреждениях, т.е. по фондам. Между тем в вопросах классификации документов руководство архива отдавало предпочтение распределению материалов по формально-

логическим группам. Однако оно не предприняло никаких шагов для реализации своей программы. Это объясняется прежде всего тем, что Московский архив Министерства юстиции был одним из самых крупных хранилищ, в котором насчитывалось свыше двух миллионов дел. В Московском главном архиве МИД, Государственном архиве МИД, Военно-ученом архиве, материалы которых были перестроены по тематическому принципу, количество дел в те годы исчислялось десятками тысяч. Разделить же огромный документальный массив Московского архива Министерства юстиции по предметным рубрикам при весьма ограниченном штате вряд ли было возможно.

В местных архивах древних актов также не была произведена перегруппировка дел по тематическим коллекциям. Это можно объяснить маленькими штатами, которым просто не по силам была такая работа, и влиянием Московского архива Министерства юстиции, опыт которого местные исторические архивы использовали.

В центральных и местных архивах правительственных учреждений документы хранились в соответствии с принципом происхождения. Архивное законодательство предшествующего периода, которое продолжало действовать, сыграло при этом решающую роль. Исключения из хранения дел по принципу происхождения имелись, но они вызывались не сознательной перегруппировкой материалов на тематические коллекции, а скуденностью дел, их хаотическим состоянием во многих архивах, переездами из одного помещения в другое и маленькими штатами.

Таким образом, архивисты-практики продолжали придерживаться более правильного мнения о способах организации хранения источников. Отечественная теоретическая мысль в вопросах классификации дел в это время отставала от западноевропейской. В России распространению взглядов о преимуществах тематических классификаций способствовала работа по выявлению в архивах наиболее важных документов и созданию на их основе коллекций. Ведь виднейшие сторонники формально-логических схем Г.-Ф. Миллер и Н. В. Калачов являлись крупными собирателями исторических материалов.

Широкое распространение получило хищение архивных источников. На местах, где часто отсутствовали должный учет материалов и надлежащая охрана архивов, документы расхищались особенно интенсивно. Однако и в центральных архивах таких случаев было немало. Из Государственного архива МИД, Военно-ученого архива и других хранилищ были похищены ценные источники. Из комплексов дел Поместного, Разрядного и Сибирского приказов Московского архива Министерства юстиции был украден ряд старинных чертежей. В 1893 г. по указанию Д. Я. Самковасова, возглавлявшего архив, картографические материалы изымались из этих фондов для отдельного хранения и описания.

Плохое состояние архивного дела не соответствовало развивающейся архивоведческой мысли. Это делало неизбежным разра-

ботку различных проектов, направленных на улучшение положения архивов. По сравнению с предлагаемой Н. В. Калачовым реорганизацией архивного дела они носили ограниченный характер. Например, в 1884 г. государственный секретарь А. А. Половцев, один из учредителей и активных деятелей Русского исторического общества, предложил создать при Государственном совете «Центральный архив для хранения актов, документов и дел общегосударственной важности», в который предполагалось поместить материалы важнейших учреждений — предшественников Государственного совета (Ближней канцелярии 1699—1719 гг., Верховного тайного совета 1726—1731 гг., Кабинета министров 1731—1741 гг., Конференции при высочайшем дворе 1756—1762 гг., Совета при высочайшем дворе 1769—1801 гг.). Высказывалась также мысль о концентрации в новом архиве документов ряда других органов и «подлинных высочайших повелений», которые «весьма желательно сосредоточить в одном, безопасном от всяких случайностей, хранилище»³⁶. Материальная база для нового хранилища была. Новое большое здание архива Государственного совета уже строилось (оно сдано в эксплуатацию в 1887 г.). Но документация самого Государственного совета заполнила бы его менее чем на 30%. Предложение Половцева получило одобрение со стороны царя. Однако ведомства (особенно МИД) выступили против создания нового архива, отказываясь или затягивая передачу дел. В связи с этим проект Половцева реализовать не удалось, и в 1899 г. новый государственный секретарь В. К. Плеве взял его обратно. Главным препятствием в деле создания нового архива стали местнические интересы ведомств, не желавших выпускать из своих рук важные в политическом и справочном отношении архивные документы.

Во второй половине 80-х годов с проектом реорганизации архивного дела выступил директор Петербургского археологического института И. Е. Андреевский. Суть его предложений сводилась к следующему. Все архивы делились на исторические и текущие, причем последние исключались из предлагаемой системы архивной централизации. Кроме того, из числа архивов, которые Андреевский называл историческими, не подлежали включению в систему централизации архивы Министерства иностранных дел, морского и двора, Государственного совета, Синода, а также Московский архив Министерства юстиции и Военно-ученый архив, т. е. наиболее важные столичные архивы.

В ведение центрального управления, которым должен был стать Петербургский археологический институт, переходила ограниченная сеть архивов. Прежде всего это уже существовавшие местные исторические архивы (Киевский, Виленский, Витебский и Харьковский). Для документации столичных низовых учреждений предполагалось создать архив в Петербурге. Такие же архивы предполагалось учредить в Москве, Оренбурге, Одессе и других городах. В губернских центрах также создавались исторические архивы, причем осуществлять это должны были губернские ученые архивные комиссии. Все названные исторические архивы

концентрировали документы примерно 50-летней и более давности. Центральное управление архивами, по замыслу Андреевского, проводило организационное и методическое руководство и заботилось о строительстве зданий для архивных учреждений³⁷.

И. Е. Андреевский предполагал также сделать Петербургский археологический институт государственным учреждением, улучшить практическую «архивную» подготовку слушателей, проводить распределение выпускников по архивам, разработать при институте карточный каталог на материалы исторических архивов, публиковать документы «особой важности» в приложенных к периодическому органу — «Вестнику» Петербургского археологического института³⁸.

Проект Андреевского был очень ограничен, не затрагивал «текущие» и крупнейшие центральные архивы. Однако даже он оказался неприемлемым для бюрократической системы царской России.

Несмотря на безразличное отношение правительства к архивному делу, оно продолжало развиваться. Во второй половине XIX в. в России, как и в других европейских странах, архивоведение сложилось как вспомогательная историческая дисциплина. Свидетельством этого стал все повышающийся интерес к истории архивного дела. Исследователи, подавляющее большинство которых были профессиональными архивистами, разрабатывали историю и деятельность отдельных архивных учреждений. Широкое распространение получила такая работа в Московском архиве Министерства юстиции, ряд сотрудников которого (А. А. Востоков, Н. Н. Оглоблин, В. И. Холмогоров и др.) стали настоящими исследователями. Определенный вклад в разработку истории отечественных архивов внесли также И. И. Шимко, Н. Я. Токарев, В. В. Шереметевский и другие, которые опубликовали в периодическом издании «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» (М., 1888—1891. Т. 5—8) ряд статей по истории и деятельности архивных учреждений, вошедших затем в состав Московского архива Министерства юстиции. Эти статьи и в настоящее время представляют известную ценность.

История и деятельность Межевого архива получили освещение в небольшой брошюре И. А. Мещерского «Архив Межевой канцелярии (Государственный межевой архив). 1768—1868» (М., 1868). Данная работа, изданная к столетнему юбилею архива, носила научно-популярный характер и преследовала цель привлечь внимание правительственных кругов и научной общественности к этому учреждению с целью улучшения его положения. Богатый фактический материал собран в книге Н. Барсукова «Жизнь и труды П. М. Строева» (СПб., 1878), в которой освещена деятельность видного археографа и архивиста. Но все-таки история архивного дела была разработана еще слабо.

Архивы народов, вошедших в состав России. В 60—80-е годы в состав России была включена Средняя Азия, в которую входили

феодалы государства Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. Эти народы имели многовековую историю. Согдийцы еще в середине I тысячелетия до нашей эры образовали государство Согдиана, которая являлась одним из древних центров человеческой цивилизации. Здесь имелись свое летоисчисление и календарь, широкое распространение получила письменность. До нас дошли деловая и личная переписка, фрагменты религиозных сочинений и другие источники Согдианы за IV—X вв. н.э. Сохранились также некоторые материалы архива царя Согдианы Дивастича (VIII в.).

Советские археологи обнаружили архив шахов Хорезма (III—IV вв. н.э.) с хозяйственной перепиской. Документы написаны тушью на коже и деревянных дощечках на древнехорезмском языке. Они хранились в больших глиняных сосудах.

В последующий период возникло значительное количество документов: указы эмиров и ханов, их жалованные грамоты (ярлыки), донесения беков, материалы по сбору налогов, документы о сношениях с другими странами, дела юридического характера и др. Дела концентрировались в учреждениях (диванах) и мечетях. При мечетях отлагались также многие судебные материалы, поскольку мусульманское духовенство обладало обширной юридической компетенцией. Уровень развития архивного дела был невысок. Например, архивные документы Хивинского ханства даже в XIX в. продолжали храниться вместе с текущим делопроизводством и материальными ценностями.

После присоединения Средней Азии к России было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, делившееся на области, а области — на уезды. Здесь были созданы учреждения, а при них архивы по аналогии с общероссийскими. Их документы освещают политическое, экономическое и культурное развитие региона. В Средней Азии была своя специфика в управленческом аппарате, что отражалось на составе и содержании архивных документов. В областных правлениях имелись специальные чиновники, заведовавшие ирригацией. Поэтому значительный процент составляли документы об обеспечении населения водой для посевов.

Местные суды (суды биев в сельской местности и казиев в городах), судившие по шариаду и адату, были переименованы в «народные» суды. Они рассматривали мелкие уголовные преступления, и их решения записывались на туркменском, таджикском, узбекском или русском языках в специальные книги, которые выдавались местной царской администрацией. В своей совокупности фонды казиев и биев позволяют осветить многие вопросы экономической и культурной жизни народов Средней Азии, а также контроль со стороны царской администрации за деятельностью судов.

В архивах правительственных учреждений откладывалось значительное количество древних документов. Это объясняется тем, что землевладельцы часто предъявляли сюда старинные грамоты

на право владения землей и вместо них получали новые документы от имени царской администрации.

Многие важные источники попали в руки чиновников, а затем к коллекционерам. В 70-е годы многочисленные документы Хивинского и Кокандского ханств были переданы в Петербургскую публичную библиотеку и Азиатский музей Академии наук.

Ценные источники отлагались в архиве Туркестанского военного округа, в том числе материалы об организации военных экспедиций в Хиву, Бухару и Коканд; описания боевых действий, материалы о национальном движении и восстании туркмен в 1875 г., описания местности и дорог и др.

Использование архивных документов. В этот период значительно возросла работа по использованию источников в научных целях, что объясняется все увеличивающимися требованиями со стороны исторической науки. Но для правительства архивы по-прежнему представляли учреждения, обслуживающие нужды государственного аппарата и господствующего класса.

Справочная работа архивных учреждений. По документам подготавливалось значительное количество ответов на запросы, поступавшие от правительственных учреждений. Дипломатические архивы готовили для МИД справки, снимали копии с подлинных документов или посылали в министерство подлинные материалы о границах России с другими странами, о прежних дипломатических и торговых контактах и т.д. Военные архивы готовили справки по запросам штабов различных инстанций, часто отправляли им картографические материалы и др. К помощи архивных источников прибегали при строительстве железных дорог, в процессе разработки вопросов об улучшении сплавных путей по рекам и т.д. Справочная работа исторических архивов уменьшилась. Лишь Межевой архив являлся исключением, ежегодно выдавая от трех до шести тысяч справок, копий с планов и межевых книг правительственным учреждениям и частным лицам, в основном крупным землевладельцам. Другие архивы обслуживали прежде всего дворян, чиновников, духовенство, фабрикантов и купцов. Представители трудящихся масс обращались в архивы крайне редко. Военные архивы исполняли запросы, освещающие службу «нижних чинов», но процент таких справок был незначителен. Хотя порядок выдачи справок по сравнению с предшествующим периодом был несколько облегчен, но сложности имелись. К тому же в ряде архивов за полученные выписки из архивных источников частные лица должны были платить определенную плату.

Работа исследователей в архивах. Во второй половине XIX в. усилился интерес к изучению отечественной истории. Резко увеличилось число исследователей в архивах, более широкой стала проблематика научных работ. Это объясняется в первую очередь социально-экономическими, политическими и культурными сдвигами в жизни страны. Однако ряд важных комплексов дел

был недоступен для подавляющего большинства ученых (материалы об антифеодальных выступлениях трудящихся масс, движении декабристов, развитии русской общественной мысли). Историкам представлялись в первую очередь источники по темам, в разработке которых правительство было заинтересовано: история дома Романовых или других знатных родов, история церкви и ее отдельных служителей, история привилегированных полков и т.д. Серьезных исследователей, разрабатывающих важные проблемы, в количественном отношении было гораздо меньше. Но именно они наиболее интенсивно использовали архивные материалы. Успешной работе историков способствовало улучшение справочного аппарата в ряде архивов, прежде всего исторических. В них занималось подавляющее большинство исследователей. Что касается архивов правительственных учреждений, то туда могли попасть отдельные ученые, работавшие в основном «по заказу» правительства. Гораздо шире их источники привлекались чиновниками при подготовке различных обзоров и справок «по заданию начальства». Иногда подготовленные ими материалы публиковались для внутриведомственного использования.

Наиболее широко привлекались учеными документы Московского главного архива МИД, у которого в этой области были давние традиции, и Московского архива Министерства юстиции. Этому во многом способствовала личность его управляющего Н. В. Калачова, который в 1873 г. получил возможность сам решать вопрос о допуске историков к несекретным материалам. Десятилетиями изучали источники этих архивов С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. И. Бартенев, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров, Н. Ф. Дубровин, В. И. Семевский и др. В читальных залах занимались писатели. Большой интерес к архивным источникам проявлял Л. Н. Толстой, собираясь писать роман о петровской эпохе. В фонде канцелярии Московского архива Министерства юстиции отложились два прошения писателя с просьбой допустить его к документам. Он познакомился с материалами Сената, Сысского и Преображенского приказов. Г. П. Данилевский предпринимал архивные изыскания, работая над романом «Мирович». Роман «Княжна Тараканова» был создан им на основе опубликованных архивных документов.

С течением времени число ученых, изучающих архивные источники, возрастало. Но было бы ошибкой рассматривать рост их количества как постоянную величину. Здесь наблюдались колебания в сторону увеличения и уменьшения, причем определяющим фактором являлась активизация общественной жизни. Например, Н. И. Костомаров, который ранее привлекался по делу Кирилло-Мефодиевского братства, в 70-е годы получил разрешение работать над некоторыми материалами одного из самых закрытых исторических архивов — Государственного архива МИД.

В период реакции допуск во все архивы ужесточился. Так, Н. В. Калачову для того, чтобы получить в 1885 г. допуск к мате-

риалам Московского дворцового архива за XVII в., потребовалась санкция царя.

Большими преимуществами пользовались титулованные исследователи. Например, для графа С. Д. Шереметева снимали копии со многих материалов. Ему также предоставлялся самый благоприятный режим работы, когда он посещал читальные залы архивов. Если все ученые занимались в Московском главном архиве МИД с 11 часов утра до 3 часов дня, то этому титулованному исследователю управляющий Ф. А. Бюлер писал: «Архив будет открыт для вашего сиятельства, пока совсем не смеркнется»³⁹. Диаметрально противоположное отношение было у руководства большинства архивов к «нетитулованным» посетителям, которым зачастую нарочно ставились всяческие препоны. К тому же управляющие архивами порой чувствовали себя маленькими царьками, самовольно запрещающая работу ученых. Так, в конце 70-х годов И. Е. Забелин писал Н. В. Калачову, что лишен возможности закончить свой труд «Домашний быт русских царей», так как заведующий Московским дворцовым архивом Г. В. Есипов запретил ему изучать материалы по теме.

Использование документов носило ярко выраженный классовый характер. Так, в 1874 г. отказали в допуске к материалам Московского главного архива МИД историку народнической ориентации В. И. Семевскому. Руководство архивом мотивировало отказ «перемещением» документов в новое здание. Однако некоторые другие исследователи в это же время получили доступ к источникам.

Такая же картина наблюдалась в других архивах, например в Военно-ученом. Историку Н. И. Костомарову для того, чтобы познакомиться с делами о боевых действиях в Польше в конце XVIII в., потребовалось разрешение военного министра, а убийца М. Ю. Лермонтова Н. С. Мартынов в 1868 г. получил доступ к материалам о боях в Чечне и на Северном Кавказе в 1837 и 1840 гг. с санкции начальника Главного штаба. Тем не менее доступ даже в самые закрытые исторические архивы стал значительно шире. Так, в Государственном архиве МИД в этот период занималось около 300 исследователей, в том числе ряд иностранных. Однако это не означало, что сколько-нибудь значительно изменился социальный состав посетителей читальных залов привилегированных архивов. В основном здесь занимались представители дворянства, крупного чиновничества, генералы и офицеры. Это понятно. Царское правительство стремилось всеми мерами сохранить в тайне информацию, содержащуюся в этих важных в политическом отношении источниках.

Немного демократичнее был состав посетителей читального зала Московского архива Министерства юстиции. После переезда в новое здание в 1886 г. число занимающихся здесь историков возросло. Кроме того, в 1887 г. на этот архив были возложены новые обязанности, чуждые «уставам всех других русских архи-

вов, состоящие в научной разработке и издании архивного материала»⁴⁰.

Научно-издательская деятельность архивов. Гораздо шире стала публикаторская деятельность архивных учреждений. Московский главный архив МИД выпустил завершающую часть «Собрания государственных грамот и договоров» (М., 1894. Ч. 5), в которой опубликованы дипломатические документы за 1326—1684 гг. Это издание в основном было подготовлено в конце 20-х годов, однако из-за нехватки средств его удалось выпустить в свет лишь в конце века. Архив издавал также «Сборники Московского главного архива МИД» (М., 1880—1900. Вып. 1—7). В сборниках преобладали статьи исследовательского характера, а документам отводилась второстепенная роль. Тем не менее публикация некоторых материалов (например, Судебника царя Федора Ивановича 1589 г. в седьмом выпуске) оставила заметный след в издании документов.

Московский архив Министерства юстиции выпустил публикацию «Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года» (М., 1880—1886. Т. 1—2), в которой содержались «обозрения» документов и сами материалы периода царствования Ивана VI Антоновича. Сотрудники архива вели также большую подготовительную работу по выявлению, отбору и копированию источников для Академии наук, Археографической комиссии и др.

Гораздо лучше было положение военных публикаторов. Они не испытывали недостатка в средствах, лучше обстояло дело с кадрами благодаря прикомандированию офицеров Генерального и Главного штабов. С 1871 г. стали выходить «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба» (всего вышло 14 томов), содержащие письма Петра I, А. Д. Меншикова и другие документы.

В конце 60-х годов под руководством Н. В. Калачова началась подготовка документальной публикации «Архив Государственного совета» (всего вышло пять томов). В 80-е годы приступил к публикаторской деятельности архив Комитета министров, издавший два тома журналов этого высшего учреждения.

Заметно оживилась издательская работа Общества истории и древностей российских при Московском университете. Его «Чтения» превратились в периодический орган, в котором публиковались документы по истории России XVII—XIX вв., славянских народов, мемуары генерала А. П. Ермолова, сенатора И. В. Лопухина и др.

С 1866 г. Русское историческое общество выпускало Сборники (всего вышло 148 томов), в которых помещались преимущественно источники XVIII в. (материалы о внутреннем управлении России, дипломатические документы и др.). В Сборниках отчетливо видна классовая тенденциозность. Так, при издании источников

исключались под видом «случайных минутных сплетен» места, которые могли подорвать «веру в правившие силы».

Сотрудники архивов публиковали документы в журналах «Русский архив», «Русская старина» и др. В них печатались материалы по внутренней истории России, международным отношениям, военным сюжетам, причем приходилось учитывать требования цензуры.

* *
*

Уничтожение и гибель документов приобрели массовый характер, что вызвало противодействие со стороны научной общественности. Н. В. Калачов разработал проект реорганизации архивного дела, который оказал влияние на его последующее развитие. Был учрежден Петербургский археологический институт, однако проблема кадров осталась нерешенной. Стали возникать губернские ученые архивные комиссии. Но их деятельность не сыграла заметной роли в упорядочении архивного дела на местах. Гораздо шире стал круг ученых, привлекавших архивные источники. Усилилась работа архивных учреждений по изданию документов, составлению и публикации описей, каталогов и других справочников, не потерявших значения и в настоящее время.

Глава 6

ПОЛОЖЕНИЕ АРХИВОВ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

В период империализма, когда буржуазно-дворянская историческая наука переживала кризис, наблюдался спад работы и в области архивного дела. В данный период не было создано ни одного нового исторического архива, хотя предпосылки для этого имелись: в многочисленных учреждениях были сконцентрированы крупные комплексы материалов XVIII—XIX вв., потерявшие практическое значение для фондообразователей, но имевшие большую научную ценность. Правда, продолжались упорядочение архивных дел и разработка справочников, но эта деятельность протекала медленными темпами.

Пагубно сказалась на сохранности материалов первая мировая война. Многие источники погибли из-за плохо организованной и несвоевременной эвакуации. В большинстве архивов остановилась работа по упорядочению архивных документов, что было вызвано нехваткой сотрудников. Прекратился отпуск средств на ремонт архивных зданий, приобретение необходимого оборудования, что отрицательно сказалось на сохранности материалов.

После Февральской революции положение осталось прежним. Временное правительство не принимало необходимых мер для улучшения положения архивного дела и спасения гибнущих материалов.

Архивы большевистской партии. Важнейшим историческим источником этого периода являются документы партии большевиков. Газета «Искра», которая стала выходить с декабря 1900 г., повела борьбу за создание из разрозненных кружков единой марксистской партии. Корреспонденты «Искры» И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, Р. С. Землячка, А. И. Елизарова-Ульянова, Г. М. Кржижановский и другие оставили ценные документы о зарождении партии. В. И. Ленин лично изучал всю корреспонденцию «Искры». Конспиративные условия сводили объем документации до минимума. Материалы были, как правило, зашифрованы.

В 1903 г. на II съезде партии был принят устав, созданы руководящие партийные органы. С тех пор основными материалами, характеризующими деятельность партии, являлись документы съездов, конференций, Центрального Комитета, редакций центрального органа [«Искра» (до 52-го номера), «Вперед», «Пролетарий», «Правда»]:

Хранить в России документы партийных организаций, несмотря на большие трудности, было необходимо. Постановления, решения, резолюции и другие материалы партийных форумов, заседаний и совещаний ЦК партии, адреса других партийных организаций и некоторых членов подпольных групп, печатные издания надо было хранить хотя бы временно.

В целях сохранения своих документов ряд партийных организаций нелегально передавал свои прокламации, брошюры в 1—2 экземплярах в библиотеку Академии наук, Петербургскую публичную библиотеку, Румянцевский музей, местные библиотеки. В библиотеке Академии наук хранились также некоторые рукописные материалы Петербургского комитета партии, которые передал В. Д. Бонч-Бруевич, и документы сибирских организаций, полученные от М. К. Ветошкина. Эти документы обнаружены в 1928 г.

За границей хранить партийные материалы помогали социалисты Франции, Германии и других стран. Здесь отлагались документы съездов, конференций, совещаний, заседаний ЦК, редакций газет, переписка с местными партийными организациями, рукописи статей и т. д.

Для лучшего хранения и использования партийных документов в 1904 г. в Женеве по инициативе большевиков (М. С. Ольминского, В. Д. Бонч-Бруевича, П. Н. Лепешинского и др.) создается библиотека и архив партии. 28 января 1904 г. эта группа обратилась к членам партии с предложением переслать в создаваемый архив документы, литературу, печатные издания, оказать денежную помощь. В. И. Ленин написал: «От Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

От души приветствуя прекрасный почин «Группы инициаторов» по созданию «Библиотеки и архива при Центральном Комитете Российской социал-демократической рабочей партии», убедительно просим всех товарищей и сочувствующих этому давно назревшему делу оказать посильное содействие нашим товарищам, взявшим на себя труд организовать это сложное и важное дело¹.

Библиотека и архив были открыты в июле 1904 г. ЦК партии оказывал им финансовую помощь. Архивные материалы изучались партийными работниками, на них опирались в борьбе с враждебными партиями и во внутрипартийной борьбе.

В. И. Ленин принял меры против захвата архива раскольниками-меньшевиками. Группа инициаторов организации библиотеки и архива отмежевалась от меньшевистского ЦК и передала их в распоряжение Бюро комитетов большинства.

Обращение В. И. Ленина ко всем членам партии о содействии библиотеке и архиву, информация в газетах «Вперед» и «Пролетарий» обеспечили приток материалов из России. В 1904—1905 гг. поступило свыше 800 экземпляров печатных изданий местных организаций и документы 38 партийных учреждений из России (некоторые материалы Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Одесского, Московского комитетов партии и др.), а также зарубежных партийных учреждений. Во второй половине 1905 г. в связи с переездом в Россию В. И. Ленин и Н. К. Крупская передали в архив ряд партийных документов, рукописей, письма партийных организаций и др.

В конце 1905 г. деятельность библиотеки и архива была свернута. Часть документов, отправленная в Швецию, утеряна. Другие материалы были переданы в библиотеку политического эмигранта Г. А. Куклина, который собрал обширную библиотеку историко-революционных изданий. Г. А. Куклин умер в 1907 г., завещая библиотеку и рукописные материалы большевистской партии.

В конце 1908 г. центр русской политической эмиграции переместился в Париж. Здесь жил В. И. Ленин, издавалась газета «Пролетарий». В 1908—1914 гг. в Париже сложился второй заграничный архив партии. В 1910 г. в Париж перевезли библиотеку и архив из Женевы. Они помещались в здании Тургеневской публичной общеэмигрантской библиотеки вплоть до отправки их в 1923 г. в Москву. В партийном архиве находились материалы газет «Пролетарий», «Рабочая газета», «Социал-демократ», в которых был опубликован ряд статей В. И. Ленина. Сюда же поступили документы Комитета заграничных организаций РСДРП, Заграничного бюро ЦК РСДРП, партийной школы, организованной В. И. Лениным в 1911 г. в местечке Лонжюмо. Большинство этих материалов было доставлено в Москву в 20-е годы.

Большое количество ценных источников о деятельности В. И. Ленина по руководству РСДРП(б) и революционным движением в России отложилось в Краковско-Поронинском архиве. В Кракове и Поронине в 1912—1914 гг. В. И. Ленин организовал

ряд важных совещаний членов ЦК с местными партийными работниками, проводил заседания ЦК партии. В архиве хранились рукописи ленинских статей, резолюции совещаний, переписка с газетой «Правда», большевистской фракцией в Государственной думе, с местными партийными организациями и другие материалы.

В начале первой мировой войны В. И. Ленин переехал из Австрии в Швейцарию. Он вынужден был оставить значительную часть документов. Местные власти проводили обыски на квартирах, где жил В. И. Ленин. В 1918 г., по полицейским данным, в Поронине нашли «целые груды журналов, брошюр, писем, сочинений и т.п. — весом приблизительно в 10 центнеров», которые были перевезены в польский генеральный штаб². Значительная часть этих материалов во второй половине 20-х годов была отправлена в СССР. Находки книг и документов В. И. Ленина продолжались и в послевоенный период.

В материалах партийных архивов наряду с другими важными вопросами получила освещение внутрипартийная борьба большевиков против меньшевиков. Последние прилагали все усилия, чтобы эта борьба не отразилась в документах. В. И. Ленин в «Докладе об «объединительном» съезде РСДРП» говорил, что на II и III съездах партии протоколы были целиком утверждены съездами, а на IV съезде не утверждались. «Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III съездов, мы не получим³. И действительно, в протоколах, которые вели меньшевики, не нашли отражения многие важные вопросы.

Далеко не все партийные документы за этот период дошли до нас. В частности, из ленинских работ не обнаружен второй выпуск брошюры «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», который был посвящен экономическим взглядам народников. Не найден текст работы В. И. Ленина, в которой анализировалась книга В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Эта работа была посвящена идейной борьбе В. И. Ленина с либеральным народничеством. Не разыскан также реферат Владимира Ильича «Отражение марксизма в буржуазной литературе», написанный осенью 1894 г. Не дошла до нас переписка В. И. Ленина с группой «Освобождение труда», со ссыльными членами Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с Н. Е. Федосеевым и др.⁴

Большевистская партия использовала также легальные формы борьбы. В России издавались газеты «Новая жизнь», «Вперед», «Звезда», «Правда». Идейным руководителем всех общепартийных газет был В. И. Ленин. Так, в «Правде» напечатано 250 ленинских статей. В партийных газетах выступали видные деятели партии. В редакциях откладывались материалы в виде неопубликованных статей, корреспонденций рабочих, сообщений о партийной жизни и т.д. Эти документы сохранились в незначительном количестве, так как при закрытии газет они уничтожались или попадали в руки жандармов.

Большое значение имела деятельность большевистских фракций в государственных думах (особенно в IV Думе в 1912—1914 гг.). Большевистская фракция в IV Государственной думе была тесно связана с В. И. Лениным, который писал для депутатов проекты речей (Г. И. Петровскому — по национальному вопросу, Р. Н. Шагову — по аграрной политике, А. Е. Бадаеву — о политике Министерства народного просвещения и др.). Депутаты получали письма от ссыльных, от партийных организаций, от рабочих, крестьян о забастовках, арестах, полицейском произволе, работе профсоюзов и т.д. Частично эти документы после начала первой мировой войны были уничтожены, частично переданы на хранение членам ЦК Финской социал-демократической партии. Материалы о деятельности большевистской фракции отложились также в фондах Государственной думы, Министерства юстиции, Главного военно-судного управления Военного министерства, Департамента полиции, охранных отделений ряда губерний.

Жандармы постоянно стремились захватить архивные документы большевистской партии. Иногда им это удавалось. В 1907 г. в Петербурге в руки охраны попал архив военной организации партии. Агенты полиции сумели выкрасть на одну ночь материалы большевистской фракции IV Государственной думы и ознакомиться с ними.

Интересные источники о деятельности В. И. Ленина и большевиков отложились в фондах органов политического сыска. Ценные материалы концентрировались также в фондах органов цензурных учреждений. Из этих материалов видно, что Главное управление по делам печати препятствовало изданию произведений основоположников марксизма-ленинизма. Так, работа В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» была напечатана в 1895 г. в сборнике статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб., 1895). Но ленинская работа обратила на себя внимание цензуры и явилась основной причиной запрещения всего сборника.

Популяризация марксизма вызывала тревогу в учреждениях политического розыска. Например, книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была издана в 1894 г., но под нажимом Департамента полиции в 1898 г. ее не разрешили передавать в публичные библиотеки. Характерно, что в 1897—1903 гг. были запрещены произведения западноевропейских социал-демократов А. Бебеля, Ж. Жореса, К. Либкнехта, К. Цеткин. В то же время работы, в которых содержалась «критика» марксистского учения со стороны ревизионистов (например, книги Э. Бернштейна), пропускались без ограничений.

Архивы правительственных учреждений. Ценные источники концентрировались в фонде Государственной думы (1906—1917). Хотя Думе принадлежали законодательные права, однако законо-

дательная инициатива и ее деятельность в сфере утверждения бюджета были ограничены. В stenographic отчетах заседаний Думы и журналах заседаний комиссий получили освещение основные аспекты ее деятельности, направленные в основном на борьбу с революционным движением в стране.

Архивные источники характеризуют аграрную политику начала XX в.: проекты земельных законов 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. и материалы к ним; дела о выдаче ссуд крестьянам, выходящим на отруба; ликвидацию крепостничества в Закавказье и некоторых других регионах; дела об отпуске кредитов на мероприятия по переселению и др.

Финансовая политика нашла отражение в проекте ежегодной государственной росписи доходов и расходов, финансовых сметах ведомств и отчетах об их выполнении; в законопроектах о введении налогов.

Большой интерес представляют запросы, в основном депутатов-большевиков, по поводу увольнения рабочих за участие в революционных выступлениях и забастовках; незаконного заключения в тюрьму; привлечения к судебной ответственности депутатов Думы первого созыва (1907); осуждения членов социал-демократической фракции Думы второго созыва (1908); преследования профсоюзов и органов прогрессивной печати; расстрела рабочих на Ленских приисках 4 апреля 1912 г.; плохого состояния охраны труда на промышленных предприятиях.

Документы в архиве Государственной думы хранились по созывам. К ним были составлены описи. Научная общественность получила информацию о составе и содержании ряда комплексов дел этого законсовещательного учреждения, так как была издана «Опись дел архива канцелярии Государственной думы» (СПб., 1914—1915. Т. 1—2). В ней были даны аннотации на материалы Думы I и II созывов. Несмотря на ярко выраженную классовую направленность справочника, он сохранил информационное значение до настоящего времени.

После упразднения в апреле 1906 г. Комитета министров большинство его функций унаследовал Совет министров (1905—1917), который являлся, по существу, новым органом власти. Он был создан для усиления борьбы с революционным движением. В архиве Совета министров отлагались журналы заседаний, материалы об учреждениях Государственной думы, преобразовании Государственного совета, отчетах ведомств; дела о местном управлении и самоуправлении; финансовых преобразованиях и введении новых налогов; состоянии отдельных отраслей промышленности; проведении столыпинской аграрной реформы; переселенческой политике царизма и др. Многочисленные источники посвящены революционному движению, особенно в 1905—1907 гг. и 1912—1914 гг.: о выступлениях рабочих и крестьян, восстаниях в армии и на флоте; волнениях среди студенчества; расправе над участниками движения и др.

Проводившиеся сенаторские ревизии К. К. Палена Туркестанского края (1908—1911) и С. С. Манухина Ленского золотопромышленного товарищества в связи с событиями на Ленских приисках в 1912 г. вскрыли произвол местной администрации, что отразилось в документах ревизий. Особый интерес представляют источники о расстреле рабочих 4 апреля 1912 г. Отчет Манухина о произведенной ревизии, собранные им материалы о деятельности Ленского золотопромышленного товарищества, условиях труда рабочих и ходе забастовочного движения рисуют тяжелое положение трудящихся. Документы о деятельности золотопромышленников были представлены в Совет министров, причем Манухин считал необходимым отдать под суд ротмистра Трещенкова, руководившего расстрелом рабочих. Однако Сенатом это дело было прекращено.

Бурное экономическое развитие и усиление революционного движения в стране вызвали необходимость создания Министерства торговли и промышленности (1905—1917). В архив вновь созданного министерства передавались материалы из других ведомств, функции которых оно унаследовало: из Министерства финансов — дела об управлении и надзоре за рядом казенных и частных промышленных, а также торговых предприятий; из бывшего Министерства земледелия и государственных имуществ — документы об управлении горной промышленностью; из Министерства внутренних дел — бумаги о купеческих обществах, купеческих и ремесленных управах и т. д. В архиве нового министерства были сосредоточены источники о развитии промышленности и торговли с XVIII в., но преобладали материалы второй половины XIX — начала XX в. Экономическая история России получила освещение в отчетных материалах о состоянии промышленности, в документах о постройке железных дорог и каналов; в описаниях заводов, рудников и нефтяных промыслов; в геологических картах и т. д. Документы архива (обзоры рабочего движения и ведомости о забастовках по губерниям, отчеты фабричных инспекторов; материалы о труде и быте рабочих, несчастных случаях на производстве, страховании рабочих и др.) показывают бесправное положение трудящихся масс. В архиве концентрировались также материалы об изобретателях А. Н. Лодыгине, А. С. Попове, П. Н. Яблочкове и др. Важное значение для истории архитектуры имеют проекты и чертежи зданий в Петербурге, Москве и других городах, чертежи мостов, плотин, шлюзов и др.

Ценная документация отлагалась в архивах охранных отделений. «Охранки» в Петербурге, Москве и Варшаве были созданы еще в предшествующий период. Теперь же их число возросло до 26, и они функционировали в наиболее крупных промышленных и культурных центрах. Среди документов «охранок» особый интерес вызывают отчеты о результатах агентуры наблюдения (филеров) за В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, М. И. Калининым, А. М. Горьким, В. В. Маяковским и др. «Охранка» практиковала

внедрение «в партийную среду» негласных агентов, донесения которых освещают деятельность ряда партийных организаций. В отчетах, донесениях, переписке начальников охранных отделений содержатся обобщающие сведения, даются характеристики руководителям большевистской партии. Так, начальник московской охраны С. В. Зубатов в 1900 г., характеризуя В. И. Ленина, писал: «Роль Ульянова вполне выяснена. Срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее... Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого»⁵.

Исторические архивы. В период империализма продолжала функционировать сложившаяся в XVIII—XIX вв. сеть исторических архивов. В целом они испытывали нехватку кадров. Даже в Московском архиве Министерства юстиции, который хранил свыше 2,5 млн. дел, было всего 22 сотрудника. Что касается местных исторических архивов, то там положение было гораздо хуже.

По своей квалификации сотрудники исторических архивов были на голову выше работников других архивных учреждений. Среди них было больше выпускников Петербургского и Московского археологических институтов. Поэтому именно такие архивы внесли некоторый вклад в разработку теоретических и методических вопросов отечественного архивоведения.

Положение с помещениями оставляло желать лучшего. Благоустроенные здания были у Московского архива Министерства юстиции, Московского главного архива МИД, Военно-ученого архива и Киевского архива древних актов. Даже привилегированный Государственный архив МИД испытывал нехватку помещений, и часть его материалов хранилась в шкафах на лестничных площадках. Неоднократно ставились вопросы о строительстве новых зданий для ряда архивов (Государственный архив МИД, Виленский архив древних актов и др.), но дальше разговоров дело не пошло. В особенно тяжелом положении находился Московский дворцовый архив. В докладной записке, адресованной Министерству двора, его заведующий Л. М. Савелов в 1911 г. отмечал «неудобства настоящего помещения архива в Троицкой Кремлевской башне, пыль, сырость, неудобство от близости электрической станции, опасность от возможности пожара от существующего отопления, тесноту и неудобство размещения дел». На основании изложенного Савелов пришел к выводу, что «Московский дворцовый архив идет верными шагами к уничтожению».

Исторические архивы находились в подчинении различных ведомств. Однако стали заметными пути к консолидации этих учреждений. В ведении Министерства юстиции находились два исторических архива: Московский архив Министерства юстиции и Главный межевой архив; МИД — Московский главный архив и Государственный архив МИД; Военного министерства — Военно-ученый и Лефортовский архивы; Министерства народного просвещения — местные исторические архивы. В связи с тем, что

названные ведомства обладали различными возможностями и авторитетом, положение архивов было далеко неоднозначно. Лучше обстояли дела дипломатических и военных архивов, гораздо хуже — местных архивных учреждений. Хотя о создании единого руководящего архивного органа вопрос неоднократно ставился Н. В. Калачовым, Д. Я. Самоквасовым и другими авторами проектов, но общая архивная служба, которая бы уравнивала положение архивов, так и не была учреждена. Наметившаяся консолидация протекала такими медленными темпами, что понадобилось бы не одно десятилетие, чтобы объединить исторические архивы под единым руководством.

В самом начале XX в. произошло слияние Виленского и Витебского архивов древних актов. Документы из Витебска перевезли в Вильну. Новому архивному учреждению, которое получило наименование Виленский архив древних актов, несколько увеличили штаты, а сотрудникам увеличили оклады.

Большинство исторических архивов в этот период не комплектовалось, так как они хранили документы по XVIII в. включительно. Но отдельные крупные поступления были. После смерти в 1898 г. коллекционера Ф. Ф. Мазурина его наследники передали Московскому главному архиву МИД богатое собрание источников, «ценимое сведущими людьми в 100 000 руб.»⁶. Министр иностранных дел в докладе царю так характеризовал эту коллекцию: «В библиотеке Мазурина 700 рукописей: пергаментные: отрывок Псалтыря XIII в. в четверку, на 31 л...; бумажные рукописи: Судебник царя Феодора Иоанновича (XVI в.)...; книг несколько тысяч (многие XV в.); письма высочайших особ: три письма Екатерины II астраханскому губернатору Бекетову, письмо Александра I к П. А. Толстому от 8 сентября 1812 г. по поводу оставления Москвы князем Кутузовым и об отправлении Сперанского из Нижнего Новгорода в Пермь»⁷. Среди книг, переданных в библиотеку архива, особо отметим конфискованное издание труда декабриста Н. Бестужева «Опыт истории русского флота» (СПб., 1822) и редкое издание книги А. Н. Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» (СПб., 1789).

Незначительное количество материалов из Петербургского главного архива МИД было передано в Государственный архив МИД. Некоторые материалы поступали в Московский архив Министерства юстиции (документы некоторых нотариальных контор). Интенсивно комплектовался Лефортовский архив. Сюда передали значительное количество источников о русско-японской войне (1904—1905), а также перевезли из Общего архива Главного штаба Военного министерства большое количество документов. В остальные исторические архивы существенных поступлений не было.

Большие сложности были с упорядочением архивных материалов, особенно в Лефортовском архиве. Д. Я. Самоквасов приво-

дил данный архив в качестве примера «архивного нестроения». Поскольку материалы этого хранилища имели большое научное и практическое значение, правительство предприняло некоторые меры для упорядочения его дел. В 1901 г. при Лефортовском архиве создали специальную структурную часть — Особое делопроизводство по описанию материалов архива. Его штаты составляли 14 человек: начальник, два помощника, семь составительниц карточек, два брошюровщика, один нумеровщик. Позднее число составительниц карточек возросло до десяти человек. Отметим, что работа женщин в архивах России была исключительно редким явлением. Составительницы проводили описание дел под руководством офицеров, которые консультировали их и оказывали им необходимую помощь. В специальные карточки записывались сведения о фондообразователе, количестве листов, содержании дела, хронологических рамках. Здесь же фиксировались поисковые данные и номера полки, стеллажа и комнаты. На оборотной стороне карточки составлялись аннотации на важные документы. При описании одновременно проводилась научно-техническая обработка дел (нумеровались листы, подклеивались разорванные страницы, единицы хранения брошюровались, составлялись заверительные надписи). Кроме того, «собственноручные отметки карандашом императоров, великих князей... и других высокопоставленных лиц в видах сохранения для будущего времени» покрывались специальным бесцветным лаком. Порой нормальной работе Особого делопроизводства препятствовали досадные мелочи. Из-за отсутствия ламп работу приходилось кончать на полтора часа раньше. Только в конце 1902 г. удалось наладить нормальное освещение. Более серьезным препятствием являлось плохое состояние материалов. Сотрудники Особого делопроизводства часто отрывались от прямых обязанностей, так как были заняты формированием архивных дел. В процессе упорядочения выявились большие пробелы в архивных комплексах. Отсутствовали десятки и даже сотни тысяч единиц хранения. Поэтому в 1905 г. была проведена работа по составлению общего реестра описей. Они были сгруппированы по учреждениям, внутри учреждений — по управлениям, отделам, канцеляриям в хронологическом порядке. По имеющимся описям учет велся по трем категориям: раздельно для книг, дел и связей.

Всего к 1917 г. в Лефортовском архиве насчитывалось свыше 1500 описей. Но упорядочено и описано было небольшое число материалов. В других исторических архивах дело обстояло несколько лучше. Это объясняется тем, что в них отложилось гораздо меньше единиц хранения. Но в целом положение с упорядочением дел оставляло желать лучшего. Этому мешали маленькие штаты и большой объем дел. Поэтому в дореволюционный период ни один из исторических архивов не смог полностью закончить приведение материалов в порядок и составление на них спра-

вочников. Эта работа была полностью завершена уже в годы Советской власти.

Деятельность Д. Я. Самоквасова. После смерти Н. В. Калачова в 1885 г. уничтожение документов возобновилось во все возрастающих размерах. Это сильно обеспокоило историческую общественность. Московское Археологическое общество в 1898 г. поручило Д. Я. Самоквасову, видному археологу и историку русского права, управляющему Московским архивом Министерства юстиции в 1892—1911 гг., провести анкетирование центральных и местных архивов. Анкета содержала вопросы о штатах, помещении, объеме документов, наличии справочного аппарата и т. д. Хотя в стране имелось огромное число архивов, на анкету ответило незначительное количество архивных учреждений. Но даже из этих материалов было видно, что положение архивного дела в России оставалось тяжелым.

Для изучения зарубежного опыта Самоквасов командировали за границу. Он внимательно познакомился с состоянием архивного дела в Германии, Франции, Бельгии и других странах и результаты своих наблюдений опубликовал в книге «Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России» (М., 1899) и ряде других работ.

Д. Я. Самоквасов, настаивая на прекращении уничтожения документов, подчеркивал их научную, практическую и политическую ценность. Он негативно оценивал деятельность Археологического института и губернских ученых архивных комиссий. Институт не выполнял задачи по подготовке архивистов. Поэтому положение с кадрами (особенно на местах) было тяжелым. Критика Самоквасова была справедлива, но исправить создавшееся положение было трудно. Ведь институт возник как частное учебное заведение, что делало невозможным распределение выпускников по архивам. Отсутствовала также регулярная практика по архивоведению. Институт не имел даже собственного здания, он постоянно испытывал нехватку средств, что затрудняло его деятельность.

Губернские ученые архивные комиссии не могли спасти от уничтожения ценные документы. Не хватало помещений для собираемых материалов, образовательный уровень членов комиссий был невысоким, они не несли ответственности за уничтожаемые документы, что объяснялось отсутствием руководящего и контролирующего архивного органа. Д. Я. Самоквасов предлагал избирать в члены комиссии губернатора, архиепископа, предводителя дворянства и др. Но классовый характер таких комиссий привел бы к массовой гибели документов, в сохранении которых представители дворянства не были заинтересованы. На деятельности комиссий отрицательно сказывалась неопределенность их прав и обязанности, материальная необеспеченность, нежелание руководителей многих ведомств и учреждений допускать к своим материалам членов комиссий. Самоквасов не дал оценки изда-

тельской деятельности комиссий, где особенно ярко проявлялась их политическая направленность. Ведь основное внимание при публикации материалов уделялось генеалогии местного дворянства, посещениям губерний членами дома Романовых, биографиям и проповедям сановников церкви, материалам по канонизации святых и др. В то же время ряд изданий комиссий не утратил своего значения и в настоящее время (по истории крестьянства, городов, по истории Отечественной войны 1812 г. и др.). К тому же отдельные источники доступны исследователям лишь в публикациях архивных комиссий, так как их подлинники утрачены.

Выступления Самоквасова в печати и на археологических съездах показали полную несостоятельность Археологического института и губернских ученых архивных комиссий в деле подготовки кадров и спасения архивных материалов.

Д. Я. Самоквасов внес на рассмотрение XI Археологического съезда, проходившего в Киеве в 1899 г., проект архивной реформы, который уже получил одобрение со стороны московской исторической общественности. Его проект заключался в следующем. Для управления архивами государственных и общественных учреждений создается центральный орган. Делопроизводство высших и центральных государственных и общественных учреждений до 1800 г. концентрируется в Московском архиве Министерства юстиции (за исключением некоторых министерств, обладающих благоустроенными архивами, — в этом видна уступка ведомственному принципу). В центральных городах учебных округов учреждаются областные архивы, которые хранят документы местных правительственных и общественных учреждений до 1800 г. Их штаты аналогичны архивам древних актов, созданным в 1852 г. Губернские ученые архивные комиссии вливаются в областные архивы. Делопроизводство с 1800 г. образует в столице единый «архив-регистратуру», а в каждой губернии — по одному губернскому «архиву-регистратуре», в который поступают материалы губернских, уездных и волостных правительственных и общественных учреждений.

По своей четкости и последовательности проект Самоквасова превосходил все предшествующие проекты.

Губернские ученые архивные комиссии под руководством Петербургского археологического института выступали за то, чтобы вместо областных архивов и губернских архивов-регистратур создавались единые губернские архивы, хранившие документацию губернских, уездных и волостных правительственных и общественных учреждений. Губернским ученым архивным комиссиям должна была отводиться главная роль в организации и руководстве этими единичными губернскими архивами.

XI Археологический съезд принял компромиссное решение. За основу был положен проект Самоквасова, но с сохранением за губернскими комиссиями самостоятельного значения. Было принято постановление о необходимости добиваться создания Глав-

ного архивного управления, в ведении которого должны были находиться государственные архивы. Архивное управление решает вопросы о штатах, о порядке хранения, описания и использования материалов, о контроле архивной службы.

Съезд предложил создать следующую систему архивов. Дела высших и центральных учреждений (как действующих, так и упраздненных, за исключением учреждений, обладающих благоустроенными архивами) по 1825 г. передавались в единый центральный государственный архив. В 12 крупных губернских городах создавались областные архивы, для которых следовало построить здания. В этих архивах должны были храниться документы до 1775 г. В губернских центрах следовало создать губернские архивы, в которые поступали бы дела от 1775 г. до документов 25-летней давности. Все исторические архивы следовало сделать открытыми для исследователей.

Губернские ученые архивные комиссии сохраняли самостоятельное значение, и съезд ходатайствовал об отпуске им ежегодного пособия. Съезд предлагал прекратить уничтожение дел до того времени, пока не будут выработаны общие правила уничтожения документов, не имеющих научной и практической ценности.

В последующем Д. Я. Самоквасов настаивал на проведении архивной реформы, требуя создания центрального архивного органа, централизации исторических архивов, прекращения уничтожения дел, постройки архивохранилищ. Он считал также, что для подготовки архивных кадров необходимо создание школ архивоведения при государственных архивах древних актов в Москве и Киеве и профессур архивоведения при Московском и Киевском университетах.

Выступая на XII Археологическом съезде в 1902 г., Самоквасов отказался от идеи создания областных архивов. Изменения в его взглядах были вызваны детальным изучением ответов на анкету, разосланную в 1899 г. На их основе видный архивист пришел к выводу, что местные документы с древнейших времен по 1775 г., которые предполагалось сконцентрировать в областных архивах, сохранились плохо, количество их невелико и они могут быть размещены в центральных губернских архивах.

Самоквасов предлагал создать 90 губернских архивов, которые можно было открывать постепенно (3—5 в год), что не потребовало бы больших затрат. Но и этот проект был отклонен. Министерство внутренних дел, на словах признавая проект Самоквасова наиболее эффективным, считало, что его осуществление потребует много времени и больших затрат. Министерство запросило ряд учреждений и ученых обществ о возможности упорядочения архивного дела с помощью губернских ученых архивных комиссий, и большинство запрашиваемых учреждений высказалось в пользу комиссий. Окончательно судьбу проекта Д. Я. Самоквасова решило Министерство финансов в сентябре 1903 г., заявив, что в настоящее время не имеется возможностей «...на

отвлечение государственных средств на такие расходы, которые хотя и являются полезными, но по предмету своему терпят отлагательство». Проект Самоквасова не был реализован. Однако даже противники Самоквасова не могли не признать, что архивное дело нуждается в реорганизации.

Наряду с отмеченными положительными чертами проект имел недостатки: реформу предполагалось провести в интересах господствующих классов, она затрагивала лишь правительственные и общественные архивы.

Архивные кадры. Петербургский археологический институт, созданный как высшее учебное заведение для подготовки архивистов, проделал определенную эволюцию. По Положению об институте 1899 г. он превратился в своеобразные популяризаторские, просветительные курсы. Теперь здесь подготавливались не только архивисты, но и археологи, причем число последних постоянно возрастало. Резко увеличилось в институте количество слушателей и выпускников, особенно после того, как в 1895 г. занятия перенесли на вечернее время. Но своему первоначальному назначению институт уже не соответствовал.

Несколько улучшилось финансовое положение института. С 1896 г. на его содержание отпускалось 18 тыс. руб., а с 1912 г. — 25 тыс. руб. ежегодно. Однако большие сложности возникли с помещением. За время своего существования он так и не получил собственного здания и неоднократно переезжал из одного помещения в другое. Это было особенно нежелательно потому, что у института была богатая библиотека (около 17 тыс. томов), а также ценное собрание рукописей и экспонатов музейного характера. У вуза были свои печатные органы — «Сборник археологического института» (в 1878—1892 гг. вышло шесть томов) и «Вестник археологии и истории» (в 1885—1918 гг. выпущено 23 тома). В них публиковались информации об архивной жизни в стране, деятельности губернских ученых комиссий, о жизни самого института. Большое значение для своего времени имели статьи в трудах института и издаваемые им учебные пособия по архивоведению и вспомогательным историческим дисциплинам. Преподавательский состав был высокой квалификации: А. И. Соболевский, Н. П. Лихачев, В. И. Сергеевич, А. П. Воронов и др.

В 1907 г. в Москве создается Археологический институт. Его учреждение можно считать реализацией одного из пунктов программы Д. Я. Самоквасова. Большую роль в создании нового вуза сыграл А. И. Успенский, являвшийся его директором. Сюда, так же как в Петербургский археологический институт, лица с высшим образованием принимались в действительные студенты, а без высшего образования — в вольнослушатели. Курс обучения здесь составлял три года. В институте было два отделения: археологическое и археографическое (архивное), — на которых соответственно подготавливались археологи и архивисты. В этом заметно влияние Петербургского института (А. И. Успенский являлся его выпускником) и взглядов Д. Я. Самоквасова, который

одновременно был крупным археологом. Кроме того, чисто «архивоведческий» вуз вряд ли собрал бы необходимую аудиторию.

Московский археологический институт сначала испытывал трудности с финансами. Он функционировал на средства частной благотворительности. Значительную поддержку вузу оказывал его директор А. И. Успенский. Так, в сентябре 1911 г. долг института директору составил почти 10 тыс. руб. Кроме того, Успенский не получал вознаграждения за исполнение обязанностей директора. В сентябре 1908 г. Совет института, состоявший в основном из ведущих преподавателей, настойчиво предлагал установить ему жалование, но Успенский твердо заявил, что, пока вуз будет существовать на пожертвования, он против установления оклада директору⁸. Лишь с июля 1912 г. Московскому археологическому институту стало выдаваться ежегодное пособие в размере 15 тыс. руб., т.е. значительно меньше, чем Петербургскому. Чтобы улучшить финансовое положение, в Московском институте со всех обучающихся (действительных студентов и вольнослушателей) брали плату за обучение в размере 80 руб. в год.

Руководство Московского института приняло энергичные меры к тому, чтобы построить собственное здание. Оно заручилось поддержкой московской администрации, которая выделила земельный участок на Миусской площади. В 1913 г. состоялась закладка здания, а в 1915 г. оно было сдано в эксплуатацию.

Учебная программа института была шире, чем в Петербурге. Здесь преподавались русская история, историческая география и широкий круг вспомогательных исторических дисциплин, архивоведение и другие, причем впервые в нашей стране было введено преподавание истории русского искусства, истории русской архитектуры, геральдики, генеалогии, музееведения, библиотковедения, эпиграфики и хронологии. Преподаватели (А. Н. Филиппов, Н. И. Новосадский, С. К. Кузнецов, Н. Н. Ардашев, И. Ф. Колесников и др.) в основном принадлежали к либерально-демократическим кругам. Среди слушателей преобладали чиновники, студенты, сотрудники архивных учреждений. Однако много было людей, которые заведомо не могли стать архивистами. Ведь около 15% составляли женщины, 12—13% — офицеры, более 10% — лица духовного сословия. На третьем курсе практиковалась подготовка и защита диссертаций на звание «ученый архивист» или «ученый археолог», причем последних выпускалось гораздо больше.

Преподавание всех дисциплин было обращено в далекое прошлое. Об этом свидетельствует такой факт. В начале 1911 г. офицерам было запрещено посещать лекции в вузах «в виду вредных политических течений, наблюдавшихся в высшей школе в настоящее время». Но этот запрет не затронул практически археологические институты, так как уже в апреле военный министр сделал для них исключение⁹.

Всего за дореволюционный период археологические институты закончили свыше 1800 человек¹⁰.

Губернские ученые архивные комиссии. Эти местные общества проводили некоторую работу по созданию своих архивов и разработке документов, но она была малоэффективной. Наряду с выявлением источников в архивах правительственных учреждений шло собирание материалов частновладельческих архивов. На хранение в архивы комиссий в основном поступали родословные материалы дворянских родов, грамоты, патенты, указы.

На дела, хранящиеся в архивах комиссий, составлялись справочники. Так называемое систематическое, подробное описание охватывало незначительное количество материалов. Несколько шире было распространено лаконичное «инвентарное» описание путем занесения аннотаций на карточки. На многие материалы имелись старые канцелярские описи, но они уже в значительной мере не соответствовали действительному наличию дел.

Издательская деятельность большинства архивных комиссий была малорезультативна. Сборники документов и исследования отображали, как правило, события далекого прошлого, прославляя самодержавие, дворянство, православие. Однако ряд изданий (по истории городов, войн, которые вела Россия в XVIII—начале XIX в., и др.) не потерял своего значения и сейчас. Комиссии участвовали в культурно-просветительной работе, экспонируя документы на выставках (например, на выставке, посвященной 100-летию юбилею со дня рождения Н. В. Гоголя в 1909 г., и др.).

Хорошо сформулировал задачи архивных комиссий писатель В. Г. Короленко — один из самых активных сотрудников Нижегородской комиссии. Эти задачи заключались «не в погоне за важными историческими открытиями, не в поисках крупных, ярких и новых исторических фактов, наличие которых в провинциальном архиве (особенно после отбора наиболее ценных дел и документов в пользу центральных архивных учреждений) могла бы явиться лишь счастливой и редкой случайностью, а в скромном, кропотливом труде, но массовом и систематическом суммировании мелких, повседневных бытовых и юридических черт, в своей совокупности восстанавливающих картину исчезнувшей жизни»¹¹.

Количество губернских комиссий продолжало возрастать. В 1895—1916 гг. было организовано 27 комиссий (одна из них — Херсонская — прекратила свое существование в 1910 г.). Правительство охотно давало разрешение на открытие комиссий, так как надеялась практически без финансовых затрат добиться упорядочения архивного дела. В 1909 г. были несколько расширены права архивных комиссий. Министерство внутренних дел разрешило им санкционировать в рамках этого ведомства уничтожение дел, не вошедших в перечень «Учреждения губернских правлений» 1845 г. Но их деятельность по-прежнему была малоэффективной. В связи с этим состояние архивного дела в стране в начале XX в. продолжало оставаться тяжелым. Это заставляло царскую администрацию принимать некоторые меры. Министерство

внутренних дел собрало к 1904 г. отзывы ученых обществ и губернаторов о губернских ученых архивных комиссиях, с тем чтобы подготовить проект архивной реформы. Руководящую роль в архивном деле предполагалось отвести ученым комиссиям. Но начиная с 1904 г. в их работе виден спад: сократился приток средств, перестали выходить документальные издания.

Министерство внутренних дел в 1905 г. созвало специальную межведомственную комиссию для разработки вопроса об охране как письменных, так и вещественных памятников. Комиссией был составлен проект о создании «комитета по охране древностей» из представителей ведомств, ученых обществ и археологических съездов, причем губернским ученым комиссиям отводилась незначительная роль.

Однако в период реакции губернские комиссии вновь заявили о себе. В 1908 г. Петербургский археологический институт созвал совещание представителей губернских ученых комиссий, на котором появился проект «положения» об этих комиссиях. Согласно проекту усиливалась зависимость губернских комиссий от Министерства внутренних дел: губернаторы имели право самостоятельно учреждать комиссии, их председатели утверждались Министерством внутренних дел. Деятельность губернских комиссий распространялась и на архивы сословных и общественных учреждений, и (с согласия владельцев) на частные архивы, а также на вещественные памятники. Комиссии получали наименование архивно-археологических. Для руководства их деятельностью при Министерстве внутренних дел проектировалось создать постоянное совещание из представителей ведомств и ученых учреждений.

В связи с этим межведомственная комиссия по охране памятников старины вынуждена была согласовать свои предложения с проектом губернских комиссий. В совместном проекте, внесенном в 1911 г. на рассмотрение Государственной думы, восстанавливалось прежнее наименование губернских комиссий — «архивные», а на комитет по охране древностей были возложены функции запроецированного губернскими учеными комиссиями «особого совещания» по руководству их деятельностью.

Независимо от межведомственной комиссии 1905 г. и совещания представителей губернских комиссий 1908 г. за реорганизацию архивного дела в 1911 г. взялось Русское историческое общество. Обществом была избрана «Особая комиссия по сохранению местных архивных материалов», на которую возлагалось выяснение положения архивов правительственных учреждений и разработка мер к охране архивных документов. В январе 1912 г. постановлением Совета министров все губернские ученые архивные комиссии передавались из ведения Петербургского археологического института в подчинение этой Особой комиссии. Получался параллелизм в работе вновь созданных комиссий, что отрицательно сказалось на подготовке архивной реформы. Кроме

того, против этого проекта выступила церковь, недовольная замалчиванием ее заслуг в охране документов. В начале 1916 г. проект из Государственной думы возвратился в Министерство внутренних дел.

Особая комиссия Русского исторического общества в результате анкетирования выяснила, что на местах плохо обстоит дело с помещениями для архивов и что гибель материалов носила массовый характер. Она решила возложить на губернские архивные комиссии заботу о приведении в порядок местных архивов. В 1913 г. Общество выхлопотало у правительства единовременную в размере 2000 руб. субсидию 7 архивным комиссиям, в 1914 г. — 9. Согласно составленной инструкции, губернские комиссии должны были обследовать местные архивы, разобрать и описать неразобранные дела, перевезти материалы, которым угрожала гибель, в свои хранилища, опубликовать ценные документы в своих изданиях. Выполнение такой сложной задачи для архивных комиссий, осуществлявших свою деятельность в трудных материальных условиях и при отсутствии реальных прав, было не по силам. Субсидии использовались в основном не по назначению. По настоянию местного дворянства они были обращены на нужды дворянских сословных архивов.

Русское историческое общество смогло получить разрешение на созыв съезда представителей губернских ученых архивных комиссий, который состоялся в мае 1914 г. На нем присутствовали представители 31 архивной комиссии. Съезд обсудил вопросы о полномочиях комиссий, их материальном положении, осмотре местных архивов, организации исторических архивов при губернских комиссиях, об объединении их деятельности. Принятые съездом резолюции сводились к следующим пожеланиям и просьбам: сообщать Особой комиссии Русского исторического общества сведения о наличии свободных казенных помещений, чтобы последняя ходатайствовала о предоставлении их архивным комиссиям; для губернских архивных комиссий добиться права осматривать и изучать архивы всех ведомств, а также сословных и общественных учреждений; для расширения деятельности архивных комиссий просить, чтобы они были открыты в каждой губернии; для укрепления материальной базы архивных комиссий установить каждой ежегодное пособие в размере 3000 руб.; просить, чтобы дела в местных архивах не уничтожались без разрешения архивных комиссий. В случае необходимости члены комиссий могли просмотреть не только описи, но и дела¹².

Деятельность губернских комиссий протекала в трудных условиях. Основным источником средств комиссии являлись пособия от земских и городских управ. Однако суммы пособий не были постоянными и колебались в зависимости от общих и местных условий, а членские взносы и пожертвования местных помещиков, купечества и духовенства не покрывали расходов, связанных с устройством помещений, оплатой труда сотрудников, подго-

товкой документальных изданий. Вырученные средства от продажи опубликованных источников были невелики, так как издания носили узкоспециальный характер и плохо расходились.

Тяжелое положение с помещениями сказывалось на работе комиссий: теснота и другие неблагоприятные условия задерживали прием, приведение в порядок и описание дел. Частые переброски из одного помещения в другое приводили документы в «расстройство», уничтожая плоды работы членов комиссий за длительное время и нанося сильный ущерб историческим источникам.

Неопределенность прав и обязанностей мешала губернским комиссиям сделать что-либо эффективное в упорядочении архивного дела. Даже сам метод комплектования их архивов путем отбора некоторых дел из числа подлежащих уничтожению и путем случайных поступлений комплексов документов являлся неудачным и приводил к раздроблению фондов между архивами комиссий и местных учреждений. Созданные таким путем исторические архивы являлись скорее коллекциями документов. Ни одной из губернских комиссий, обладавших крупными комплексами дел, не удалось завершить приведения их в порядок, а также составить к ним должный научно-справочный аппарат. Все это затрудняло их использование в научных целях.

Архивы в первую мировую войну. В военные годы были приняты меры по собиранию документов военного характера. Дела штаба верховного главнокомандующего сдавались непосредственно в Военно-учебный архив. При штабах фронтов учреждались полевые отделения Военно-ученого архива, а при штабах армий — особые делопроизводства. Они должны были передавать в «Центральное хранилище военно-исторических дел действующей армии», созданное в сентябре 1914 г., наиболее важные документы: подлинники журналов военных действий и приказов, дела оперативного, отчетного и разведывательного характера, трофейные документы, а также материалы, представляющие военно-историческую ценность. Полевые отделения возглавили опытные архивисты А. И. Григорович, М. О. Бендер, А. А. Белин. Что касается заведующих делопроизводствами, то они не имели должной подготовки, что отрицательно сказывалось на собирании военных источников. Штаты этих архивных органов в действующей армии были недостаточны: один офицер (начальник отделения или заведующий делопроизводством), два писаря и денщик. В Центральное хранилище поступало огромное количество документов. Сначала материалы прибывали в сопровождении описей, подшитыми в папки, разложенными по ящикам. Но скоро военные условия и безразличие к ценным источникам привели к тому, что дела стали поступать в неисправной упаковке, неподшитыми, без описей и обложек. Вагоны с архивными документами часто загоняли на станциях в тупики, и они стояли там без должной охраны целыми месяцами.

Центральное хранилище должно было функционировать авто-

номно от Лефортовского архива, но фактически подавляющее большинство военных документов располагалось в помещении этого архива. По просьбе начальника Генерального штаба в архиве было выделено 100 кубических сажень для временного хранения дел периода первой мировой войны. Отведенные площади были давно заполнены, а материалы продолжали прибывать. Только за 1916 год сюда поступило около 1300 больших ящиков с делами весом до 10 000 пудов. Нередкими были случаи, когда в этих вместилищах находились оружие и ордена. В декабре 1916 г. генерал Бонч-Осмоловский по поручению начальника Главного штаба осматривал Лефортовский дворец и пришел к выводу, что архив «переживает крайне тяжелое время... Все помещения архива, не исключая подвалов, присутственных комнат, лестничных клеток и проч., в буквальном смысле слова завалены делами, прибывающими из действующей армии... При чем поток дел продолжается и будет продолжаться»¹³.

Весной 1916 г. было учреждено Московское отделение Военно-ученого архива. Но его оборудование (для отделения выделили помещение Шуйского музея) продолжалось до декабря 1916 г. В конце 1916—начале 1917 г. Московское отделение приняло незначительное количество дел, большинство их продолжало храниться в Лефортовском архиве. Часть документов с фронта поступала также в другие города: Нижний Новгород, Ярославль, где они сильно пострадали летом 1918 г. от белоэсеровского мятежа.

Кроме документов военного характера в этот период было создано большое количество источников по обслуживанию армии. Дворянство и буржуазия организовали военно-промышленные комитеты, союз земств и союз городов, которые были призваны мобилизовать промышленность и распределить между фабриками и заводами заказы на военные нужды. В результате деятельности этих органов возникло огромное количество документов.

Накопление очень большого количества дел военного характера — первая отличительная черта тех лет.

Второй особенностью является массовая гибель архивных источников. Документы гибли от артиллерийских обстрелов, пожаров и особенно от эвакуации. Она проводилась плохо, документы оставались без надзора, много дел не было вывезено, и они были захвачены врагом. Так, в 1915 г. важнейшие архивы Закавказья эвакуировали в Краснодар, Ставрополь и близлежащие хутора и станицы. Дела разместили в сырых подвалах, сараях без должной охраны. Это привело к гибели многих комплексов документов.

В годы войны деятельность архивов была сильно затруднена. Многие архивисты были призваны на военную службу. Например, более трети сотрудников Московского архива Министерства юстиции находились в армии. Архивы испытывали нехватку в топливе,

новое оборудование практически не поступало, возникали сложности даже с канцелярскими принадлежностями.

Значительно сократилась научная работа архивов. Выпуск документальных изданий и справочников прекратился. Сильно уменьшилось число исследователей. Исключениями являлись Московский Главный архив МИД и архив Синода, в которых и в военные годы число ученых оставалось стабильным.

Изучение архивного дела в годы первой мировой войны позволяет сделать вывод, что правительство недостаточно использовало опыт по спасению документов во время предыдущих военных кампаний.

Изменения в области архивного дела. Отличительная черта этого периода — резкое нарастание научно-технической документации, что было вызвано развитием науки и техники. Появление таких материалов поставило перед архивистами вопрос о необходимости овладеть навыками работы с технической документацией,

Существенно изменился также характер документов. Появилось большое количество машинописных материалов, телеграфные бланки и ленты, записи телефонограмм и радиограмм, фотографии, кинофильмы, звукозаписи. Вопросы хранения многих источников представляли сложную проблему, которую предстояло решать архивистам.

Продолжал перениматься зарубежный опыт. Д. Я. Самоквасов побывал во многих архивах Западной Европы, что помогло ему при разработке архивной реформы. Самоквасов ввел также в русское архивоведение понятие «фонд». Выявленная им связь фонда с деятельностью учреждения и противопоставление фонду тематических коллекций свидетельствуют о том, что Самоквасов намного превзошел А. П. Воронова и И. Ф. Колесникова, читавших курсы архивоведения в Петербургском и Московском археологических институтах¹⁴.

Отечественные архивисты довольно успешно разрабатывали теоретические вопросы архивоведения, в том числе историю архивного дела. Наряду с публиковавшимися статьями по истории отдельных архивов подготавливались более серьезные исследования. Одним из них является книга С. А. Белокурова «Московский архив иностранных дел в 1812 г.» (М., 1913). Автор посвятил эту книгу освещению одного из трудных периодов истории архива. Он приводит интересные данные об эвакуации, героизме архивистов, оставшихся в Москве, заботе Н. Н. Бантыш-Каменского об архивных источниках.

Наиболее ценным исследованием стала книга Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России», выход которой был приурочен к 50-летию Московского архива Министерства юстиции. Она основана на документальных источниках и личных наблюдениях автора. Это первое серьезное исследование по истории отечественного архивного дела, в котором приведены важные сведения об архивном строительстве XVII—XIX вв. В то же время автор

идеализирует архивное дело в XVIII столетии, незаслуженно называя его «золотым веком».

Значительно расширило источниковую базу истории архивного дела вышедшее накануне победы Великого Октября издание «Сборник материалов, относящихся до архивной части в России» (Пг., 1916—1917. Т. 1—2). Видную роль в его разработке сыграли академик А. С. Лаппо-Данилевский, А. И. Андреев и С. А. Панчулидзе. В сборнике собраны наиболее важные материалы: законодательные акты, циркуляры, инструкции, проекты реорганизации архивного дела и др. Несмотря на некоторую неполноту и не совсем удачную систематизацию материалов, выход этого издания стал значительной вехой в разработке истории отечественного архивного строительства.

В организации хранения документов в этот период возобладал принцип происхождения. Однако материалы в большинстве исторических архивов продолжали храниться разбитыми на тематические коллекции.

Работа по составлению и отчасти изданию архивных источников в эти годы значительно усилилась. Вышли описи архивов Синода, Государственного совета, Сената, некоторых министерств. Однако в методике подготовки описей наблюдался большой разбой. Так, на рубеже XIX—XX вв. насчитывалось 17 видов описей (хронологические, хронологическо-структурные, структурно-хронологические, хронологическо-тематические, номинальные, подробные «ученые» описи и др.)¹⁵. Имели место случаи, когда на одни и те же комплексы документов составлялись различные виды архивных справочников. Это объясняется в первую очередь тем, что у архивов не было единого руководящего органа, который бы контролировал и координировал их деятельность, вырабатывал общие методические рекомендации.

Наиболее интенсивно работу по публикации справочников проводил Московский архив Министерства юстиции. Ряд его сотрудников составили квалифицированные справочники. Особо отметим разработанный С. А. Шумаковым «Обзор грамот Коллегии экономии» (М., 1899—1917. Вып. 1—4). Большая работа в архиве проводилась над описанием материалов Разрядного приказа. Эти описи были опубликованы в «Описаниях документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» (т. 9—20).

Успешно продолжалось упорядочение дел в других архивах. В 1905—1914 гг. вышло четыре тома «Каталога Военно-ученого архива», в котором опубликованы аннотации примерно на одну треть источников этого хранилища. Названные справочники прочно вошли в научный оборот, не потеряли они своего значения и в настоящее время. Гораздо шире проводилась работа по упорядочению дел в Лефортовском архиве. Созданное в 1901 г. Особое делопроизводство по описанию материалов архива, в которое входили офицеры и вольнонаемные сотрудницы — составительни-

цы каталожных карточек, упорядочило около 166 тыс. единиц хранения.

Успешно продолжалась работа по составлению описей на материалы Московского дворцового архива. В этом большая заслуга А. И. Успенского, разработавшего справочники на записные книги дворцовых приказов, а затем на столбцы Оружейной палаты. Два справочника, подготовленных видным архивистом С. М. Горяиновым и посвященных делам об Отечественной войне 1812 г. и императорской фамилии, были изданы Государственным архивом МИД.

Несмотря на определенные успехи, архивные учреждения испытывали значительные трудности. Например, в Московском архиве Министерства юстиции, по расчетам его руководства, на описание всех дел понадобилось бы около 1000 лет¹⁶. Это объясняется ограниченными штатами и огромным количеством документов. Еще хуже обстояло дело в большинстве других архивов. В это время наблюдаются различные приемы описания, причем они применялись даже в отношении аналогичных комплексов источников. Отрицательной чертой в описании дел являлось игнорирование важных фондов, посвященных антифеодальным выступлениям трудящихся масс. К тому же огромное количество дел оставалось вообще неупорядоченным.

Разветвленный справочный аппарат был составлен к документам органов политического сыска. Аннотации в описях лаконичны, но с достаточной полнотой раскрывают содержание дел. Кроме того, к документам составлялись именные указатели, что позволяло быстро собрать информацию об участниках революционного движения. Справочники составлены весьма квалифицированно и используются сейчас.

Уничтожение документов в большинстве архивов продолжалось очень интенсивно. Обрекались на гибель ценные источники Главного межевого архива, Государственного архива МИД и др. В уничтожении материалов ясно прослеживается классовый подход. Например, приказом по военному ведомству в 1911 г. предписывалось хранить документы об умерших нижних чинах пять лет, а документы «о павших лошадях» — десять лет. В этом ясно видно пренебрежительное отношение к простым людям¹⁷.

Неупорядоченность больших массивов дел создавала благоприятные условия для похищения источников. В эти годы воровство документов приобретает массовый характер. Такие негативные явления захватили местные и центральные хранилища. Например, из Лифортского архива писарь Кривицкий похищал документы пудами, продавая их Шукину, Барсову, другим коллекционерам и владельцам книжных магазинов. После разоблачения он получил легкое наказание — год тюрьмы. Другой похититель документов — приват-доцент Киевского университета Сташевский вообще не был наказан, так как он являлся членом погром-

организации «Союз русского народа» и за него заступилась реакционная часть профессуры. Зная о таких вопиющих фактах, Д. Я. Самоквасов отмечал, что нигде в мире так не расхищаются письменные памятники, «как в нашем отечестве».

Использование архивных документов. Использование документов носило традиционный характер. Как и в предшествующие периоды, материалы привлекались для обслуживания работы государственного аппарата и подготовки ответов на запросы частных лиц. В эти годы гораздо шире использовались дела архивов органов политического сыска. Квалифицированный справочный аппарат позволял жандармским архивистам справляться с все возрастающим объемом запросов, вызванным усиливающимся революционным движением.

Сотрудники учреждений и архивисты подготавливали большое количество справок по запросам вышестоящих инстанций, причем они порой публиковались с определенным ограничительным грифом (в зависимости от степени секретности).

Архивы, как и раньше, в первую очередь обслуживали интересы эксплуататорских классов. Однако несколько возросло число запросов от представителей трудящихся масс. Например, Лифортский архив в 1900 г. навел свыше 200 справок для выдачи солдатам дубликатов «взамен утерянных указов об отставке» и выдал около 150 справок «о розыскании нижних чинов, высылке сведений о службе их, выдаче солдаткам вдовьих видов и т.п.». Позднее процент запросов от «нижних чинов» несколько увеличивается, но остается значительно меньшим, чем со стороны офицера и дворянства.

В годы первой мировой войны объем справочной работы снизился. Ее сокращение можно объяснить следующим: сокращением числа запросов, что было вызвано условиями военного времени; поступлением в некоторые архивы больших комплексов дел; уходом в армию архивистов; эвакуацией ряда архивных учреждений.

На размеры справочной работы влияла публикация справочников и документов. Так, неплохих результатов в этой области добился Московский архив Министерства юстиции. В связи с этим возросла его справочная работа. В 60—70-е годы XIX в. он выдавал ежегодно около 30 ответов на запросы, а в начале XX в. — в два—три раза больше. Но особо благотворное воздействие оказало издание описей, обзоров и путеводителей на занятия исследователей. Например, в Московском архиве Министерства юстиции за весь 1898 год ученым выдали 18 столбцов из фонда Разрядного приказа, а в первом полугодии 1911 г. — 408.

Сильно возросло количество посетителей читальных залов, в том числе и в таких архивах, которые раньше были малодоступными. Так, в Государственном архиве МИД занималось в этот период свыше 700 историков. Увеличился приток ученых в другие исторические архивы. Активнее стали привлекаться

местные материалы, в чем была большая заслуга губернских ученых архивных комиссий. Их архивы явились базой для разработки значительного количества статей по истории отдельных регионов, которые публиковались в трудах комиссий и периодических изданиях.

Общий кризис дворянско-буржуазной историографии, характерный для периода империализма, отразился на работе историков в архивах. Исследователи разрабатывали в основном темы, не имеющие большого научного значения. Об этом свидетельствует возрастание числа так называемых полковых историографов, т.е. офицеров, откомандированных из своих полков для написания их истории. Не имея должной исторической подготовки и навыков архивной работы, они не могли создать исследования, представляющие какую-либо ценность. Между тем число таких «полковых историографов» в военных архивах составляло около 50%, т.е. в два-три раза больше, чем в 70-е годы XIX в. Немало их работало также в Государственном архиве МИД, Московском дворцовом архиве и др.

В периоды революционного подъема в стране допуск в архивы становился более свободным. Так, в мае 1905 г. П. Е. Щеголеву, только что вернувшемуся из ссылки, было разрешено по ходатайству Академии наук работать над материалами архива Департамента полиции — органа политического сыска России¹⁸.

В период реакции доступ к архивным источникам ужесточался. Уже в октябре 1906 г. П. Е. Щеголеву отказали в работе над источниками Департамента полиции под предлогом «продолжительной неявики» ученого¹⁹.

Документы высших и центральных учреждений, Государственного архива МИД и Военно-ученого архива привлекали исключительно представители крупной бюрократии, дворянства и небольшое число историков. В других архивах состав посетителей читальных залов постепенно становится более демократичным. Так, в Московском архиве Министерства юстиции и Московском дворцовом архиве занимались несколько человек крестьян.

На работу ученых определенное влияние оказывала сила традиции. Только этим можно объяснить, что материалы Главного межевого архива привлекались крайне слабо. Между тем, как справедливо отмечал В. И. Семевский, этот архив являлся для исследователей настоящим «кладом». Здесь занимались Б. Д. Греков, П. П. Смирнов и еще несколько человек.

Носители верховной власти ставили препоны ученым. В 1900 г. военный историк полковник А. М. Зайончковский по распоряжению царя разрабатывал историю Крымской войны. Ему необходимо было ознакомиться с перепиской Николая I с французским и австрийским императорами и прусским королем за 1853—1854 гг., которая хранилась в Государственном архиве МИД. На просьбу ученого последовала царская резолюция, выполненная без знаков препинания. На первый взгляд она носила

положительный характер, но концовка резолюции сводила на нет разрешение о допуске к историческим материалам: «Дать прочесть не делая копии и отнюдь не печатать. 14 марта 1900 г.»²⁰

В архивах Москвы и Петербурга работало много ученых из Киева, Харькова, Казани и других городов. Интенсивнее стали привлекать материалы русских исторических архивов иностранные ученые. Им для получения допуска к источникам требовалось «высочайшее разрешение».

Сильно возрос научный потенциал отдельных центральных архивов (Московского архива Министерства юстиции, Московского главного архива МИД, Московского дворцового архива). Их сотрудники С. А. Белокуров, С. К. Богоявленский, Л. М. Савелов, Д. Я. Самоквасов, А. И. Успенский и другие стали авторитетными учеными. Они продуктивно изучали документы ряда архивов, создавая серьезные исследования. Однако руководители вышестоящих учреждений относились к научной работе архивистов неоднозначно. Например, в Московском архиве Министерства юстиции это приветствовалось, а в Московском дворцовом архиве не поощрялось. Когда заведующий архивом Л. М. Савелов опубликовал в журнале «Русский архив» несколько статей, написанных на основе архивных источников, то получил выговор от непосредственного начальника, заведующего Общим архивом Министерства двора К. Грота²¹.

Архивные материалы широко экспонировались на выставках, в основном юбилейного характера. Это также являлось одним из средств информирования ученых об архивных богатствах.

Деятели литературы и искусства привлекали сведения из архивов. Для Л. Н. Толстого, работавшего над повестью «Хаджи-Мурат», архивисты снимали копии с документов Общего архива Министерства двора. Художник В. А. Серов в читальном зале Московского главного архива МИД познакомился с работами Д. Г. Левицкого. Особенно интенсивной была публикаторская деятельность архивов. Вышли в свет сборники с материалами Государственного совета, Сената, Синода, отдельных министерств. Продолжалась публикация документов Академией наук, Петербургской археографической комиссией, а также местными комиссиями (Киевской, Виленской и Кавказской). На страницах журналов «Русский архив», «Русская старина» и других были обнародованы интересные источники. Их издатели П. И. Бартнев и М. И. Семевский много работали в архивах, хорошо ориентировались в документальных богатствах исторических и ведомственных архивов.

В научно-издательской деятельности больших успехов добился Московский архив Министерства юстиции. В 1897 г. вышел сборник «Документы Московского архива Министерства юстиции», где помещены материалы Литовской метрики по вопросам служилого землевладения, положения и быта крестьянства, деятельности Литовского сейма в XV—XVI вв. Сборник предполага-

лось выпускать как периодическое издание, но вышел лишь первый том. О классовой направленности издательской деятельности свидетельствует сборник «Архивный материал» (М., 1905—1909. Т. 1—2), в котором нашли документальное освещение вопросы поместно-вотчинного землевладения XV—XVIII вв.

Особого внимания заслуживает периодическое издание «Сборник Московского архива Министерства юстиции» (М., 1913—1914. Т. 1, 5, 6). Публикация материалов в нем проводилась на основе выработанных архивом с участием ученых (в том числе акад. А. И. Соболевского) «Правил переписки и издания документов». В этом издании сделана попытка публиковать документы по предметному признаку. Управляющий архивом Д. В. Цветаев подчеркивал в 1916 г., что если другие научные учреждения стремятся публиковать комплексы или коллекции документов, то Московский архив Министерства юстиции «...имеет своей преимущественной задачей издание документов, находящихся в разных его отделах и фондах, но относящихся к одному предмету». Такая работа значительно труднее, но архив «...потому-то и считает своей обязанностью поставить ее на первую очередь», поскольку архивные работники лучше других исследователей ориентируются в отложившихся здесь материалах²².

Большое количество документов опубликовали военные архивы. Наиболее крупным изданием является «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» (СПб., 1901—1911. Вып. 1—97), в котором опубликованы источники Военно-ученого, Лефортовского и целого ряда других военных архивов. Здесь собраны материалы от оперативной документации до дипломатических актов и корреспонденций. Основная ценность издания заключается в том, что в нем опубликованы документы, выполненные карандашом, которые сейчас практически прочитать невозможно, и позднее уничтоженные источники.

На базе материалов Военно-ученого архива было подготовлено издание «Отечественная война 1812 г.» (СПб., 1900—1914. Т. 1—21). Здесь получили документальное освещение события 1810—1812 гг., причем около 60% материалов посвящено предвоенному периоду. В процессе выявления и отбора источников проявилась классовая тенденциозность составителей. В частности, отбирались документы, в которых умышленно уменьшалась роль М. И. Кутузова и преувеличивалось значение Александра I.

Архивы накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). После победы Февральской буржуазно-демократической революции и до июльских дней 1917 г. наша партия имела возможность почти открыто вести делопроизводство: записи заседаний комитетов, общих собраний, принятых решений, списки членов партийных организаций, выдаваемых мандатов и другие документы. Центральный Комитет партии уделял партийным архивам постоянное внимание. В апреле 1917 г. при ЦК партии было образовано Бюро печати, которое

занималось также созданием архива партийной литературы и партийных изданий. Центральный Комитет партии в мае 1917 г. обратился к партийным организациям с просьбой присылать все печатные издания (газеты, брошюры, листовки и т. д.), так как эти материалы имеют огромную ценность для истории нашей партии.

Однако в партийной документации за этот период имеются существенные пробелы. При отъезде из Швейцарии в Россию В. И. Ленин разобрал свой архив, накопившийся за военные годы, и оставил материалы у В. А. Карпинского, Л. Г. Шкловского и некоторых других. Часть этих документов не дошла до нас. Не найдены также некоторые выступления В. И. Ленина (например, рукопись лекции «Война и революция», которую Владимир Ильич прочитал в середине мая 1917 г.). Не велись стенографические записи на VII Апрельской конференции и VI съезде партии, нет даже точного списка делегатов Апрельской конференции. Не полностью сохранились протоколы ЦК партии.

Не выяснена судьба части архива партии, которую эвакуировали в начале 1918 г. в связи с большой опасностью, нависшей над Петроградом, в Екатеринбург. В этот город архивные документы партии прибыли благополучно. Но вскоре Екатеринбург был захвачен белочехами, затем колчаковцами. Люди, хранившие материалы, были арестованы. Дальнейшая судьба документов неизвестна. Если бы их удалось найти, то эти материалы, освещающие деятельность В. И. Ленина, ЦК партии в период развития революции от Февраля к Октябрю и в первые месяцы Советской власти, явились бы ценными источниками по истории партии²³.

Большую ценность для изучения Февральской революции и особенно подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции имеют документы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В процессе деятельности Советов создались архивы, в которых отлагались протоколы, постановления, резолюции, списки депутатов, переписка с другими учреждениями.

Известны случаи, когда массы стремились овладеть архивными документами, чтобы использовать их в интересах революции. Так, в Чернигове Совет рабочих депутатов решил взять в свои руки архивы жандармских учреждений. Рабочие Донбасса пытались овладеть архивами заводских предприятий. Они даже назначили уполномоченных для передачи документов в ведение своих организаций. Но эти попытки не искушенного в политике трудового народа встретили решительное противодействие Временного правительства. Оно не допустило рабочих захватить архивы в Донбассе, не допустило передачи полицейских и жандармских архивов Черниговскому Совету.

Необходимо отметить архивы профессиональных организаций, которые особенно интенсивно стали возникать после победы Февральской революции. Архивы создавались также при фабрично-

заводских комитетах, при революционных организациях в армии и на флоте. Материалы этих организаций показывают возрастные революционной активности масс, усиление влияния большевистской партии.

Архивы образовывались в результате деятельности учреждений Временного правительства. В архиве канцелярии хранились журналы заседаний Временного правительства, доклады министров и другие материалы. В архиве Министерства внутренних дел отлагались документы по вопросам местного самоуправления, переписка об образовании и деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов, о крестьянских восстаниях. Антинародный характер Временного правительства отразился также в материалах архивов Министерства продовольствия, Департамента народного просвещения и других учреждений.

После свержения самодержавия не были приняты меры к изъятию у представителей павшего режима компрометирующих их документов. Бывший царь Николай II, находясь в Царскомельском дворце, занимался уничтожением материалов, которые он привез из Ставки. Это происходило при попустительстве министра юстиции А. Ф. Керенского, который взял под личное покровительство семью последнего Романова.

Крупнейшие царские сановники также имели все возможности избавиться от наиболее компрометирующих документов. Поэт А. А. Блок, работавший некоторое время в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших царских министров и других лиц, писал, что военный министр Беляев сжег ряд документов Совета министров, особого совещания по объединению мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла (совещания пяти министров), доклады царю, некоторые материалы по снабжению армии, шифры и т.п., причем многие из уничтоженных бумаг имели уникальный характер.

После Февральской революции значительные размеры приняло уничтожение материалов органов политического сыска. В Петрограде агенты охраны подожгли здание Окружного суда, и с ним вместе сгорел почти весь архив Петроградского охранного отделения. Было подожжено также здание Департамента полиции, где хранилась часть архивов.

Здание Московского охранного отделения подожгли в ночь на 2 марта 1917 г. При осмотре помещения после пожара было установлено, что все печи полны пепла от сожженных документов. Уничтожались также архивы «черных кабинетов», занимавшихся перлюстрацией писем.

Архивы местных органов политического сыска также сильно пострадали. Например, в Витебске, Кутанси и ряде других городов они были уничтожены почти полностью.

Временное правительство не принимало необходимых мер для спасения гибнущих материалов. Оно ограничилось лишь тем, что

поручило наблюдение за архивом Департамента полиции Чрезвычайной следственной комиссии, в Москве — Комиссии по обеспечению нового строя. На местах возникли различные буржуазные комитеты общественных организаций и созданные ими Комиссии по разборке жандармских архивов. Они состояли в основном из адвокатов, профессоров, представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий. Комиссии официально ставили своей задачей выявление тайных агентов полиции и провокаторов для привлечения их к ответственности. Однако эта задача не выполнялась. Так, в Москве было рассмотрено свыше 30 дел о провокаторах, и почти все они были оправданы.

Полное безразличие проявляло Временное правительство даже к нуждам важнейших архивов. Когда МИД обратилось к нему с просьбой предоставить для Государственного и Петроградского главного архивов МИД часть помещений Русского музея, то даже эта скромная просьба не была удовлетворена. Правительство предпочло вывезти свыше 300 ящиков с документами архивов в Кирилло-Белозерский монастырь²⁴.

В этот период возник еще один проект реорганизации архивного дела. Видный архивист Ф. А. Ниневе обратился весной 1917 г. к министру иностранных дел Временного правительства П. Н. Миллюкову с предложением провести реорганизацию архивов правительственных учреждений. В качестве первой меры он предлагал создать образцовый архив на базе документов Государственной думы или военного ведомства. Он справедливо отмечал, что в одном Петрограде имеется свыше 20 военных архивов, не считая полковых, причем каждый из этих архивов обслуживают военные и гражданские чиновники. Ф. А. Ниневе предлагал «все эти архивы соединить в один центральный архив Военного министерства и дать ему... достаточный и хорошо научно подготовленный личный состав с наивысшими окладами». Получится значительная экономия плюс образцовый во всех отношениях архив. Аналогичным путем Ниневе предлагал создать центральные архивы в других ведомствах. Он также считал целесообразным разделить страну на провинциальные архивные округа с тем, чтобы в каждом из них для хранения местной документации был создан окружной архив. Под архивохранилища Ниневе рекомендовал обратить дворцы членов дома Романовых. Для разрешения всех вопросов архивного строительства он также предлагал создать комиссию, в состав которой следовало включить историков, юристов, архитекторов и других компетентных лиц.

Ниневе водновали многочисленные случаи гибели документов органов политического сыска. Он предлагал принять должные меры к их охране и одновременно обратиться с воззванием к народу о недопустимости уничтожения ценных источников.

Само обращение к Миллюкову не случайно: последний являлся известным в свое время историком и, по мнению Ниневе, должен был принять близко к сердцу положение архивов. Однако ни одна

из выдвинутых идей не получила осуществления, и письмо осталось без ответа²⁵.

В марте 1917 г. представители ряда петроградских архивов, библиотек, музеев и других научных учреждений приняли решение о создании Союза российских архивных деятелей. Его председателем избрали акад. А. С. Лаппо-Данилевского, секретарем — начальником архива Морского министерства А. И. Лебедева, в состав совета вошли Б. Л. Модзалевский, А. С. Николаев и др. Основными задачами Союза российских архивных деятелей являлись забота о правильной постановке архивного дела в стране, охрана архивных документов, издание трудов по архивоведению, защита профессиональных интересов архивистов, подготовка методических указаний по основным аспектам архивной работы, создание архивоведческих кафедр в вузах. В июне 1917 г. Министерство народного просвещения утвердило устав Союза.

А. С. Лаппо-Данилевский, повторяя мысль Н. В. Калачова, предложил создать «справочное депо», в котором можно было получить информацию обо всех отечественных архивных фондах. Однако в дореволюционный период реализовать эту идею не удалось. Лишь в настоящее время коллектив Отдела автоматизированной архивной технологии ВНИИДАД, который возглавляет глубокий знаток архивного дела Р. Н. Ефименко, близок к осуществлению цели. В память ЭВМ уже заложена информация о фондах, хранящихся в центральных государственных архивах СССР, и идет успешная работа по накоплению базы данных. В недалеком будущем можно будет получить сведения у компьютера обо всех документальных комплексах, входящих в состав Государственного архивного фонда СССР, буквально за считанные минуты.

По предложению Лаппо-Данилевского шла также подготовка справочника по петроградским архивам (обследовались столичные архивы, изучалось их состояние, выяснялись состав и содержание фондов). Союз провел анкетирование ряда петроградских архивов для выяснения их положения и нужд. Материалы анкетирования использовались в сентябре 1917 г. при подготовке к эвакуации некоторых столичных архивов.

Деятельность Союза российских архивных деятелей в основном протекала в Петрограде. В восьми городах (Москве, Киеве, Харькове, Одессе и др.) были созданы его отделения. Для своего времени Союз был авторитетной организацией. Ряд его сотрудников впоследствии участвовал в советском архивном строительстве. Однако результативность его деятельности в дореволюционный период была невысока. Союз всячески стремился укрепить положение губернских ученых архивных комиссий и передать в их распоряжение местные архивы. На его заседаниях высказывалась мысль о создании Высшей ученой архивной комиссии. Осенью 1917 г. Союз российских архивных деятелей подготовил эвакуацию важнейших петроградских архивов. Организована эвакуация была плохо, многие документы погибли при перевозке.

Очень плохо обстояло положение с архивами на местах. Для рассмотрения этого вопроса при Академии наук было создано межведомственное совещание из представителей Министерств народного просвещения, внутренних дел, Академии наук, Союза российских архивных деятелей, Петроградского археологического института, Русского исторического общества. Совещание выработало некоторые рекомендации для улучшения архивного дела на местах, однако никакого практического значения они не имели.

В этот период были сделаны попытки по собиранию материалов по истории Февральской революции. В Петрограде возникло общество изучения революции 1917 г., которое выпустило воззвание о собирании газет, листовок, книг, журналов, фотографий, а также о необходимости записывать воспоминания участников, лозунги, частушки, стихотворения.

При некоторых воинских соединениях создавались исторические комиссии, возглавляемые, как правило, офицерами, которые занимались собиранием листовок, газет и других материалов. Документы по истории Февральской революции, газеты, брошюры, другие печатные материалы и фотографии собирали также некоторые библиотеки и музеи.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным выступила за отмену тайной дипломатии. Владимир Ильич еще в ноябре 1916 г. в статье «О сепаратном мире» отмечал, что правительства воюющих стран «опутаны сетью *тайных договоров* между собой, со своими союзниками и *против* своих союзников, причем содержание этих договоров не случайно... а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики»²⁶.

6 марта 1917 г. Временное правительство в обращении к гражданам России заявило о своем стремлении довести войну до победного конца и неуклонно выполнять заключенные с союзниками договоры и соглашения. Оно резко отрицательно относилось к обнародованию дипломатических актов. Об этом свидетельствует заявление министра иностранных дел М. И. Терещенко: «Немедленное опубликование договоров будет равносильно разрыву с союзниками»²⁷.

4 (17) марта 1917 г. В. И. Ленин писал, что новое правительство «...сохраняет в тайне грабительские договоры, заключенные царизмом с Англией, Францией, Италией, Японией и т.д. Оно хочет скрыть от народа правду о своей военной программе...»²⁸.

Особую остроту лозунг об опубликовании тайных договоров приобрел в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Это требование являлось важным шагом в овладении рабочим классом архивами буржуазно-помещичьего государства. Сразу же после победы Великого Октября секретные дипломатические материалы стали публиковаться в периодической печати и выходить отдельными сборниками документов.

Коммунистическая партия вела борьбу за отмену коммерческой тайны, чтобы разоблачить мародерство капиталистов.

В. И. Ленин поставил вопрос о предоставлении фабрично-заводским комитетам, Советам, профсоюзам права контроля за производством и распределением продуктов с открытием для этой цели всех торговых документов: «Пусть всякий рабочий, который знает и понимает, что делается... на «его» фабрике; пусть всякий банковый, фабричный, торговый служащий, кто не равнодушен к гибели страны; пусть всякий инженер, статистик, бухгалтер направят все усилия, чтобы *собирать*, хотя бы по частям, точные — по возможности документальные — данные об этой вакханалии мародерства, то есть о *ценах и прибылях*»²⁹.

Ленинские высказывания свидетельствуют об огромном значении документальных материалов. В последующем В. И. Ленин неуклонно выступал за отмену коммерческой тайны, что сыграло важную роль в овладении рабочим классом архивами частновладельческих предприятий.

Глава 7

ЧАСТНЫЕ АРХИВЫ. СОБИРАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ МАТЕРИАЛОВ

Кроме огромного количества архивов правительственных учреждений в России существовала широкая сеть частных архивов. Государство, как правило, не проявляло заботы об этих документальных собраниях, хотя они хранили ценные и важные источники. Царизм интересовался фондами лишь отдельных государственных и военных деятелей XVIII—XIX вв., которые после смерти их владельцев передавались в Государственный архив МИД, Военно-ученый архив и в некоторые другие хранилища. Концентрация важных в политическом отношении источников в наиболее закрытых архивах преследовала цель спрятать эти документы от исследователей. Что касается других частновладельческих документальных собраний, то их судьба была весьма печальной. Они в своем большинстве были недолговечны. Частные архивы находились в большой зависимости от условий их хранения, часто расплывались и в большей степени, чем другие виды архивных материалов, были подвержены всем случайностям гибели и уничтожения.

От вторжения интервентов, стихийных бедствий, плохих условий хранения частные собрания документов страдали значительно сильнее, чем другие архивы. Так, в 1812 г. французами была разграблена громадная библиотека графа Л. К. Разумовского в селе Петровском-Разумовском под Москвой, библиотека графа И. Г. Орлова, в которой хранилось много славянских рукописей. Выше говорилось о гибели в 1812 г. ряда ценных коллекций. В связи с этим заслуживает внимания судьба документального собрания профессора Московского университета Ф. Г. Баузе. По-

сле захвата Москвы французами в доме Баузе разместился штаб французской дивизии. Вскоре начались дожди, и французские солдаты бросали в лужи около дома древние манускрипты, в том числе и рукописи XI—XII вв. Делалось это для того, чтобы не испачкались в грязи коляски французских генералов и офицеров. Такой вандализм захватчиков нанес непоправимый урон отечественным культурным ценностям.

Только в XIX в. (преимущественно со второй половины) библиотеки и музеи занялись собиранием документов частных архивов. Такая работа проводилась русской демократической общественностью в основном за счет частной благотворительности и была направлена главным образом к спасению рукописей деятелей литературы и искусства. Материалы рукописных отделов библиотек и музеев шире, чем документы архивов правительственных учреждений, использовались исследователями. Они также публиковались на страницах научных и литературных журналов.

Частновладельческие архивы. Частные архивы, сложившиеся в дореволюционный период, можно разделить на две группы: архивы фондового характера и коллекционного типа. Если материалы отлагались у данного лица, фамилии, рода в процессе их жизни и деятельности, а также работы их предприятий, имений и т. д., то образовался частный архивный фонд. В зависимости от целей накопления документов складывались архивы хозяйственные, юридические, научные, литературные и др.

Архивы фондового характера по особенностям происхождения и составу их источников мы подразделяем на две основные группы: частновладельческие фонды, к которым относятся материалы имений, контор по управлению имениями, фабрик, издательств, других частных предприятий, и личные архивные фонды, состоящие из документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности одного лица. Личные архивные фонды часто разрастались, превращаясь со временем в фамильные или родовые фонды (в таком случае эти комплексы источников концентрировали материалы по истории семьи или рода). Конечно, грань между частновладельческими и личными фондами часто была настолько неясна, что сложно было определить категорию фонда. В обеих группах имелись и личные, и хозяйственные документы. В зависимости от того, какие материалы преобладают, мы называем эти комплексы дел частновладельческими или личными фондами.

Несколько позже (в основном с XVIII в.) получили распространение документальные собрания коллекционного типа. В них концентрировались источники, освещавшие деятельность выдающихся лиц, какие-либо знаменательные события и т. д. Коллекции составлялись по тематическим, географическим, палеографическим и другим признакам.

В России XVI—XVII вв. существовало значительное количество частновладельческих архивов: вотчинные, поместные, купеческие, архивы посадских людей и крестьян. Наиболее крупными

были вотчинные архивы. До нас дошли некоторые документы Васильчиковых, Голицыных, Морозовых и др.: это жалованные грамоты, крепостные акты на вотчины, материалы о восстаниях, о состоянии и хозяйстве вотчин, семейная и частная переписка и другие документы.

Помещицьи архивы хранили аналогичную документацию. В фондах Мусиных-Пушкиных, Сухотинных, Яковлевых и других преобладали хозяйственные материалы за XVII век. Из числа купеческих архивов наиболее полно до нас дошли документы купеческих предприятий, которые дожили до образования все-русского рынка (например, именитых гостей Строгановых). В этом фонде хранились жалованные грамоты великих князей и царей, отдельные записи, крепостные акты на имения, материалы об управлении имениями и заводами, платежах и натуральных повинностях крестьян, о выварке, транспортировке, поставке в казну и вольной продаже соли.

Архивы посадских людей и крестьян состояли из различных записей (отдельных, рядных, сговорных и др.), черновиков челобитных по спорным делам и т.д.

Частновладельческие архивы чаще, чем архивы правительственных учреждений, гибли от пожаров, наводнений, плохих условий хранения. Только поэтому до нас дошло немного частновладельческих архивов XVII в. (около 720).

В XVIII в. состав частных архивов усложняется. В поместных архивах сосредоточивается документация такого характера, как записи расходов и доходов, хозяйственные отчеты, ведомости барщины и оброка. Больше появляется материалов о выступлениях крестьян, об усилении степени их эксплуатации. В фамильных архивах теперь накапливаются патенты на чины, титулы, звания и т.п.

Сильно возрастает научная ценность документов, отлагавшихся в частных архивах государственных деятелей, полководцев, дипломатов. Петр I лично писал письма к более чем 600 лицам, не считая его писем и указов к группам лиц и учреждениям¹. Все они концентрировались в частных собраниях. В тот период многие сановники смотрели на документацию возглавляемых ими канцелярий как на свою собственность и, оставляя службу, забирали многие документы в личные архивы. Обширный военно-походный архив П. А. Румянцева, представляющий первостепенный интерес для военной истории, заключал в себе дела о его военной деятельности, а также административной на посту правителя Малороссии. Несмотря на официальный характер документации, все эти материалы хранились в имении П. А. Румянцева в селе Ташанах Черниговской губернии и были «пожертвованы» его наследником Н. П. Голицыным государству.

В частные архивы поступали подчас источники, имеющие важное государственное значение. В этой связи интересна судьба подлинной диспозиции на штурм Измаила (1790), подписанной

А. В. Суворовым. Автограф диспозиции и два дополнения к ней сообщают о подготовительных мероприятиях к штурму Измаила, о том, какие воинские части и в каких направлениях должны были атаковать крепость. Характерно, что в документах не указано время атаки, что свидетельствует о большой осторожности Суворова. По значимости эти источники следовало хранить в Военно-ученом архиве. Однако он отложился в личном фонде генерал-поручика А. Н. Самойлова, который в 1790 г. командовал тремя колоннами левого фланга русских войск. В настоящее время документ хранится в ЦГАДА в фонде «Самойловы» и практически неизвестен исследователям². Об этом свидетельствует ряд публикаций данного источника, которые осуществлялись по копиям материалов и имеют разночтения с автографом. Между тем последний позволяет понять некоторые неясные слова, уточнить отдельные места в тексте.

Возникает вопрос о причинах, почему подлинник диспозиции попал в личный фонд Самойлова. Видимо, документ был прислан ему для ознакомления и он оставил его у себя. В этом нет ничего странного, если учесть, что Самойлов был племянником всесильного фаворита Екатерины II Г. А. Потемкина, а «всевластие» последнего распространялось и на его родню.

Вообще в период феодализма в фондах государственных и военных деятелей отлагались часто документы, имевшие очень важное политическое значение. Такие материалы попадали в личные фонды путем изъятия из архивов правительственных учреждений. Это было возможно при тех больших правах, которые имели государственные деятели и сановники. Для них стиралась грань между «личными» и «государственными» бумагами. Так, Екатерина II, Г. А. Потемкин и некоторые другие фавориты царицы проявили самый «горячий» интерес к бумагам Петра I. То же самое наблюдалось после смерти Екатерины II и Потемкина.

Многие руководители ведомств и учреждений наиболее важные дела хранили в личных архивах. Например, у начальника Тайной экспедиции Сената С. Шишковского находились дома материалы о Е. И. Пугачеве, А. И. Радищеве, Н. И. Новикове и др. После его смерти некоторые источники попали в личные архивы Екатерины II, Павла I, А. А. Безбородко, но ряд документов (например, следственное дело Н. И. Новикова) остался у наследников Шишковского.

Важные бумаги отлагались порой у чиновников не столь высокого ранга. В середине XIX в. умер средний чиновник А. И. Карасевский, принимавший когда-то участие в работе следственной комиссии по делу декабристов. В его фонде обнаружили отпуски докладов комиссии Николаю I, черновики протоколов показаний П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. Г. Волконского и др.

Правительство принимало некоторые меры против переброски материалов из архивов правительственных учреждений в личные. После смерти или опалы того или иного государственного деятеля

порой создавались комиссии для проверки документов. Но меры носили эпизодический характер, и члены комиссий вели себя не лучшим образом, зачастую присваивая источники. В результате протекал процесс «блуждания» дел из архивов правительственных учреждений в личные и обратно, вносилась путаница в организацию хранения документов, материалы терялись.

Таким образом, частные собрания источников по содержанию и хронологии были весьма пестры, но имели большую научную ценность. Примерная классификация этих фондов такова: 1) материалы носят комплексный характер и касаются экономики, классовой борьбы, внутренней политики, войн, науки и культуры (фонды А. А. Безбородко, Д. П. Трошинского, Н. П. Румянцева и др.); 2) дела внешнеполитического характера (фонды И. А. Каподистрии, К. В. Нессельроде и др., коллекция А. И. Тургенева и др.); 3) источники по военной истории (фонды Н. И. Салтыкова, П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Ф. Ф. Ушакова и др.).

Личные архивы редко содержались в хорошем состоянии, как у Александра I, А. А. Безбородко, Д. П. Трошинского, А. Б. Куракина и некоторых других. Подавляющее большинство частных документальных собраний после смерти их владельцев перемещалось на чердак или в подвал, где документы просто погибали от плохих условий хранения³.

С XVIII в. сравнительно широко развивается коллекционирование письменных источников. Коллекционеры принадлежали к различным слоям господствующего класса: государственные деятели (А. Д. Меншиков, Д. М. Голицын, Я. В. Брюс, А. А. Безбородко), служители церкви (Феофан Прокопович), чиновники (П. Н. Крекшин), историки (В. Н. Татищев, И. Н. Болтин). А. Д. Меншиков являлся также обладателем крупнейшей библиотеки, которая состояла из 13 000 томов, причем 3000 из них были очень редкими изданиями. Богатая библиотека и собрание рукописей имелись у князя Д. М. Голицына. После его опалы эти материалы подверглись в значительной степени распылению.

Деятельность коллекционеров имела существенные недостатки, так как многие важные источники переходили из архивов правительственных учреждений в частные собрания и исследователи просто не знали об их наличии. К тому же коллекционирование приводило к «раздроблению» архивных комплексов, что в свою очередь снижало научную ценность документов. Вместе с тем здесь были и положительные моменты: некоторые интересные материалы благодаря этому удалось сохранить и позднее они (правда, в ограниченных масштабах) привлекались историками.

В связи со значительной ролью в политической, хозяйственной и культурной жизни дореволюционной России церковью, монастырями и другими культовыми учреждениями их архивы имеют большую научную ценность. В прошлом многие монастыри были крупнейшими вотчинными хозяйствами. Так, к моменту секуляризации

монастырских земель (1764) за церковь числилось свыше 910 тыс. крепостных.

До секуляризации земель архивы монастырей и церквей наряду с коллекциями книг культового, назидательного и повествовательного характера концентрировали прежде всего богатые собрания юридических и хозяйственных документов. Они тщательно хранились, и постановка архивного дела у церковных феодалов была по тому времени высокой.

При подготовке к секуляризации у монастырей и церквей были отобраны важнейшие документы, удостоверяющие их права на землю и на различные привилегии. Материалы поступили в Коллегию экономики, а затем их передали в Московский государственный архив старых дел. Тем не менее у монастырей и церквей осталось огромное количество источников. Но отношение к их сохранности круто переменялось. Можно привести много фактов, свидетельствующих о варварском отношении большинства церковников к памятникам прошлого.

Один из немногих просвещенных церковников митрополит Евгений Болховитинов во время поездки в Новгородский Юрьев монастырь встретил на берегу Волхова воз, на котором (по словам инока-возницы) был разный старый хлам. Инок должен был его выбросить в реку. При разборе Болховитиновым этого «хлама» там оказались даже документы XI в., от которых постарались очистить монастырские книгохранилища ради архиерейского приезда.

Об этом же свидетельствуют воспоминания П. М. Строева. Даже через 35 лет после археографической экспедиции ему как кошмар «...мерещились упрямые Евтихианы, Августины, отцы Жаворонковы и пр.». В Вологодских и Белозерских краях «хранители древностей» поступали так: едва слышат о приближении Археографической экспедиции, «так все стараются спрятать, а иногда и совершенно истребить». Такие случаи носили далеко не единственный характер. Например, в 1857 г. в Новгороде были случайно обнаружены на хорах Софийского собора, где находились древние тайники, две заделанные кирпичом комнаты, в которых оказались подлинные царские и патриаршие грамоты, столбцы, книги и различные документы XVI—XVII вв., относящиеся к истории Новгорода. Соборный настоятель и ключарь засвидетельствовали, что эти материалы, хранившиеся раньше в архиерейском доме, были замурованы в их присутствии во время ремонта собора в 1832—1833 гг., т. е. в период Археографической экспедиции П. М. Строева.

Даже печать царской России вынуждена была признать, что духовенством уничтожались ценные памятники русской истории. «Давно уже стало общеизвестной и печальной истиной, что нет более невежественных врагов наших памятников старины и искусства, чем большая часть нашего духовенства»⁴. Это констатировалось в журнале, известном своими консервативными взглядами.

В дореформенный период произошли изменения в системе частновладельческих архивов. Особый интерес представляют материалы участников революционного движения. До нас они дошли в большинстве случаев в фондах органов политического розыска. В поместных архивах появились документы, связанные с внедрением в помещичье хозяйство вольнонаемного труда (материалы о наймах и увольнениях, ведомости об оплате жалования рабочим и т.п.). В фабрично-заводских архивах содержались документы о все усиливающейся эксплуатации трудящихся, росте прибылей капиталистов, техническом оснащении предприятий и др. Значительно возросло количество архивов государственных деятелей, деятелей литературы и искусства.

Определенных успехов достигло частное собирательство исторических документов. Оно стало заметным явлением в духовной жизни страны. Среди коллекционеров появились представители купечества (И. Н. Царский, И. П. Лаптев, Н. П. Филатов и др.).

Ценное собрание по русской и мировой истории за XII—XVIII вв. и копийных материалов за более ранний период находилось у Н. П. Румянцева. Он установил тесные связи с рядом русских и иностранных ученых и коллекционеров, приобретая в основном документы, не известные историкам. Все интересные поступления, как правило, вводились в научный оборот.

Большая коллекция материалов, известная под названием Древлехранилища, была у историка М. П. Погодина. Ему удалось приобрести коллекции купцов И. П. Лаптева, Н. П. Филатова, археографа П. М. Строева, историка К. Ф. Калайдовича. Кроме того, издавая в разное время журналы «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Московитянин», он был связан перепиской с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем и другими писателями, чем пополнило его коллекцию письмами и рукописями их произведений. Как отмечали современники, Погодин «ухитрялся получить все нужное и интересное или даром, или за очень незначительную цену, а впоследствии сумел по довольно выгодной цене вручить свое Древлехранилище казне»⁵. Таким образом, коллекционирование стало прибыльным делом, а старинные документы — ходким товаром. Конечно, в рядах коллекционеров были и истинные, бескорыстные любители.

Материалы крупнейших коллекций впоследствии попали в архивы, библиотеки и музеи. Так, собрание Н. П. Румянцева составило основу Румянцевского музея, Древлехранилище М. П. Погодина поступило в Петербургскую публичную библиотеку.

Печальной была судьба многих архивов деятелей литературы и искусства. Так, уже на следующий же день после смерти А. С. Пушкина его архив по распоряжению Николая I был опечатан В. А. Жуковским и жандармом Дубельтом. Николай дал распоряжение А. Х. Бенкендорфу: «Пушкин скончался; я приказал Жуковскому запечатать кабинет и предлагаю вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он (Дубельт) положил печать

жандармскую для большей верности. Через неделю они оба снимут печати, и Жуковский сделает разборку бумаг»⁶.

В дальнейшем наблюдается постепенное распыление архива поэта. Жуковский, занимаясь разборкой бумаг Пушкина, выделил некоторое число автографов и оставил их у себя. Его сын, П. В. Жуковский, «подарил» их позднее коллекционеру А. Ф. Отто (Онегину), владельцу Пушкинского музея в Париже. Примеру В. А. Жуковского последовал также известный пушкинист П. В. Анненков. В коллекции Анненкова имелось немало бумаг и рукописей А. С. Пушкина. После смерти коллекционера они были проданы соседнему помещику, а последний затем распродал их по частям.

Многие автографы А. С. Пушкина не обнаружены до сих пор. Неизвестно местонахождение ряда писем А. С. Пушкина к В. А. Жуковскому, В. К. Кюхельбекеру, П. Я. Чаадаеву, А. Х. Бенкендорфу и другим. Утрачены рукописи многих произведений: «Гаврилада», «Моцарт и Сальери», «К Чаадаеву» и др.

Фамильный архив Грибоедовых пострадал еще сильнее. При продаже усадьбы в селе Прутинине Костромской губернии, принадлежавшей некогда матери А. С. Грибоедова, приказчиком были собраны «два воза Грибоедовского архива» и проданы «...в соседнее село Бурмакино бакалейному лавочнику по 5 руб. за воз, остальные части архива пропали и распроданы».

Лишь со второй половины XIX в. наблюдается более бережное отношение к автографам деятелей литературы и искусства. В этом основная заслуга сотрудников рукописных отделов библиотек и музеев, собравших большое количество ценных рукописей. Однако архивы великих писателей часто были рассредоточены по частным коллекциям и многочисленным хранилищам. Например, литературное наследство Л. Н. Толстого в значительной части собрал В. Г. Чертков и хранил в стальной комнате своего дома в Крайстчере (Англия). Много рукописей С. А. Толстая передала в Румянцевский музей. Часть материалов писателя находилась в Ясной Поляне.

Такое же положение было и с архивом А. П. Чехова: его материалы хранились у его сестры в Ялте, в сейфе частного банка, в Таганроге и др.

После крестьянской реформы 1861 г. усилилась продажа частных архивов и коллекций, многие помещичьи архивы были брошены на произвол судьбы. Интересна в этой связи точка зрения дворянского историка и архивиста Л. М. Савелова. Помещики, пишет он, не сумевшие «...справиться с новым укладом, побросали свои насиженные гнезда, а с ними вместе побросали и те немногие письменные памятники своей семейной старины, которые еще сохранились у них и которые после того попали в еще более невежественные руки нового помещика, помещика-кулака, который, стараясь извлечь из всего пользу, преспокойно продал этот

ненужный ему бумажный хлам на бумажные фабрики и в мелочные лавки на обертку»⁷.

В этот период в России оставалось незначительное количество семейных дворянских архивов. Это «...князя Куракины, гр. Шереметевы, гр. Н. М. Сологуб, которой принадлежит архив рода Кольчевых, гр. Уварова, гр. Милорадович, Кашкины и еще может быть с трудом наберем десятка 1,5 или два»⁸. Некоторые архивы уничтожались в связи с желанием их хозяев избавиться от компрометирующих материалов. Так, граф А. Г. Строганов, в прошлом министр внутренних дел и одесский генерал-губернатор, в 80-е годы распорядился утопить свой богатый личный архив в Черном море⁹.

Многие частные собрания документов увозились за границу. Так, Несвижский архив кн. Радзивилла включал 589 206 документов. В 1867 г. значительная часть архива (преимущественно историческая часть) по распоряжению владельца была перевезена в Берлин.

Предпринимаемые некоторыми организациями (например, Московским археологическим обществом) попытки спасти гибнущие частные фонды, добиться их концентрации в архиве Академии наук или в Московском археологическом обществе не дали никаких результатов. Столь же безуспешны были попытки губернских архивных комиссий, не имеющих средств, помещений и квалифицированных сотрудников для целенаправленного собирания частновладельческих материалов.

В период империализма возникли архивы синдикатов, акционерных обществ и других монополистических объединений. Значение этих архивов было велико. Капиталист-одиночка меньше нуждался в архивных документах для руководства собственным предприятием. В монополистическом объединении, куда входила группа капиталистов, возникали сложные формы взаимного контроля, документы привлекались для изучения работы отдельных предприятий, наведения справок и т.п.

Для частновладельческих предприятий архивы сохраняли практическое значение, являлись их неотъемлемой частью. Роль корреспонденции была велика, и потому большинство единиц хранения в отличие от государственных учреждений, где дела складывались по предметно-вопросному признаку, формировалось по корреспондентскому признаку. В архивах частновладельческих предприятий отлагались также договоры и соглашения с другими фирмами, бухгалтерские материалы, техническая и производственная документация и т.д.

Акционерным предприятиям присущи такие виды документации, как уставы предприятий, списки акционеров, протоколы собраний акционеров и т.д.

Аналогичные источники отлагались в архивах банков. Кроме того, здесь концентрировались материалы о предоставлении кредитов частным предприятиям, что делало необходимым собирать

документы об их экономическом положении. Состав дел был индивидуален для каждого коммерческого банка. В наиболее полном виде его досье был таким: отчеты, уставы, финансовая и бухгалтерская документация, списки администрации и акционеров, договоры и др. В сейфах банков также стали храниться некоторые частные архивы и коллекции, т.е. была произведена частичная концентрация источников, что в последующем облегчило Советской власти задачу овладения этими архивами.

Особую группу составляют материалы, воспроизведенные типографским способом. Акционерные общества были обязаны публиковать уставы, материалы об их изменении, годовые балансы, причем последние в ряде случаев для привлечения акционеров давались в фальсифицированном виде. Печатали отчеты, доклады правлений, протоколы собраний акционеров, инструкции, рекламные материалы и т.п. Некоторые фондообразователи выпускали издания по истории предприятий, в большинстве случаев юбилейного характера. Так, в 1904 г. в Петербурге в связи с 25-летним юбилеем фирмы вышел очерк «Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель». В 1916 г. в Москве опубликована книга «Торговый дом «Воган и К°». Исторический очерк деятельности с 1840 по 1916 г.». Она была издана с целью реабилитации этого коммерческого предприятия, обвиняемого в прогерманском характере деятельности. Все эти материалы носят тенденциозный характер, поэтому требуют строго критического подхода, но определенную ценность имеют.

Архивы банков, синдикатов, акционерных обществ отражают политику монополистического капитала, направленную на достижение сверхприбылей за счет разорения и обнищания трудящихся.

В эти годы в сети частновладельческих архивов произошли существенные изменения. Большое развитие получили личные архивы революционеров. В них, а также в заводских и поместных архивах отлагаются материалы о росте революционного движения трудящихся, революции 1905—1907 гг., столыпинской реакции, о событиях первой мировой войны.

Значительно усилилось в эти годы распыление дворянских архивов. Л. М. Савелов отмечает: «...на рынок была выброшена целая масса рукописей; мне лично удалось за один 1907 год приобрести несколько сот столбцов»¹⁰.

Ценные источники, в том числе и дневники, отлагались в личных фондах сановников. Правительство проявляло пристальный интерес к таким материалам. Это влияло на хранение документов, так как их владельцы стремились спрятать записи подальше. Не случайно С. Ю. Витте после ухода в отставку хранил дневники в сейфе швейцарского банка. Агенты Департамента полиции произвели тайный обыск на его даче в Швейцарии, пытаясь выкрасть записи, но их там не оказалось.

Бывший военный министр и главнокомандующий армией в русско-японскую войну А. Н. Куропаткин беспокоился за свои

дневники и бумаги из-за того, что Николай II в личной беседе несколько раз высказывал пожелание познакомиться с ними. Куропаткин уже в годы первой мировой войны спрятал эти материалы в Лефортовском архиве.

Дальнейшее развитие получают личные архивы общественных деятелей, писателей, ученых, художников. Но и этим частным собраниям документов был нанесен существенный урон. Фонды прогрессивных деятелей зачастую конфисковывались полицией и в значительной мере уничтожались. Много частных архивов погибло также в годы первой мировой войны. Некоторые из них были брошены хозяевами на произвол судьбы, другие пострадали от боевых действий, часть была захвачена неприятелем.

Личные фонды ученых. В дореволюционное время не получили признания научные открытия многих наших соотечественников. Поэтому их материалы в значительной степени были утеряны. Такая судьба постигла, в частности, уникальные дневники с наблюдениями путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. Их частично удалось собрать лишь после победы Октябрьской революции. Некоторые документы сожгла после его смерти вдова путешественника М. Робертсон.

Ценные источники отлагались в личных архивах русских историков. До нас дошло свыше 320 таких фондов за период с XVIII—по начало XX в. Это материалы М. В. Ломоносова, Г.-Ф. Миллера, В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, А. П. Шапова и других. Но во многих документальных собраниях имеются существенные «пробелы». Например, архив М. В. Ломоносова был опечатан после его смерти Г. Орловым. Впоследствии потомкам Ломоносова он был возвращен не полностью.

Больше повезло фондам тех историков, в верноподданнических чувствах которых правительство не сомневалось. Так, по предложению Г.-Ф. Миллера его библиотека и собранные им материалы были куплены правительством для Московского архива КИД.

Большая заслуга в концентрации и собирании рукописей ученых принадлежала архивистам Академии наук. Вскоре после ее основания были созданы два архива: Конференц-архив и архив Академической канцелярии (с 1767 г. — Комиссии). В первом хранились в основном материалы, отлагавшиеся в результате деятельности академических учреждений, во втором — материалы административно-хозяйственного характера. Архивы находились в неудовлетворительном состоянии. Только в 70-х годах XIX в. приступили к составлению описей, но за дореволюционный период удалось упорядочить и составить справочники на небольшую часть документов. С 1908 г. была начата работа по составлению карточного каталога.

Со времени учреждения Академии наук установилась традиция собирать в академическом архиве личные фонды выдающихся ученых. Благодаря этому для науки были сохранены ценные материалы по истории развития различных ее отраслей. Но далеко

не всегда удавалось этой традиции одерживать верх над обычным для частных архивов процессом распыления.

В период капитализма личные архивы и коллекции рукописей ученых стали концентрироваться в Политехническом музее. Фонды ученых хранились часто в библиотеках университетов: Московского, Петербургского, Киевского, Казанского и др. В начале XX в. были созданы мемориальные музеи Д. И. Менделеева и И. И. Сеченова. Музей Менделеева был организован в 1911 г. при Петербургском университете, в квартире, где великий химик жил в 1866—1890 гг. Здесь была восстановлена обстановка домашнего кабинета и библиотека ученого, собрана значительная часть его архива — рукописи многих трудов, переписка. Несколько позднее по типу музея Менделеева был основан при Московском университете музей-архив в квартире И. И. Сеченова.

Таким образом, материалы ученых концентрировались менее интенсивно, чем рукописи деятелей культуры. Это объясняется тем, что история науки в целом и ее отдельных отраслей не привлекала еще должного внимания исследователей. К тому же у русской исторической общественности, которая проводила в основном работу по собиранию письменных источников, не было должных знаний по различным отраслям науки и техники.

Рукописные отделы библиотек и музеев. Библиотеки и музеи сыграли значительную роль в собирании письменных источников, в основном личного происхождения. В нашей стране они зародились в глубокой древности. Так, первоклассная библиотека была уже в древнем Хорезме в III в. н.э., в Бухаре в IX—X вв. Широкую известность получили библиотеки при Софийском соборе в Киеве и храме св. Софии в Новгороде, возникшие в XI в.

В период централизованного Русского государства значительные собрания древних греческих, латинских и русских рукописей и старопечатных книг сложились в Патриаршей библиотеке, библиотеках Московского печатного двора и Посольского приказа. В XVIII в. наряду с ними собиранием письменных памятников занимались библиотека Академии наук, Эрмитаж, библиотека при Московском университете и др.

Со второй половины XIX столетия масштабы работы по собиранию письменных памятников истории, литературы и искусства сильно возросли. Такая черта характерна и для истории архивного дела в других странах. Значительное количество аналогичных письменных памятников было сконцентрировано в Британском музее, Национальной библиотеке Франции, в Библиотеке конгресса США. Однако в России эта работа проходила в обстановке полного равнодушия или даже противодействия со стороны правительства. Например, сын Н. Г. Чернышевского сохранил часть архива и библиотеку отца. Но открыть в Саратове музей ему не разрешили. В 1909 г. он передал в Академию наук некоторые материалы, и там устроили уголок памяти Чернышевского. Это

вызвало негодование в правительственных кругах и консервативной прессе.

Правительство ответило отказом на предложение С. А. Толстой приобрести в государственную собственность Ясную Поляну, хотя вдова великого писателя была согласно передать безвозмездно весь архив Л. Н. Толстого.

Несмотря на безразличное и даже отрицательное отношение царской администрации к деятельности прогрессивной интеллигенции по собиранию исторических источников, рукописные отделы библиотек и музеев добились значительных успехов. Так, Петербургская публичная библиотека, основанная в конце XVIII в. и официально открытая в 1814 г., собрала около 200 тыс. документов. Еще в 1798 г. сюда поступили некоторые рукописи из коллекции Станислава Августа Понятовского, в том числе и опись Царского архива. В 1805 г. в рукописный отдел передали коллекцию сотрудника русского посольства в Париже в конце XVIII в. Дубровского, в которой насчитывалось свыше двух тысяч рукописей Генриха IV, Ришелье, Мазарини и других, в том числе три портфеля с бумагами по истории Бастилии. Материалы написаны арестантами этой политической тюрьмы или изъяты при арестах (басни, легенды, гимны, сочинения на религиозные темы и др.). Позднее рукописный отдел библиотеки сильно вырос за счет новых поступлений. Среди них памятники древнерусской литературы (Остромирово евангелие 1056 г., Изборник Святослава 1076 г., летописи XI—XVIII вв. и др.), материалы по истории русской литературы (автографы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.) и искусства (автографы музыкальных произведений М. И. Глинки, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, А. С. Даргомыжского и др.), древние рукописи по истории народов Средней Азии и Закавказья, а также истории Египта, Франции, Польши, Турции и других государств.

Во второй половине XIX в. русская демократическая общественность развернула значительную работу по спасению и собиранию рукописного наследия выдающихся деятелей отечественной культуры. В 1862 г. в Москве был создан Румянцевский публичный музей, основу которого составило рукописное собрание Н. П. Румянцева (рукописи по русской и мировой истории XII—XVIII вв. и копияные материалы за более древний период). Рукописный отдел музея быстро рос, в основном за счет передачи частных коллекций (В. М. Ундольского, Т. Ф. Большакова, И. Д. Беляева и др.). Здесь образовалась коллекция русских и славянских рукописей, юридических, исторических и литературных памятников XI—XIX вв. (Архангельское евангелие 1092 г., летописи, большая часть рукописного наследия А. С. Пушкина, которую передал его сын в 1880 г. в дар музею, значительная часть фонда Л. Н. Толстого, рукописи Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, А. И. Герцена, А. Н. Островского,

А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др.). В рукописном отделе музея хранились также памятники по истории народов СССР (например, коллекция историка Н. А. Маркевича по истории Украины) и истории иностранных государств (коллекция востоковеда К. А. Скачкова по истории Маньчжурии и Китая, греческие и латинские рукописи).

Таким образом, рукописные отделы по характеру материалов были весьма широкого профиля. Поэтому была предпринята попытка создать хранилище, где отлагались бы рукописи и документы исключительно по истории. В 1883 г. был открыт Российский исторический музей, а при нем рукописный отдел. Сюда поступили коллекции А. Д. и Г. А. Чертковых, И. Е. Забелина, В. Н. Рогожина, Уваровых, П. И. Шукина, Е. В. Барсова и др. В двух последних коллекциях наряду с материалами личного происхождения находились документы государственных учреждений. Поступали сюда и целые частные фонды (например, архив героя войны 1812 г. генерала Д. С. Дохтурова). Хронологические рамки материалов — с древнейших времен по XIX в., причем большая часть документов относилась к XVII—XVIII вв.

В Историческом музее хранились материалы и по истории литературы (большая часть фонда Ф. М. Достоевского, рукописи Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова и др.).

В рукописные отделы библиотек и музеев поступали части фондов, коллекции или отдельные документы. Это объясняется тем, что материалы передавались преимущественно путем дарения. Сюда охотнее и чаще жертвовали частные документальные собрания, поскольку доступ исследователей к ним был шире, чем в архивах правительственных учреждений. К тому же в условиях массовой гибели письменных памятников в XIX—начале XX в. рукописные отделы ставили целью спасти важнейшие материалы. В этой деятельности могли быть и ошибки, но общее направление работы в тех условиях было правильное.

Наряду с частновладельческими материалами в эти рукописные отделы поступали источники, которые по праву должны были храниться в архивах. Как отмечалось выше, И. Д. Беляев присвоил ряд актов из числа грамот Коллегии экономии (см. с. 94). Впоследствии наследники Беляева продали его документальное собрание Румянцевскому музею. П. И. Шукин приобретал похищенные из Лефортовского архива источники. Его коллекция была передана затем в Российский исторический музей.

Во второй половине XIX—начале XX в. создается ряд литературных музеев, при которых имелись рукописные отделы. В начале 60-х годов А. Ф. Отто (Онегин) создал в Париже музей, посвященный памяти А. С. Пушкина. Широкие связи Отто (Онегина) дали возможность собрать богатейшую коллекцию пушкинских материалов (варианты юношеских стихов, наброски первой редакции «Графа Нулина», черновики предисловий к «Борису Годунову», последним главам «Евгения Онегина» и т.д.), его книги,

вещественные реликвии, а также рукописи Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева и др.

В 1879 г. при Александровском лицее открылась Пушкинская библиотека, К 1899 г. здесь было свыше 2200 экспонатов — ранние произведения, черновые наброски «Медного всадника», письмо к А. О. Ишимовой от 27 января 1837 г., вещи и т.д. Эти материалы были переданы в 1917 г. в Пушкинский дом.

В конце 1905 г. удалось приступить к организации Пушкинского дома. Возглавлял его академик Н. А. Котляревский, старшим ученым хранителем являлся Б. Л. Модзалевский. Они много сделали для создания Пушкинского дома и его комплектования. Плохо обстояло дело с помещением. Пушкинский дом ютился на чердаке Академии наук, затем в проходных комнатах, позднее — на квартире академика А. А. Шахматова. Лишь после победы Октябрьской революции ему было предоставлено собственное помещение.

В 1909 г. Пушкинский дом приобрел музей А. Ф. Отто (Онегина), который был привезен из Парижа после смерти владельца в 20-е годы. М. Горький в 1909 г. подарил богатую коллекцию автографов писателей и ученых. В его коллекции находился альбом А. Е. Шиповой с автографами знаменитых людей XIX — начала XX в. Примеру Горького последовали другие писатели, ученые, общественные деятели. Пушкинский дом стал научно-исследовательским учреждением, которое занималось собиранием и изучением не только пушкинского наследия, но и материалов других русских и зарубежных писателей и поэтов. По широте поставленных задач он не имел себе подобных в мире.

Однако автографов Пушкина здесь было немного. Их концентрации препятствовали «собственнические» тенденции некоторых библиотек и музеев. Например, директор Румянцевского музея И. В. Цветаев выступил против передачи ряда материалов в Пушкинский дом, потому что хранящиеся в музее историко-литературные материалы и самая большая коллекция пушкинских рукописей составляли его «гордость». Правда, позднее И. В. Цветаев пересмотрел свои взгляды. Для сравнения отметим, что архивы сразу же заняли более правильную позицию. Например, Московский дворцовый архив передал весной 1914 г. на вечное хранение в Пушкинский дом 11 дел, связанных в основном со службой предков великого поэта. Всего к 1917 г. здесь было сконцентрировано около 25 тыс. документов.

С такой же любовью отнеслось русское общество к собиранию материалов Лермонтова. Его автографы находились в Петербургской публичной библиотеке и Румянцевском музее. В 1884 г. состоялось открытие музея Лермонтова в одном из залов Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Было создано 16 отделов: рисунков и картин Лермонтова, иконографический, вещей поэта и др. Самым значительным являлся рукописный отдел, основой которого стала коллекция редактора «Отечествен-

ных записок» А. А. Краевского. В музее хранились корректурные листы с пометами и зачеркиваниями цензоров; материалы к биографии поэта: 6 подлинных и 16 скопированных дел различных учреждений (документы III отделения о стихотворении «Смерть поэта», о представлении Лермонтова к награде за отвагу в сражении при Валерике и др.). Из архива Военно-судного управления удалось получить следственные материалы о дуэлях Лермонтова с Барантом и Мартыновым. К началу XX в. этот музей сложился как самое крупное собрание документов Лермонтова. В 1917 г. его материалы передали в Пушкинский дом.

В начале XX в. в Русском историческом музее была устроена комната Ф. М. Достоевского, в Петербурге и Москве — музей Л. Н. Толстого, при библиотеке Румянцевского музея — А. П. Чехова.

По примеру музеев, посвященных памяти писателей, стали создаваться музыкальные музеи. В 1892 г. в Петербурге (сначала в фойе Мариинского театра, а с 1896 г. в здании Петербургской консерватории) по инициативе сестры М. И. Глинки — Л. И. Шестаковой — был основан музей Глинки. Здесь находились тексты и планы либретто опер «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», партитуры ряда романсов, рисунки и письма Глинки. Однако рукописный отдел был невелик.

При Петербургской консерватории в 1900 г. основан мемориальный музей А. Г. Рубинштейна, в котором находились вещи, печатный и художественно-изобразительный материал, а также рукописи, либретто оперы «Демон», материалы о постановке опер Рубинштейна.

В 1912 г. при Московской консерватории создан музей Н. Г. Рубинштейна. Здесь собраны материалы о жизни и деятельности не только Рубинштейна, но и целого ряда русских и иностранных композиторов (М. И. Глинки, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. И. Танеева, А. Т. Гречанинова, Ф. Листа, Д. Россини, Л. Бетховена и др.). Как Пушкинский дом стал национальным музеем истории русской литературы, так и это собрание превратилось в музей истории русской музыкальной культуры. Кроме того, собиранием материалов русских композиторов занимались библиотеки Петербургской и Московской консерваторий, Дом-музей П. И. Чайковского в Клину, Русское музыкальное общество.

Театральное коллекционирование началось с 80-х годов XIX в. Значительные коллекции были собраны А. А. Бахрушиным, С. И. Зиминным, Н. С. Окошниковым, Н. А. Куприяновым. Особо внимания заслуживает коллекция Бахрушина, богатого купца, страстного театрала, прекрасного искусствоведа. Он собирал все, имевшее отношение к истории театра: автографы А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Вольтера, В. Гюго, И. Ф. Шиллера, И. В. Гете и др., фотографии, воспоминания артистов, статьи и книги по истории театра, театральные костюмы и машины, материалы великих артистов М. С. Щепкина, Н. В. Рыкало-

вой, М. Г. Савиной и др. В 1913 г. коллекция была передана Академии наук.

Таким образом, работа по собиранию письменных источников библиотеками и музеями развернулась в основном со второй половины XIX в., когда много источников было утрачено. Собирались в основном памятники древней истории и материалы по истории литературы и искусства. Таких источников было сравнительно немного, и они имели исключительную ценность. Концентрация их в библиотеках и музеях не только спасла материалы от утери или гибели, но и дала возможность исследователям использовать их в научных целях.

Использование документов частновладельческих архивов. Эти материалы привлекались их владельцами для подтверждения прав на привилегии, имущество и т. д. Хозяйственные документы использовались при управлении имениями, торговыми и промышленными предприятиями. В фондах деятелей литературы и искусства отлагались источники, необходимые для творческой работы. Материалы помещичьих архивов часто использовались для подтверждения прав на дворянство, составление родословных и др. Например, много внимания генеалогии своего рода уделял отец великого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, возводивший ее к XIII в. Фактически же его предок получил дворянство в 1630 г.¹¹

В последние десятилетия существования царской России делаются робкие попытки публикации частновладельческих материалов. Достоянием печати стала очень незначительная часть этих источников. Как правило, публиковались документы более древнего времени. Некоторые материалы были изданы Русским историческим обществом, в том числе часть бумаг генерала П. И. Панина, возглавлявшего правительственные войска в период Крестьянской войны 1773—1775 гг. Панин хранил дела своей военнополоходной канцелярии в личном архиве. Лишь в 1871 г. его наследники разрешили опубликовать переписку Панина с Екатериной II. Остальные материалы в дореволюционный период оставались не известными историкам.

С 1870 по 1895 г. вышло 40 томов «Архива князя Воронцова» (М., 1870—1895. Т. 1—40). В издании опубликованы материалы пяти крупных государственных деятелей и дипломатов XVIII—XIX вв. (Михаила и Романа Ларионовичей, Александра и Семена Романовичей и Михаила Семеновича Воронцовых). «Лица эти, — отмечено в предисловии П. И. Бартеневым, подготовившим издание, — преемственно дорожили своим прошедшим и сберегали как служебные, так и частные бумаги свои. Этим объясняется обилие и разнообразие Воронцовского архива, а равно и повод к его обнаругованию»¹².

Материал в издании подбирался по годам. Однако от этого принципа имеются частые отступления (письма одного и того же

лица публикуются в одном месте, хотя между ними порой существует значительный хронологический промежуток).

В издании собраны в основном дипломатические документы, переписка, личные и служебные бумаги (например, реляции, докладные записки и пр.), биографические материалы; документам же собственно вотчинной части уделено меньше внимания. Материалы, исходя из служебного положения лиц-фондообразователей, представляют большую научную ценность. Однако к таким изданиям следует подходить особенно критически. Было бы наивно ожидать в этой публикации объективного и беспристрастного документального освещения деятельности представителей верхушки дворянства. Не получила отражения и эксплуатация этими сановниками своих крепостных, хотя они были крупными помещиками. У князя М. С. Воронцова, например, было свыше 33 тыс. крепостных крестьян. Личная характеристика этих вельмож, и, в частности, М. С. Воронцова, дана явно в приукрашенном виде. Это объясняется прежде всего тем, что издание финансировалось Воронцовыми. Издатель П. И. Бартенев в течение 25 лет получал от них 5 тыс. руб. ежегодно, что давало ему возможность выпускать журнал «Русский архив»¹³.

В конце XIX—начале XX в. вышли документальные сборники «Архив кн. Ф. А. Куракина» (СПб., 1890—1899. Т. 1—10) и «Архив графов Мордвиновых» (СПб., 1901—1903. Т. 1—10). В последнем издании материалы хозяйственного характера исключены совсем. Недостатки данных и ряда других сборников были обусловлены стремлением владельцев документов публиковать материалы, прославляющие верных слуг монархии, а также литературными вкусами издателей. Последние не стремились к глубокому освещению документами той или иной эпохи, нередко гнались за сведениями сенсационного характера. Нельзя упускать из виду классовый характер использования документов, которые и в частновладельческих архивах служили политическим оружием в руках господствующего класса.

Публикация материалов церквей и монастырей осуществлялась в основном Петербургской археографической комиссией. Значительный удельный вес имели такие источники и в трудах губернских ученых архивных комиссий. В них часто помещались также материалы по истории дворянских фамилий. Публикация проводилась, так правило, на средства помещиков, что накладывало отпечаток на издаваемые материалы. Например, Тамбовская комиссия в начале XX в. опубликовала материалы о Мартыновых, в том числе и о убийце М. Ю. Лермонтова — Н. С. Мартынове. Чтобы обелить убийцу великого поэта, составители утверждают, что Н. С. Мартынов «не умел стрелять из пистолета и что действительно он явился слепым орудием Провидения, когда пушечная им без прицела пуля сразила наповал его противника»¹⁴.

Несколько сборников с материалами дворянских архивов было

издано на Украине: «Сулимовский архив» (Киев, 1884) и «Фамильный архив Стороженок» (Киев, 1902—1910. Т. 1—8).

На публикаторскую деятельность непосредственное воздействие оказывал подъем революционного движения в стране. В начале XX в. стали печататься источники, которые раньше находились под запретом. Так, Б. Л. Модзалевский подготовил документальное издание «Архив Раевских». Семья Раевских сочувствовала декабристам, Мария Раевская была замужем за Сергеем Волконским. С этой семьей прославленного героя войны 1812 г. был близок А. С. Пушкин.

Пристального внимания заслуживает издание «Архив братьев Тургеневых» (СПб., 1911—1921 гг.). Если все ранее названные публикации фамильных архивов осуществлялись за счет их владельцев, то это издание было предпринято Академией наук. В научный оборот были введены ценные материалы, в том числе декабриста Н. И. Тургенева.

Накануне победы Великой Октябрьской социалистической революции шла подготовка к изданию архива С. Г. Волконского, первый том которого под названием «Архив декабриста» вышел в Петрограде в 1918 г.

Эти публикации принесли несомненную пользу. У читателей прививалась любовь к историческим знаниям, в научный оборот вводились свежие и порой очень важные источники.

В конце XIX в. стали публиковаться архивные справочники на частновладельческие материалы. Так, в 1891—1892 гг. издается в трех выпусках «Подробная опись Линева архива», в которой составлены аннотации на дела вотчинного архива помещика Костромской губернии Линева. В 1895 г. публикуется «Подробная опись Долматовского архива» (по названию имения «Долматово») и ряд других.

С точки зрения современных требований к публикациям можно предъявить серьезные претензии. Но вышедшие в свет сборники обогатили источниковую базу исторической науки. Следует учитывать также недолговечность многих частных архивов в дореволюционный период. Благодаря публикациям до нас дошли сведения о важных событиях прошлого.

Частные архивы долго были малодоступны для исследователей. Лишь в отдельных случаях в зависимости от личных взаимоотношений владельца архива и историка они привлекались при разработке исследований. Например, А. С. Пушкин использовал рукописи семейного архива Галаховых. Как известно, капитан А. П. Галахов сопровождал Е. И. Пугачева из Симбирска в Москву и находился при нем до дня его казни. Великому поэту передал материалы фамильного архива его давний знакомый — внук капитана Галахова. На трех листах А. С. Пушкин сделал карандашные пометы. Сейчас эти материалы хранятся в ЦГАДА¹⁵.

Усилилась работа исследователей над материалами рукописных отделов библиотек и музеев со второй половины XIX в. Над

этим материалами работали все крупные специалисты по отечественной истории. При допуске к источникам имелись известные ограничения. Например, в Румянцевском музее доступ к дневнику А. С. Пушкина по желанию его наследников был отодвинут на 50 лет.

Библиотеки и музеи в своих печатных каталогах и отчетах информировали научную общественность об имеющихся материалах. Это способствовало притоку исследователей.

Интенсивно участвовали библиотеки и музеи в устройстве выставок, в основном юбилейного характера. Эти источники экспонировались также за рубежом.

* *
*

Подавляющее большинство дошедших до нас частных архивов принадлежало представителям господствующих классов. Поэтому следует учитывать марксистско-ленинское положение о социальной обусловленности мировоззрения людей. Это положение служит основой для понимания и трактовки материалов личного происхождения, составляющих значительную часть документации частных архивов.

В области частновладельческих архивов была своя специфика развития. Правительственные мероприятия в архивном деле не затрагивали частных собраний документов. В обществе, основанном на принципах частной собственности, и не может быть иначе. Отсутствие контроля над частновладельческими архивами и помощи со стороны архивных учреждений отрицательно сказалось на степени сохранности частных документальных собраний, причем материалы прогрессивных деятелей зачастую сознательно уничтожались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

✓ В дореволюционной России сложилась огромная сеть архивов. Всего в стране насчитывалось свыше 120 тыс. правительственных и общественных архивов. Над ними не было единого руководящего органа, они находились в подчинении различных ведомств. Документы передавались из канцелярий в текущие архивы, а оттуда в исторические нерегулярно, задерживаясь на десятилетия. ✓ Частновладельческие архивы оставались без правительственного контроля, и их гибель носила массовый характер.

В XVIII—XIX вв. был создан ряд исторических архивов, хранящих важные документы. Правительство при этом преследовало цель сосредоточить в немногочисленных хранилищах наиболее важные в политическом и экономическом отношении материалы, которые могли быть использованы в борьбе за укрепление устоев самодержавия. И все же исторические архивы сыграли заметную положительную роль в деле спасения источников от гибели, их упорядочения и использования. Эти архивные учреждения обладали более приспособленными помещениями и подготовленными кадрами. Все это положительно сказалось на обеспечении сохранности ценных источников, которые в основной массе дошли до нас.

Хуже обстояло дело с положением архивов правительственных учреждений, особенно местных. Материалы гибли от неудовлетворительных условий хранения и невежества чиновников. Хищение архивных источников носило широкий характер.

Тяжелое положение сложилось с помещениями, особенно на местах. Примерно $\frac{2}{3}$ местных архивов размещались в зданиях, не отвечавших элементарным требованиям.

Плохо был налажен учет архивных источников. Часто архивисты не знали, какое количество дел они хранят. Что касается их численности в масштабах всей страны, то такой вопрос дореволюционные историки-архивисты даже не ставили. По подсчетам советских исследователей Р. Н. Ефименко и Л. А. Ковша, применивших математические методы для определения числа архивных дел, в архивах правительственных учреждений в конце XIX—начале XX в. насчитывалось от 300 млн. до 1,25 млрд. единиц

хранения¹. Но до нас дошла незначительная часть этого огромного документального массива.

Дореволюционная Россия являлась одним из немногих крупных европейских государств (вместе с Австро-Венгрией), где не была проведена буржуазная централизация архивного дела. Это свидетельствует о ее отсталости. В то же время русские архивисты достигли определенных успехов. Во второй половине XIX в. сложилось архивоведение как вспомогательная историческая дисциплина. Результативно изучалась история архивного дела, причем ряд работ и в настоящее время не потерял своего значения благодаря богатому фактическому материалу. Был достигнут прогресс в разработке вопросов о хранении документов и описании архивных дел. Однако такие важные вопросы, как комплектование архивов, экспертиза ценности документов и другие, не разрабатывались.

Документальные публикации архивов обогатили источниковую базу. С конца XIX в. вырабатывались определенные принципы отбора документов, улучшились способы их систематизации внутри публикаций, наметился переход к тематическим публикациям. Сотрудники архивов и губернских ученых архивных комиссий выпустили в свет около двух тысяч документальных изданий, многие из которых не потеряли своего значения в настоящее время. Но нельзя забывать о классовой направленности и серьезных недостатках, присущих этим публикациям.

Положительную роль сыграло опубликование архивных справочников. Ряд справочных изданий прочно вошел в научный оборот, способствовал расширению тематики научных исследований. Необходимо учитывать идеологическую направленность справочников, которая отвечала классовому сознанию буржуазно-дворянских архивистов.

Справочная работа проводилась в основном в интересах дворянства. Ученые допускались в архивы с известными ограничениями. Документы о классовой борьбе были доступны лишь узкому кругу консервативных историков. В то же время всячески поощрялись исследования по темам, в разработке которых правительство было заинтересовано: история дома Романовых, история церкви, составление военных очерков, проникнутых реакционным духом, и др.

Слабой являлась система подготовки архивных работников. Петербургский и Московский археологические институты готовили в основном археологов. Деятельность подлинных людей науки, преданных архивному делу (например, С. А. Белокурова, С. К. Богоявленского, В. Н. Сторожева и др.), не получила должного признания. Лишь после победы Октябрьской революции их заслуги были оценены. С. А. Белокуров в январе 1918 г. возглавил Московский главный архив МИД, С. К. Богоявленский стал видным ученым, член-корреспондентом АН СССР, В. Н. Сторожев являлся одним из руководителей Главархива РСФСР.

В архивах России работали крупные ученые, внесшие весомый вклад в развитие отечественного архивоведения. Некоторые из них (например, Н. В. Калачов и Д. Я. Самоквасов) выступили с проектами реорганизации архивного дела. Хотя они не были воплощены в жизнь, но идеи ученых использовали последующие поколения архивистов, в том числе и в советский период.

Конечно, реорганизация архивного дела, осуществленная после победы Великой Октябрьской социалистической революции, не может идти ни в какое сравнение с проектами, которые предлагались видными учеными. Их научные работы были также далеко не безупречны. Однако для своего времени замыслы видных архивистов имели прогрессивное значение и оценивать их деятельность нужно в свете высказывания В. И. Ленина, что исторические заслуги «...судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»².

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВНИИДАД	— Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
КИД	— Коллегия иностранных дел
МГИАИ	— Московский государственный историко-архивный институт
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ СССР	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА
г. Москвы	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература ко всем разделам

- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства// *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178.
- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?// Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125—346.
- Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма// Полн. собр. соч. Т. 2. С. 119—262.
- Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма// Полн. собр. соч. Т. 5. С. 21—72.
- Ленин В. И.* От Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. 29 января 1904 г.// Полн. собр. соч. Т. 8. С. 163.
- Ленин В. И.* Доклад об Объединительном съезде РСДРП. (Письмо к петербургским рабочим)// Полн. собр. соч. Т. 13. С. 1—66.
- Ленин В. И.* Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам// Полн. собр. соч. Т. 17. С. 339—353.
- Ленин В. И.* По поводу юбилея// Полн. собр. соч. Т. 20. С. 161—170.
- Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция// Полн. собр. соч. Т. 20. С. 171—180.
- Ленин В. И.* О сепаратном мире// Полн. собр. соч. Т. 30. С. 184—192.
- Ленин В. И.* Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года// Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1—6.
- Ленин В. И.* Ничего не изменилось// Полн. собр. соч. Т. 32. С. 62.
- Ленин В. И.* Надо разоблачать капиталистов// Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203—204.
- Ленин В. И.* О государстве// Полн. собр. соч. Т. 39. С. 64—84.
- Ленин В. И.* О пролетарской культуре// Полн. собр. соч. Т. 41. С. 336—337.
- Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986.
- Каталог Военно-ученого архива.* СПб., 1905—1914. Т. 1—4.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.* СПб., М., 1869—1921. Т. 1—21.
- Сборник материалов, относящихся до архивной части в России.* Пг., 1916—1917. Т. 1—2.
- Автографы М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986.
- Бржостовская Н. В.* Архивное дело с древнейших времен до 1917 года// Труды ВНИИДАД. М., 1979. Т. VIII. Ч. II.
- Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891—1908. Т. 1—4.
- Маяковский И. Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920.
- Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. 2-е изд., доп. М., 1960.
- Самокасов Д. Я.* Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899.

- Самокасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1—2.
- Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1981.
- Самошенко В. Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986.
- Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М., 1940.
- Шобухов М. Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955.

К главам 1—2

- Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971.
- Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подготовка текста и комментарии А. А. Зиминой. М., 1978. Ч. 1—3.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года, Подготовка текста В. И. Гальцова. М., 1977. Ч. 1—2.
- Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. М., 1984—1985. Т. 1—3.
- Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. Подготовка текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой. М., 1986.
- Слуховский М. И.* Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968.
- Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., Л., 1948. Т. 1; 1951. Т. 2.
- Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- Шмидт С. О., Князьков С. Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М., 1985.

К главам 3—6

- Архив Министерства земледелия и государственных имуществ. Памятная книжка. СПб., 1904.
- Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции. М., 1890.
- Памятная книжка Сенатского архива. СПб., 1913.
- Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. М., 1986—1987. Т. 4—5.
- Андреевский И. Е.* Наука об архивах: Лекции, читанные в С.-Петербургском археологическом институте в 1885/86—1886/87 гг. СПб., 1887.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.
- Белокуров С. А.* Московский архив иностранных дел в 1812 г. М., 1913.
- Воронов А. П.* Архивоведение. Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1904.
- Вяликов В. И.* Архивы и архивное дело в СССР (конспект лекций). М., 1957.
- Дремина Г. А.* Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР. М., 1961.
- Дремина Г. А., Кузнецова Т. В.* Центральный государственный исторический архив СССР в г. Ленинграде. М., 1959.
- Дремина Г. А., Чернов А. В.* Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив коллегии иностранных дел). М., 1959.
- Калачов Н. В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877.
- Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
- Колесников И. Ф.* Устройство и ведение архивов: Пособие к лекциям по архивоведению. Курс специальный. М., 1910.
- Максаков В. В.* Организация архивов КПСС. М., 1968.

Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

Оглоблин Н. Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878—1880 гг.). СПб., 1903.

Старостин Е. В. Архивное дело во Франции. Аналитический обзор. М., 1984.

Старостин Е. В. Зарубежная буржуазная историография архивоведения. М., 1986.

Старостин Е. В. Развитие международного архивного сотрудничества до Второй мировой войны. М., 1983.

Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М., 1984.

Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. Период феодализма. М., 1977.

Эпштейн Д. М. История археографии дореволюционной России (период капитализма). М., 1979.

К главе 7

Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901—1903. Т. 1—10.

Архив князя Воронцова. М., 1870—1895. Т. 1—40.

Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890—1899. Т. 1—10.

Кононов Ю. Ф. История личных фондов государственных деятелей России XVIII—первой половины XIX века. М., 1964.

Кононов Ю. Ф. Комплектование рукописных отделов библиотек и музеев в дореволюционной России. М., 1961.

Кононов Ю. Ф. Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX в. М., 1961.

Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук. Краткий исторический очерк 1724—1917. М., 1977. Т. 1.

Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975.

50 лет Пушкинского дома. М., Л. 1956.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

К введению

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 315.

³ См.: Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историографический сборник. М., 1965. С. 9.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 75.

⁵ Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1960. С. 17.

⁶ См.: там же. С. 172, 206, 210; Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М., 1940. С. 48, 49 и др.

⁷ См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 7.

К главе 1

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 32.

² См.: Авдусин Д. А. Гнездовская корчага // Древние славяне и их соседи. Сборник статей. М., 1970. С. 110, 112, 113.

³ См.: Буганов В. И. Русские летописи // Вопросы истории. 1984. № 6. С. 79.

⁴ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., Л., 1948. Т. 1. С. 408—409.

⁵ См. там же. С. 410.

⁶ См.: Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968. С. 10.

⁷ См. там же. С. 10—11.

⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 8.

⁹ См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 135, оп. 1, д. 32, л. 1.

К главе 2

¹ См.: Старостин Е. В. Зарубежная буржуазная историография архивоведения. Учеб. пособие. М., МГИАИ, 1986. С. 10.

² Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Вып. 1. С. 26.

³ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 60—61.

⁴ См. там же. С. 182.

⁵ См.: Русский феодальный архив. М., 1986. С. 4.

⁶ См.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 102, 139.

⁷ Там же. Т. 3. С. 103.

- ⁸См.: *Автокротова М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 30, 48.
⁹*Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. С. 350.
¹⁰См.: *Автокротова М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 62.
¹¹См. там же. С. 198.
¹²См.: *Российское законодательство*. Т. 3. С. 448—461.
¹³ЦГАДА, ф. 79, 1653 г., д. 8, л. 42.

К главе 3

- ¹*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346.
²*Автокротова М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 194.
³См.: *Старостин Е. В.* Зарубежная буржуазная историография архивоведения. С. 15.
⁴ПСЗ I. Т. 5. № 3534.
⁵ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1/47, д. 268, лл. 4, 6, 8, 14.
⁶ЦГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3378.
⁷ЦГАДА, ф. 292, оп. 1, д. 43, л. 227об.
⁸См.: *Самошенко В. Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 17.
⁹См.: *Маяковский И. Л.* Указ. соч. С. 179.
¹⁰ЦГАДА, ф. 180, оп. 1. Д. 55, л. 30.
¹¹ПСЗ I. Т. 16. № 11989.
¹²ЦГАДА, ф. 1209, оп. 3, ч. 1, д. 1723, л. 82.
¹³ЦГАДА, ф. 337, оп. 1., д. 8363, л. 6об.
¹⁴ЦГАДА, ф. 1472, оп. 1, д. 175, л. 12.
¹⁵Там же, д. 39, л. 24.
¹⁶ЦГАДА, ф. 180, оп. 6, д. 3, лл. 1—7об.
¹⁷ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1240, лл. 52об.—53.
¹⁸ПСЗ I. Т. 20. № 15074.
¹⁹*Старостин Е. В.* Зарубежная буржуазная историография архивоведения. С. 37.
²⁰См.: *Автократов В. Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX—начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 3.
²¹Там же. С. 11.
²²См.: *Старостин Е. В.* Архивное дело во Франции. М., 1984. С. 60.
²³*Маяковский И. Л.* Указ. соч. С. 7—8.
²⁴*Автокротова М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 37.

К главе 4

- ¹*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 292.
²*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
³См.: *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 7.
⁴*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Т. 2. С. 25.
⁵*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 292.
⁶См.: *Сборник материалов, относящихся до архивной части в России*. Пг., 1916. Т. 1. С. 7, 100.
⁷*Маяковский И. Л.* Указ. соч. С. 214.
⁸*Сборник материалов...* Т. 1. С. 123—124.
⁹*Автокротова М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 53.
¹⁰ЦГАДА, ф. 333, оп. 1, д. 11, лл. 1—1об.
¹¹ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 109, лл. 55—56.
¹²ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 367, л. 2.
¹³ПСЗ I. Т. 27. № 28460.
¹⁴См.: *Сборник материалов...* Т. 1. С. 33.
¹⁵Там же. С. 28.
¹⁶Там же. С. 27—28.
¹⁷*Сборник материалов...* Т. 1. С. 113, 114.
¹⁸См.: *Автократов В. Н.* Указ. соч. С. 4.

¹⁹ЦГАДА, ф. 1472, оп. 1, д. 39, л. 3.

²⁰Там же.

²¹См.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 40—41.

²²Архив АН СССР, ф. 553, оп. 1, д. 29, л. 21—22.

²³См.: *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 31.

²⁴*Сборник материалов...* Т. 2. С. 113.

²⁵Там же. С. 4.

К главе 5

- ¹*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 165.
²Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 124—125.
³ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 74, лл. 21—21об.
⁴См.: *Токмаков И. Ф.* Обзорение библиотеки Московского главного архива Мид. М., 1879; и др.
⁵ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 64, л. 124об.
⁶ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 867, л. 1.
⁷ЦГАОР СССР, ф. 99, оп. 1, д. 88, л. 11.
⁸Архив АН СССР, ф. 553, оп. 1, д. 29, л. 32.
⁹ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 287, лл. 11об.—12.
¹⁰Архив АН СССР, ф. 553, оп. 1, д. 29, лл. 30, 36, 37.
¹¹См.: *Самошенко В. Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 167—168.
¹²*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
¹³ЦГАДА, ф. 1472, оп. 1, д. 39, л. 2.
¹⁴ЦГВИА СССР, ф. 492, оп. 1, д. 99, л. 3.
¹⁵ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 20, л. 50.
¹⁶ЦГВИА СССР, ф. 799, оп. 1, д. 11, л. 25.
¹⁷Каталог Московского отделения Общего архива Главного штаба. СПб., 1890—1894. Ч. 1—4.
¹⁸См.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг. М., 1877—1883. Вып. 1—2.
¹⁹ЦГАДА, ф. 1239, оп. 35, д. 91, л. 1.
²⁰См.: *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1 (приложение). С. 2.
²¹ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, ч. I, д. 650, л. 30.
²²*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 125.
²³ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 1031, ч. 1, л. 28об.
²⁴*Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 122.
²⁵См. там же.
²⁶*Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 116.
²⁷ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 3, л. 939, л. 4.
²⁸*Калачов Н. В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877. С. 4.
²⁹*Сборник материалов, относящихся до архивной части в России*. Пг., 1917. Т. 2. С. 406.
³⁰*Оглоблин Н. Н.* Указ. соч. С. 35.
³¹ЦГАЛИ СССР, ф. 436, оп. 1, д. 1221, л. 328.
³²*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 45.
³³ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 3462, л. 17.
³⁴*Калачов Н. В.* Архивы. Труды I Археологического съезда в Москве, 1869. М., 1871. С. 211.
³⁵См.: *Автократов В. Н.* Указ. соч. С. 10—11.
³⁶*Сборник материалов...* Т. 1. С. 541.
³⁷См.: *Мазин К. А.* Проекты архивной реформы в России в конце XIX—начале XX в.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1987. С. 62—64.
³⁸См. там же. С. 67.
³⁹ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 266, л. 21.
⁴⁰ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1, л. 10.

К главе 6

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 163.
² Ленинский сборник. II. С. 461—473.
³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 8.
⁴ Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 165—166.
⁵ Красный архив. 1934. Т. 62. С. 128.
⁶ ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 1031, ч. 1, л. 82.
⁷ Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 137.
⁸ ЦГИА г. Москвы. ф. 376, оп. 3, д. 14, лл. 192, 202 об.
⁹ Там же, лл. 153 об., 158—158 об.
¹⁰ См.: Пашков А. М. Документы о развитии вспомогательных исторических дисциплин в конце XIX—начале XX в. // Советские архивы. 1984. № 5. С. 39.
¹¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 234, оп. 1, д. 153, л. 4.
¹² См.: Маяковский И. Л. Указ. соч. С. 299.
¹³ ЦГВИА СССР, ф. 799, оп. 1, д. 21, лл. 33—33об.
¹⁴ См.: Автократов В. Н. Указ. соч. С. 16.
¹⁵ См.: Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 2. С. 52.
¹⁶ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 644, л. 45.
¹⁷ См.: Сборник материалов... Т. 1. С. 61, 62.
¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 300, д. 13, л. 81.
¹⁹ Там же, л. 85.
²⁰ ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 1031, ч. 1, л. 113.
²¹ См.: Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. С. 211.
²² ЦГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 81, лл. 1—4.
²³ См.: Фонд документов В. И. Ленина. С. 172—174.
²⁴ См.: Автократова М. И., Буганов В. И. Указ. соч. С. 59.
²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 2744, лл. 1—6.
²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 186—187.
²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 62.
²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 2.
²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203—204.

К главе 7

- ¹ См.: Автократова М. И., Буганов В. И. Указ. соч. С. 22.
² ЦГАДА, ф. 1453, оп. 1, д. 17, лл. 1—4об.
³ См.: Кононов Ю. Ф. История личных фондов государственных деятелей России XVIII—первой половины XIX в. М., 1964. С. 11, 15, 16, 21, 22.
⁴ Ростиславов А. Духовенство и старина // Старые годы. 1914. № 6. С. 37.
⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 87, оп. 1, д. 334, л. 110.
⁶ Бельчиков Н. Ф. Архив А. С. Пушкина // Архивное дело. 1927. № 13. С. 96.
⁷ Савелов Л. М. О семейных архивах // Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1—2.
⁸ Там же. С. 2.
⁹ См.: Лацис А. «Молебны лести не пою...» // Новый мир. 1987. № 1. с. 19.
¹⁰ Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. М., 1908. Ч. 1. С. 45.
¹¹ См.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1950. Т. I. С. 13, 15—16.
¹² Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. 1. Предисловие. С. 1.
¹³ ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, д. 594, л. 458.
¹⁴ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1904. Вып. 47. Т. 1. С. 97.
¹⁵ См.: Автократова М. И., Буганов В. И. Указ. соч. С. 97.

К заключению

- ¹ См.: Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 2. С. 51.
² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.